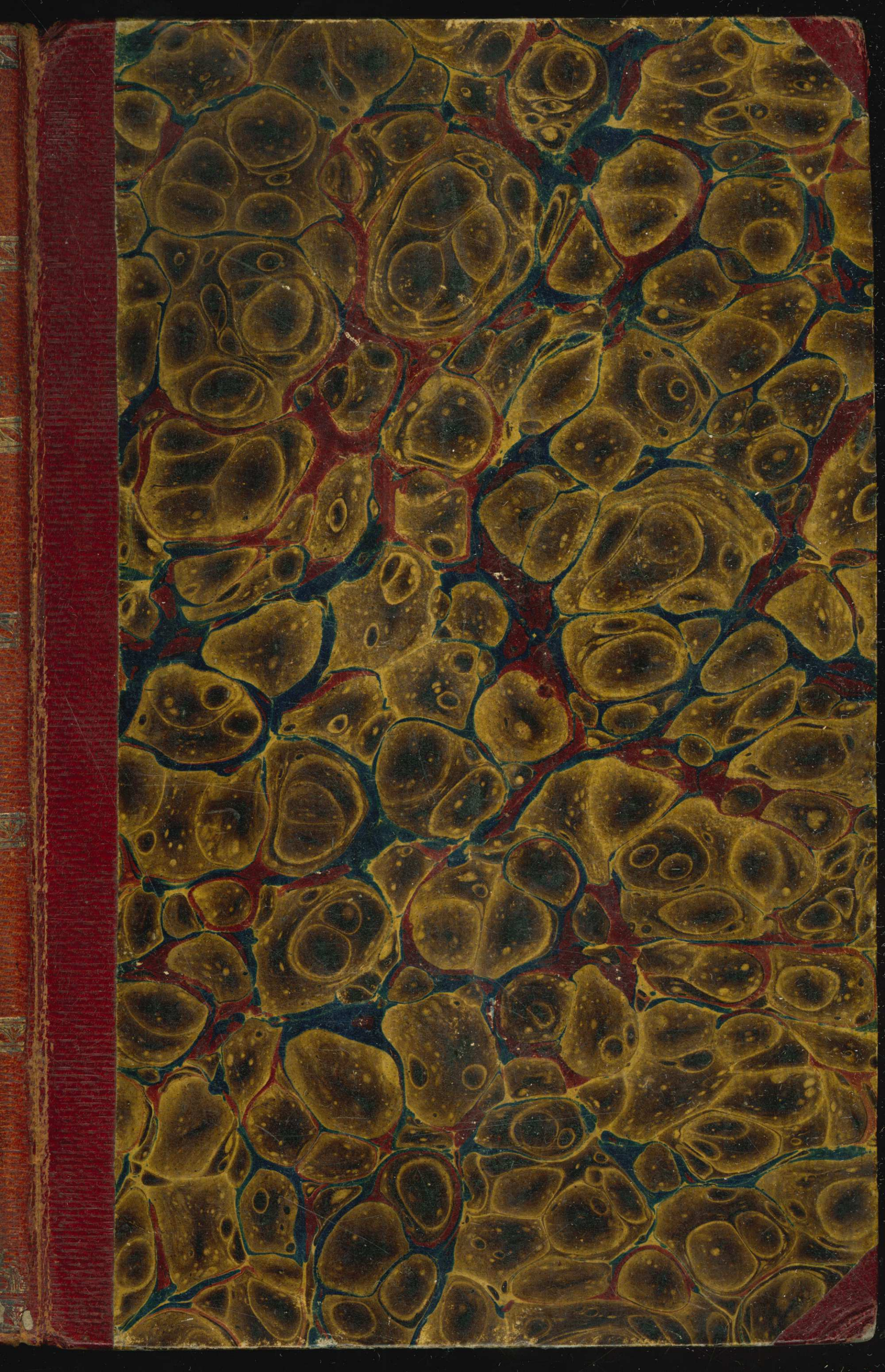
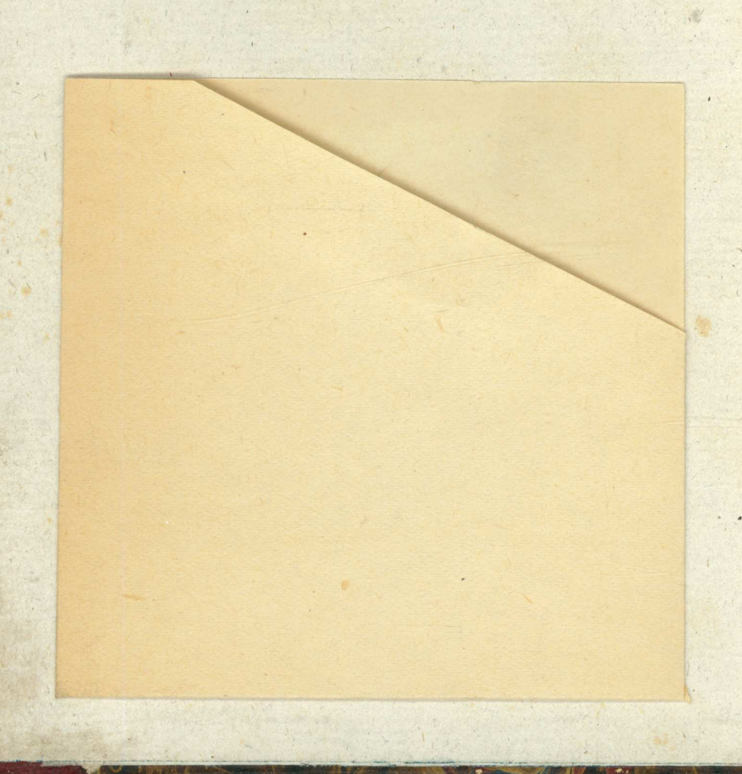

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ,

По образу житія Марка Аврелія Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа, отъ Антонія Гвевара составленныя.

Съ Латинскаго языка перевелъ

АНДРЕЙ ЛЬВОВЪ.

ЧАСТЬ V.

ВЪ МОСКВѢ
въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Золотые Часы Государей, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

14.

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ.

ГЛАВА I.

Великiе Монархи и Князи должны равномѣрное всѣмъ оказывать правосудiе: въ подтвержденiе чего Авторъ приводитъ многiя достопамятнѣйшiя вещи.

Нигидiй Фигулъ, изъ Философовъ, каковыхъ имѣлъ Римъ, не послѣднiй, сказалъ, что между львомъ и вѣсами, двумя зодiйными знаками, стоитъ дѣва, именуемая ПРАВДА, которая въ древнiя времена жила между человѣками, и будучи отъ нихъ прогнѣвана взошла потомъ на небо; желая показать, что правда толь превосходная есть добродѣтель, что превышаетъ человѣческой разумъ, понеже избрала себѣ обитанiе на небѣ, и не обрѣтается ни единаго человѣка на землѣ, который бы воспрiялъ ее въ свое жилище. Сколь долго смертные были цѣломудренны, кроткi, доброхотны, милосердны, терпѣливы, постоянны, честны, справедливы и благочинны, правда съ ними на землѣ обитала.

А какъ сдѣлались прелюбодѣями, свирѣпыми, гордыми, невоздержными, лживыми и злоязычными; то вознамѣрилась она, оставя ихъ, взлетѣть на небо. И изъ сего разумѣетъ Философъ, что беззаконій ради, человѣками на землѣ совершаемыхъ, на вѣки ушла отъ нихъ правда. Хотя же сіе кажется быть стихотворческая выдумка, однако нужное и полезное заключаетъ въ себѣ ученіе: что оттуда явственно; понеже, гдѣ мало только обрѣтается правды, тамъ нѣтъ никакихъ воровъ, клгуновъ, человѣкоубійцовъ, мучителей, и клеветниковъ; словомъ: въ которомъ только домѣ или городѣ обитаетъ правда, тамъ ни совершаютъ беззаконій, ни терпятъ беззаконныхъ.

Омиръ намѣревая возвеличить преизящество правды, ничего не могъ сказать болѣе, какъ точію, что Цари суть питомцы Юпитера, верьховнаго властителя боговъ, не по естеству, коимъ одарены; но по званію правосудія, которое отправлять обязаны: чѣмъ кажется утверждаетъ Омиръ, что правосудныхъ Государей, и защитниковъ правды, сынами божіими называть должно. Божественный Платонъ въ 4 книгѣ о обществѣ говоритъ: Наивящшее и высочайшее дарованіе, которое отъ боговъ человѣки воспріяли, есть то, чтобъ они, поелику суть толь слабы и немощны, управляемы были правосудіемъ. О когда бы всякъ, читающій сію книгу, постигъ Платоновы мысли! Понеже естьли бы человѣкъ раждаясь, не получалъ разума, и правосудіемъ управляемъ не былъ; не имѣлось бы между жи-

животными ни одного толь тщетнаго и безполезнаго звѣря. Отъими у человѣка разумъ, съ которымъ онъ раждается; отъими правосудіе, которымъ управляется; то и увидишь качество его жизни: ибо когда онъ ни биться такъ, какъ слоны; ни обороняться такъ, какъ тигры; ни ловить такъ, какъ львы; ни орать такъ, какъ быки, не можетъ; вѣрно, ни къ чему не годился бъ больше, кромѣ точію чтобъ живой медвѣдямъ и львамъ, равно какъ нынѣ мертвой червямъ былъ пищею.

Всѣ или стихотворцы, которые выдумали басни; или Ораторы, кои говорили рѣчи; или Философы, кои начертали книги; или мудрецы, кои оставили намъ ученія, или Государи, кои предписали законы; не иное за предметъ себѣ поставляли, какъ точію, чтобъ склонить насъ къ помышленію, сколь кратка и тщетна есть сія жизнь, и сколь нужно намъ въ ней правосудіе. Ибо какое тѣлу оставленному отъ души, такое и обществу неимѣющему правосудія паденіе и смрадъ угрожаетъ. Никто не оспоритъ, что Римляне были гордые, завистливые, прелюбодѣйственные, безстыдные, безчинные и тщеславные; при всемъ однакожъ томъ усерднѣйшіе хранители правды: такъ что, когда они были погружены въ толикихъ порокахъ, кажется, не за добродѣтели, кои имѣли; но за правосудіе, которое наблюдали, Богъ толь многими побѣдами ихъ украсилъ.

Плиній второй книги въ 7 главѣ упоминаетъ Демокритовы слова̀, гласящія, что два

суть бога, которые всѣми вещьми управляютъ въ мірѣ, сирѣчь; „награжденіе и наказаніе„: откуду мы заключаемъ, что нѣтъ ничего нужнѣе, какъ прямое и истинное правосудіе; поелику одно только оно и добрымъ воздаетъ награду; и злодѣевъ не оставляетъ безъ наказанія. Святый Августинъ четвертой книги о градѣ Божіемъ въ 4 главѣ говоритъ: „Отложа правосудіе, что суть царства, токмо великія разбои и грабительства? „ И по истиннѣ не ложно: понеже естьли бы не приготовлены были блудникамъ плети, клеветникамъ клещи, клятвопреступникамъ пытки, еретикамъ огни, человѣкоубійцамъ палаши; татямъ висѣлицы, и бунтовщикамъ тюрьмы, большебъ въ городѣ злодѣевъ и воровъ, нежели въ лѣсахъ звѣрей имѣлось.

Поелику не точію во многихъ, но и во множайшихъ городахъ часто вижу я недостатокъ дровъ, хлѣба, вина, овощей, мясъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ; напротивъ же того не усматриваю никогда оскудѣнія людей непотребныхъ: то присягнуть готовъ, что не льзя прибыточнѣйшаго сдѣлать промѣна, какъ ежели бы всѣхъ, сколько ни имѣется въ городѣ, безчинныхъ людей отдать за одну тѡлку. Ибо хотя повседневныя глазамъ, битыхъ розгами, срубленныхъ топорами, тасканныхъ по землѣ, потопленныхъ въ водѣ, и удавленныхъ на висѣлицѣ, представляются казни: однако при всемъ томъ толикое число обрѣтается злодѣевъ, что ежели бы предать мученію всѣхъ, заслуживающихъ то предъ

пре-

престоломъ Божескаго правосудія; ни палачей, которымъ казнить; ни висѣлицъ, на которыхъ вѣшать, кажется не достало бъ.

А какъ по различію народовъ и областей разные имѣлись обряды, и различные въ каждой законы; то самая вещь гласитъ, что никогда не было и не будетъ ни одной толь ва́рварской страны̀, которой бы общество на правосудіи, яко на основаніи, не утверждалось: ибо кто говоритъ и утверждаетъ, что народъ безъ правосудія сохраненъ быть можетъ; говоритъ и утверждаетъ, что и рыбы внѣ воды жить могутъ. И какъ можно статься, чтобъ безъ правосудія пребывалъ въ цѣлости городъ, когда и одно лицо безъ него управляемо быть не можетъ?

Плиній въ писмѣ своемъ повѣствуетъ, что во время бытія его намѣстникомъ нѣкоторой провинціи въ Африкѣ, мужъ сѣдинами украшенный, и въ правленіи искусный, на вопросъ: „Что способствуетъ, и что надобно и нужно „дѣлать къ доброму и благоустройному от„правленію правосудія„? Отвѣтствовалъ: „Естьли желаешь быть добрымъ попечите„лемъ правосудія, то исполняй оное надъ „самимъ собою: понеже доброму судьѣ надле„житъ общество мѣрять прямымъ жезломъ „собственныя жизни„. Потомъ примолвилъ: „Естьли желаешь быть предъ людьми спра„ведливъ, и предъ богами непороченъ; то не „спесивыя своимъ достоинствомъ: ибо судьи „надменные гордостію и тщеславіемъ, еже„частно ни въ словахъ, ни въ дѣлахъ скром-

 „ности

„ности и умѣренности не сохраняютъ„. Плиній въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что сей добродѣтельнѣйшаго старика совѣтъ воспользовалъ его больше, нежели всѣ читанныя имъ книги. Невозможно сказать, коликое подымаетъ бремя тотъ, кто пріемлетъ на себя иго правосудія: онъ, ежели человѣкъ доброй, то исполняетъ долгъ своего званія; естьли же не справедливый, то и отъ Бога наказаніе, и отъ человѣковъ поношеніе заслуживаетъ. Ежели Государи на Министровъ и Чиновниковъ своихъ возлагаютъ важныя дѣла, и оныя не такъ, какъ должно, исправляются; то всѣ погрѣшать могутъ со извиненіемъ, кромѣ тѣхъ, кои царствами и областьми управляютъ: понеже во отправленіи правосудія никто нерадѣтеленъ не бываетъ, развѣ или неимѣющій знанія и искусства, или восхищенный бурею злобы и пристрастій. Полководецъ, проигравъ побѣду, извиняться можетъ, что при самомъ началѣ сраженія солдаты обратились въ бѣгство; ястребной охотникъ, что улетѣли птицы; почтарь, что выступили изъ береговъ рѣки; ловчей, что убѣжали звѣри; а правитель общества какое оправданіе принесть можетъ, для чего не наблюдаетъ правосудія? Конечно тотъ не печется о совѣсти, ни взираетъ на стыдъ, кто дерзаетъ приниматься за какую либо вещь, не зная, довольноль къ понесенію ея силъ имѣетъ; ибо стыдливые и благороднымъ духомъ одаренные мужи начатое предпріятіе или совершить, или справедливѣйшее, для чего они то оставили, извиненіе имѣть должны.

Ежели

Ежели мы познали, что есть правосудіе; то тотчасъ уразумѣемъ, кто ко отправленію его способенъ. Добраго судьи есть званіе, охранять общее благо, заступать неповинныхъ, наставлять невѣдущихъ, исправлять погрѣшившихъ, почитать добродѣтельныхъ, помогать сиротамъ, благодѣтельствовать убогимъ, воздерживать корыстолюбивыхъ, смирять гордыхъ; напослѣдокъ, что кому законно принадлежитъ, то отдавать; и чѣмъ кто не правильно владѣетъ, то отнимать. Естьли бы Государь на нестарающагося и неимущаго чрезъ ходатайства и другія пронырства возложилъ чинъ правосудія, и оной въ званіи своемъ чаянію его не соотвѣтствовалъ; то могъ бы принесть оправданія, что онъ не ради погрѣшенія, но ради повиновенія воспріялъ на себя ту должность. Но что скажемъ о многихъ, кои безъ стыда, безъ знанія, безъ искусства, а притомъ и безъ самыя совѣсти ищутъ чиновъ судейскихъ? Ахъ ежели бы знали Государи, что они даютъ, когда въ правленіе кому-либо поручаютъ городъ! кленусь Богомъ, что лучшебъ они на цѣлые двадцать лѣтъ приставили ихъ смотрѣть за скотиной, нежели на двадцать токмо дней ввѣрили имъ должность правосудія.

Что срамнѣе, какъ ежели безстыдные, непостоянные, безчинные, празднословные, вѣтреные, невоздержные, гордые и сребролюбивые человѣки судейскаго званія требуютъ съ неменьшимъ нахальствомъ, акибы собственную свою вещь законно отъискивали?

И естьли бы симъ требованіемъ довольны были! Но что скажемъ, когда они просятъ, приступаютъ, кучатъ, другихъ наущаютъ; и всего безобранѣе, какъ въ прозьбѣ ни малѣйшаго стыда, такъ и въ искупѣ никакого уваженія совѣсти не имѣютъ? Да и тутъ еще не останавливаются; но ежели сіи безчастные не получатъ, чего просили; и естьли никто не продаетъ, чего желали; по тому что больше взираютъ на совѣсть тѣ, кои дать должествовали; нежели тѣ, которые взять льстились: то ругаютъ и жалуются на находящихся при Государѣ, не иначе какъ будто бы знатно отъ нихъ обижены были. Сколь трудно добрымъ людямъ съ злыми жить и обращаться, и ихъ желанія и прихоти удовольствовать! Понеже чесголюбивые и лакомые люди ничего не желалибъ, какъ точію, дабы, съ какою они жадностію просятъ, съ такимъ безразсудствомъ и скоропостижностью добрые имъ то давали.

Часто я самъ съ собой размышляю, откуду въ обществахъ толикія вредности, толикія замѣшательства, толикія злодѣйства, и толикія грабительства и разоренія происходятъ; но всему, или по крайней мѣрѣ наибольшей части ту наконецъ обрѣтаю причину, что попечители правосудія не за совѣсть, но за искупъ поставляются. Положимъ, что всякому судейскаго званія желать и искать, и правосудіе отправлять и наблюдать надлежитъ: однако ни до кого больше оное отправлять, наблюдать и охранять не касается,

какъ

какЪ до Царской особы: ибо подданные временемЪ правосудія бояться должны; а Царское званіе есть, всѣмЪ оказывать его равномѣрно.

Много способствуетЪ ГосударямЪ непорочность житія, строгое содержаніе дому, сЪ преимуществомЪ и достоинствомЪ отправлять долгЪ правосудія: ибо кромѣ того, что отЪ несправедливаго никакой правды ожидать неможно; крайне худо цѣлымЪ обществомЪ управлять будетЪ тотЪ, которой собственнымЪ домомЪ править не вЪ состояніи. Государи истинные вЪ словахЪ, непорочные вЪ житіи, и справедливые вЪ дѣлахЪ, ежели когда ошибутся вЪ правленіи общества, нѣтЪ ни единаго человѣка, который бы не извинилЪ ихЪ, для того что они больше по зловреднымЪ другихЪ совѣтамЪ, нежели по самопроизвольной злобѣ погрѣшаютЪ; и такимЪ образомЪ чтобы правосудный Государь хорошо ни сдѣлалЪ, все ему приписуютЪ; и напротивЪ того, какіябЪ ни произошли худыя слѣдствія, оправдаютЪ и вЪ вину не ставятЪ.

ПлутархЪ во второй книгѣ о обществѣ говоритЪ: Государи одни отЪ другихЪ тѣмЪ разнятся, что злому Государю одно токмо послушаніе; а доброму и послушаніе, и страхЪ и любовь приносятЪ: сверхЪ того благонравный, кроткій и добродѣтельный трудныя дѣла самою добротою облегчаетЪ; а жестокій и свирѣпый и легкія злостью своею отягощаетЪ. СчастливЪ тотЪ Государь, которому повинуются; но гораздо счастливѣе, котораго сверхЪ

повиновенія и любятъ : ибо послушаніемъ тѣло изнемогаетъ ; а любовію духъ никогда не насыщается.

Титъ Императоръ будучи нѣкогда вопрошенъ „ : Что приличнѣе Государю , добрыхъ „ ли награждать, или злыхъ наказывать „? Отвѣтствовалъ „: Какъ правая и лѣвая рука равны „ отъ природы у всякаго человѣка, такъ награж„деніе и наказаніе суть въ равновѣсіи у „ каждаго Государя : но однакожъ какъ чаще мы „ правую , нежели лѣвую употребляемъ , такъ „ и Государю пристойнѣе хвалиться награжде„ніемъ , нежели наказаніемъ „ : ибо наказаніе чужею , а награжденіе собственною рукою совершать должно. Когда совѣтуемъ Государямъ быть справедливыми и наблюдать правосудіе ; то не на тотъ конецъ сіе дѣлаемъ , чтобъ они мечемъ посѣкали человѣкоубійцовъ , въ заточеніе посылали бунтовщиковъ, на висѣлицы гоняли воровъ , и въ водахъ потопляли разбойниковъ : ибо сіе и другое тому подобное больше приличествуетъ званію лютыхъ палачей , нежели милосердныхъ Государей. Все благо правосудія отъ того зависитъ , чтобъ Государь былъ самъ собою честенъ , прилагалъ о домѣ своемъ попеченіе , любилъ общество , и имѣлъ нѣжнѣйшую совѣсть : понеже добрые Государи не тѣмъ хвалиться должны , что у многихъ жизнь отъемлютъ; но что благочинныя и спокойныя общества имѣютъ.

Плутархъ въ книгѣ о утѣшеніи къ Аполлонію , говоря о Аттическихъ законахъ Прометеемъ изданныхъ , между прочими сіи три упоминаетъ : „ Госу-

„ Государь, какоюв досадою оскорблен „ ни был, ни на кого сам рук да не подъи„ мает „: понеже добрым Государям не к отмщенію собственых обид; но к защищенію и охраненію обидимых руки свои простирать должно.

„ Государи, когда между своими, а не на „ войнѣ обращаются, ни ради защищенія, „ ни ради пораженія, оружія да не носят „: понеже добрым Государям ни свирѣпыми, ни беззаконными быть не пристойно, чтоб сами людей умерщвляли.

„ Государь не токмо руки от убивства, „ но и зрак свой от смертоносных позо„ рищ воздерживать должен: ибо пред лицем Царским сколь славно, всѣм по достоинству честь воспрїимать; столь не пристойно, комулибо жизни лишаему быть.

ГЛАВА 2.

Автор продолжая намѣреніе, предписывает державным Государям и Князьям способ ко избиранію судей в свои области.

Спарціан в житіи тритцати тираннов повѣствует, что Киріад тиранн в нѣкоторой книжкѣ списал имена приговоренных к смерти секаторов; но по открытіи дѣла умерщвлен был. Другій нѣкоторый тиранн Регалліан, когда по смерти его нашли книжку содержащую имена тѣх, коих

он

онъ убилъ собственною рукою, лишенъ чести погребенія. Сколь много сыщешь судей, которые за похвалу себѣ вмѣняютъ воспоминать тѣхъ, коихъ сѣчь розгами, ошельмовать урѣзаніемъ ушей, умертвить отсѣченіемъ головъ, повѣсить, четвертовать, и иною различною смертію казнить приговорили; не меньше, какъ бы другіе о выкупленныхъ за свои деньги плѣнникахъ, или о награжденныхъ приданымъ осиротѣлыхъ дѣвицахъ, хвалилися.

Что судьи по законамъ, обыкновеніямъ и обрядамъ злодѣевъ наказуютъ, хвалю; а что̊ они то за честь и славу себѣ вмѣняютъ, похвальнымъ не признаваю: понеже добродѣтельному и желающему называться Христіяниномъ судьѣ, больше о пролитыхъ въ церквѣ слезахъ, нежели о обагренныхъ кровію тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жертвуютъ правосудію, хвалиться приличествуетъ. Я еще и сіе въ дополненіе къ тому говорю, что доброму правителю и судьѣ не смертію, которою онъ другихъ казнилъ, хвалиться; но то, что самъ справедливо и благочинно сдѣлалъ, памятовать прилично: ибо причиненныя намъ отъ другихъ обиды терпѣливно сносить, а собственныя преступленія оплакивать должно. Поелику опредѣляемыя отъ судей казни, иныя людямъ противны, а Богу угодны; и вопреки: нѣкоторыя Богу непріятны, а людямъ угодны бываютъ; то безопаснѣе таковымъ помышлять не о томъ, за что они своихъ братій наказали, но что сами своими грѣхами заслужили.

Судьи во осужденіи другихъ погрѣшить и ошибиться, хотя не по сущему въ томъ своему намѣренію, но по причинѣ ложныхъ свидѣтелей могутъ; а въ собственныхъ дѣлахъ, ежели захотимъ, нельзя намъ обмануться: поелику мы о учиненныхъ грѣхахъ сами извѣстны. Но увы! иные суть толь злобны, что будучи приглашены предъ престолъ Божественнаго правосудія, ищутъ себѣ оправданій; но однакожъ братій своихъ ложными свидѣтелями уличать отваживаются.

Государи съ особливою осторожностію и прилѣжаніемъ должны разсматривать тѣхъ, коимъ Министерское и судейское званіе препоручить имѣютъ: ибо судья, который вседневно съ совѣстію своею не дѣлаетъ расчету, тысячи на каждой часъ въ обществѣ будетъ совершать беззаконій. О бѣдное и безсчастное государство, коего правители и судьи глаза̀ свои въ то только, что наказывать должно, вперяютъ; сердца̀ токмо въ умноженіе богатства углубляютъ; ру́ки токмо въ грабленіяхъ и лихоимствахъ обращаютъ; и наконецъ чрезъ все время въ компаніяхъ, посѣщеніяхъ, и дружеискательныхъ промыслахъ, или лучше сказать, пронырствахъ, упражняются. Не напрасно назвалъ я дружеискательными промыслами или пронырствами: ибо многихъ сыщешь судей, кои больше прилѣжанія полагаютъ на сисканіе себѣ друговъ, дабы старательствомъ ихъ защищаемы были; нежели на чтеніе книгъ, отъ которыхъ бы въ дѣланіи приговоровъ и подаваніи голосовъ вспоможеніе получили.

Кото-

Который судья ничего не читаетЪ, никогда вЪ наукахЪ не упражняется, никогда ни вЪ единую книгу не засматриваетЪ, никогда вЪ домѢ не бываетЪ, днемЪ играетЪ, ночью шатается и разЪѢжжаетЪ; возможноль статься, чтобЪ такой комулибо искренно дѢлалЪ правосудіе? НѢтЪ ничего самому судьѢ срамнѢе, нѢтЪ ничего обществу вреднѢе, какЪ ежели судья, который вЪ другихЪ пороки судить и наказывать долженЪ самЪ всегда толпу порочныхЪ влечетЪ за собою. Кто добрымЪ судьею и считаться, и быть, и именоваться желаетЪ; тотЪ не индѢ, какЪ, или дома вЪ упражненіи наукЪ, или за судебнымЪ столомЪ вЪ разбирательствѢ дѢлЪ находиться долженЪ. И пусть не думаютЪ Государи, что ежели изЪ поставленныхЪ ими судей или намѢстниковЪ, нѢкто сдѢлается злонравнымЪ, вскорѢ отрѢшатЪ его отЪ должности. Ибо оные суть толь остроумны и пронырливы, что когда вЪ полученіи достоинствЪ прилѢжанія не лишались; равномѢрно и ко удержанію оныхЪ хитрости и лукавства никогда не лишатся. Естьли Великіе Монархи и Князи будутЪ имѢть какого злонравнаго судью, то совѢтую или немедленно его отрѢшить, или что онЪ имЪ не нравится ни подЪ какимЪ видомЪ не оказывать. А инако тотчасЪ вЪ наблюденіи правосудія станетЪ поступать нерадивѢе и слабѢе; помышляя, что со временемЪ егожЪ самаго судьею подданные просить будутЪ

Когда

Когда же я противъ жестокихъ и свирѣпыхъ судей перо вооружаю; то не намѣренъ хвалить и судей неискусныхъ, лѣнивыхъ, нерадивыхъ и малодушныхъ, кои ни судить не умѣютъ, ни наказывать не смѣютъ. Судьи, кои несутъ должность правосудія и правленія, пусть не такъ дружески со всѣми поступаютъ, чтобъ всякой ими повелѣвать покушался. Ибо ежели въ семъ случаѣ будутъ нѣкоторыхъ имѣть хвалителями своего обращенія; другихъ напротивъ того найдутъ ругателями отправляемаго правосудія.

Истинно, я увѣщаваю, прошу и молю Государей, чтобъ однимъ тѣмъ не довольны были, ежели сами суть справедливы, и милосердны, ежели сами любятъ честность и добродѣтель, ежели сами суть усерднѣйшіе хранители правды; но за самонужнѣйшее поставляли, чтобъ быть надзирателями правосудія: поелику вѣдаютъ, что быть праведнымъ и наблюдать правосудіе, премного между собою разнствуетъ. Ибо ежели кто добродѣтеленъ бываетъ, ко умноженію собственнаго его достоинства; естьли же правосудіе наблюдаетъ, то ко благоденствію общества касается. Кто не удивится, видя Государя, который и единаго ложнаго слова сказать не умѣетъ, и видя Министровъ, кои ни единой истинны произнесть не могутъ? Кто не оскорбится, зря Государя въ житіи трезваго; всѣхъ же его Вельможъ въ пищѣ и питіи неумѣренныхъ? Кто съ восхищеніемъ не удивится, зря Государя цѣломудреннаго и свята-

шаго; а окружающихъ его Вельможъ, похотїю и невоздержанїемъ развращенныхъ и погруженныхъ? Кто не почудится, видя Государя справедливаго и любящаго правосудїе и напротивъ того рѣдкихъ и изъ его Министровъ къ наблюденїю онаго усердїе имѣющихъ?

Сїя рѣчь ко увѣщанїю Государей простирается, дабы они, ежели сами суть цѣломудренны, трезвы, справедливы и правосудны, вовсе попеченїя не отлагали; но свирѣпыель, сребролюбивыель, ненасытныель, безчинныель, лживыель, и безстыдныель ихъ Вельможи и судьи, испытывали. Ибо ежели премного нашей пользы въ томъ заключается, чтобъ Государи были добродѣтельны; равно или еще и больше оной въ томъ зависитъ, чтобъ Министры ихъ не были злонравны.

Изъ тѣхъ вещей, коихъ Государи въ Вельможахъ и судьяхъ остерегаться должны, есть и сїе, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не допускали въ государствахъ своихъ нарушать древнїе законы, и на мѣсто ихъ вводить, невѣдомо какїя, странныя обыкновенїя. Ибо толикое есть простаго народа въ томъ, что говоритъ, непостоянство; и въ томъ, чего требуетъ, легкомыслїе; что новаго на каждой день поставлять Царя, и новой на каждой часъ учреждать законъ желаютъ. Плинїй въ нѣкоторомъ къ Скавру письмѣ говоритъ; „ Весь-„ма благоразумно у Персїянъ подъ смертною „ казнїю запрещено, вводить новыя или стран-„ ныя обыкновенїя „: показывая, что между Персїянами имѣлся ненарушимый законъ,

дабы

дабы тотъ, кто или самъ дерзнулъ выдумать, или изъ другой земли ввесть странное обыкновенiе, за оную вину казненъ былъ смертiю. Поелику вседневно добродѣтель умаляется, и легкомыслiе умножается въ человѣкахъ; то, ежелибъ препятствовано не было, выдумали бы они толь непотребныя вещи, и толь странныя обыкновенiя, что и домы свои всѣ разорилибъ, и пагубу обществу ускорилибъ. Понеже необыкновенныя кушанья желудку всегда вредительны.

Критяне будучи обижены отъ Родiйцовъ, не моровое повѣтрiе, или войну, или голодъ, или бунты на непрiятелей своихъ послать боговъ просили; но чтобъ попущенiемъ ихъ граждане злое обыкновенiе возлюбили: коей Критянской клятвы читатели сего не почтутъ за легкую, равно какъ и самаго мщенiя, которое видѣли Критяне надъ непрiятельми своими по соизволенiю боговъ на ихъ молитвы. Понеже отъ войны, голоду и мороваго повѣтрiя, обыкновенно нѣкоторые спасаются; а отъ новыхъ и странныхъ пороковъ, видимъ мы, что всѣ погибаютъ.

Историки въ Сергiи Галбѣ Императорѣ многiя дѣла порочат, одно хвалятъ; сирѣчь, что никогда не попускалъ или новой учреждать законъ, или новое въ городъ вводить обыкновенiе; и вводящихъ какой ни есть новой обычай повелѣлъ жестоко наказывать: естьли же которые воспоминали ему нѣкоторое изъ древнихъ доброе обыкновенiе, то оное хранить, и ихъ награждать приказывалъ. Смѣшно, или

справедливѣе сказать, весьма злопримѣрно и соблазнительно, что нѣкоторые новые судьи то же самое хотятъ дѣлать въ обществѣ, что портной дѣлаетъ въ платьѣ, который наружнее оборачиваетъ внутрь, переднее переносит на спину, и изъ лоскутковъ сшиваетъ рукавицы: чего ни тѣмъ дѣлать, ни подчиненнымъ допускать не надлежалобъ. Ибо они посылаются отъ Государей не для того, чтобъ законовъ или практическихъ уставовъ издателями; но похвальныхъ въ городахъ обыкновеній и благочинія стражами были.

Съ крайнимъ такожъ бодрствованіемъ стараться должны Государи, первымъ и последнимъ, богатымъ и убогимъ равномѣрное оказывать правосудіе. Понеже никакой божественный, или человѣческій законъ не даетъ имъ власти нарушать оное. Ибо ежели о маленькой вотчинѣ ничего неправильнаго Государю опредѣлить не вольно; гораздо меньше комулибо въ правосудіи снисходительствовать позволено. Мы не споримъ, что Государь есть властитель животныхъ, рыбъ, птицъ, металловъ, лѣсовъ, еленей и степей, наконецъ моря и земли: а властителемъ правосудія никогда его не признаемъ. Ибо нѣтъ инаго истиннаго властителя правды, кромѣ Бога, который самъ пресущественная есть правда.

Государь умирая когда составляетъ завѣщаніе, все, говоритъ, „мои царства и княжества старшему сыну, который отъ меня „законнымъ наслѣдникомъ оставляется; меньшему сыну сіе княжество; наконецъ дщерѣ

„ тѣ

„ тѣ владѣнія отписываю; которымъ всѣмъ „ правосудіе поручаю, дабы оное и сами хра-„ нили, и въ державахъ своихъ каждый о хра-„ неніи его старался „. Достойнѣйшая примѣчанія вещь; отецъ говоритъ: что онъ не отписываетъ, но препоручаетъ сыну правосудіе; сирѣчь, дабы добрые Государи помышляли, что правосудіе имъ не по подобію наслѣдственнаго имѣнія отъ предковъ оставлено; но отъ Бога въ сохраненіе препоручено. Естьли же всѣхъ вещей владыками именовать должно Государей, кромѣ правосудія, коего и они суть только попечители; то для чего мы державнаго Монарха или Князя, который распри и обиды не по божественной волѣ, но по собственному произволенію судитъ, не праведнымъ судіею, но всеобщимъ разбойникомъ назвать усумнимся? Ибо гораздо хуждшій есть Государь, у Бога правосудіе, нежели разбойникъ, у Царя богатство похищающій.

Светоній повѣствуетъ многія Домитіановы беззаконія; но всѣхъ было вящшее, что онъ убогихъ, сиротъ, и бѣдныхъ наказывалъ, а богатыхъ и сильныхъ прощалъ, дѣлая сіе снисхожденіе или за взятыя у нихъ деньги, или за дружбу. Алексадръ Северъ, двадесять пятый Императоръ Римскій, по повѣствованію Лампридіеву, никогда не имѣлъ при себѣ беззаконнаго мужа, и не терпѣлъ ни единаго злонравнаго родственника или друга. Нѣкогда же нѣкоторыхъ родственниковъ своихъ, юношъ своеобычливыхъ и непокоривыхъ, отрѣша послалъ въ заточеніе, и между тѣмъ другіе

просили его о прощенiи, воспоминая и предлагая ему въ резонъ младость лѣтъ, и кровное родство; то сказалъ онъ имъ во отвѣтъ: „Сихъ дороже мнѣ есть цѣлое общество„: аки бы рекъ, что не имѣетъ онъ въ домѣ своемъ ни единаго ближайшаго родственника, какъ цѣлое общество. О слова злапокованныя, и предостойнѣйшiя написанными быть на сердцахъ у всѣхъ Государей! въ коихъ то примѣчанiя достойно; сирѣчь, онъ не сказалъ: что вмѣсто родственниковъ нѣкоторую часть общества; но цѣлое общество имѣетъ. Понеже Государь боящiйся Бога, и желающiй похвалы праведнаго, какъ равнаго отъ всѣхъ послушанiя себѣ требуетъ; такъ равномѣрное всѣмъ и правосудiе оказывать долженствуетъ.

Естьли же кто мнѣ, и моему перу не вѣритъ, то пускай повѣритъ Платону въ книгахъ о обществѣ, который каждому простолюдину позволяетъ, чтобъ всякъ свою жену, своихъ дѣтей, и своихъ родственниковъ любили; но Государямъ въ семъ образѣ люблениiя отрицаетъ, совѣтуя имъ паче всего любить свое общество. Ибо, ежели Государь имѣетъ нѣчто любезнѣйшее своего общества, статься не возможно, чтобъ для той вещи, которая любезнѣе, временемъ не наклонилъ правосудiя. Когда же не позволяетъ Платонъ Государямъ пристрастiе любви раздѣлять на многiя вещи; то какъ бы совѣтовалъ имъ дѣлать чтолибо неправедно? Часто случается, что Государи во отправленiи право-

судiя

судія бываютЪ нерадивы, не для того что кЪ наблюденію онаго воли не имѣютЪ; но что о дѣлахЪ, кои требуютЪ врачеванія и помощи, не хотятЪ прилѣжнѣе и обстоятельнѣе освѣдомляться: которое небреженіе вЪ Государѣ, во все непростительное, какЪ утрату достоинства, такЪ и уязвленіе совѣсти производитЪ. Ибо вЪ страшный день суда, ежели не приметЪ истязанія за злобу; то осужденЪ будетЪ за лѣность. Государь, вредности своего царства прилѣжно разсматривающій и испытывающій, ежели не обрѣтаетЪ имЪ врачеванія; можемЪ сказать, что происходитЪ сіе оттуду. Понеже ничего больше сдѣлать не можетЪ: но естьли вЪ разсматриваніи и испытываніи ихЪ нерадивЪ бываетЪ, то что иное сказать можемЪ, какЪ точію, ежели оныхЪ не врачуетЪ, дѣлается сіе отЪ того, понеже не хощетЪ? Естьли бы кто изЪ великихЪ Государей или Князей сіе сдѣлалЪ, или дѣлать дерзнулЪ; то какоебЪ мы имя или прозваніе ему дали? Истинно, по моему разсужденію, такого не отцемЪ отечества; но разорителемЪ общества нарицать должно. Ибо нѣтЪ ничего неправеднѣе, какЪ врачу за исцѣленіе, кЪ которому онЪ никогда не прилагалЪ рукЪ, требовать награжденія. Я легко соглашаюсь, чтобЪ Великіе Монархи и Князи требовали платежа доходовЪ и податей: не утверждаю, чтобЪ они вЪ познаваніи вредностей своихЪ обществЪ нерадивы были. Ибо Государи для того отЪ подвластныхЪ взимаютЪ дани, чтобы отЪ непріяте-

 лей

лей ихъ спасали, и противо тиранновъ защищали.

Хотя же судьямъ, кои беззаконными быть желаютъ, мало пользы говорить болѣе; а для тѣхъ, кои желаютъ быть добрыми, по моему мнѣнію, довольно и того, что мы сказали; однако прилѣжно совѣтую судьямъ и вельможамъ разсудить и разсмотрѣть, правосудными ль Министрами, или свирѣпыми тиранами они считаться желаютъ. Ибо тиранну свойственно, общество расхищать и раззорять; а доброму Государю оное возобновлять.

Больше совершаютъ, нежели думаютъ, Великіе Монархи и Князи, которые всѣмъ требующимъ невозбранной входъ даютъ, и всѣхъ нѣкоторую жалобу имѣющихъ благосклонно слушаютъ: и сіе по той причинѣ, что естьли самая вещь не дозволяетъ подданнаго прошенію дать мѣсто, или жалующагося вскорѣ удовольствовать; по крайней мѣрѣ для того они съ радостнѣйшимъ отходятъ сердцемъ, сказывая, что уже къ Государю жалобу взнесли о своихъ обидахъ. Понеже оскорбленныя сердца единственнымъ изъясненіемъ терзающей ихъ печали, хотя бы къ полученію желаемаго и никакой надежды не имѣлось, облегчаются.

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что Филиппъ Македонскій Царь, Великаго Александра отецъ, когда убогенькая старушка просила о разсмотрѣніи своей жалобы, и часто ему докучала; сказалъ: „Естьли тебѣ, „о жена, мила жизнь, то оставь меня съ по-

„коемъ,

„коемъ; кленусь богами, что недосугъ мнѣ „слушать твою жалобу„. Напротивъ чего старушка Царю отвѣчала: „Ну! Царь Филиппъ, „ежели меня выслушать, и правосудія дѣ„лать недосужно, такъ оставь быть Ца„ремъ; и другой станетъ обладать и упра„влять государствомъ„. Которому слову онъ удивясь, не токмо ее; но и всѣхъ тотчасъ съ прилѣжаніемъ выслушалъ.

ГЛАВА 3.

Рѣчь къ Римскимъ Сенаторамъ нѣкотораго Идолопоклонника, пришедшаго отъ береговъ рѣки Дуная, жаловаться на свирѣпство Римлянъ противо своего отечества, раздѣленная на три главы.

Въ осьмое лѣто царствованія Марка Аврелія, добродѣтельнѣйшаго Императора, когда прелютое въ Римѣ сдѣлалось моровое повѣтріе, и день отъ дня жесточае свирѣпствовала язва; то Императоръ удалился въ Кампанію, которая хотя отъ смертоносной заразы и была свободна; но отъ суши, и недостатка нужныхъ вещей претерпѣвала крайнюю бѣдность. Не смотря однакожъ на то Императоръ съ Римскими вельможами имѣлъ тамъ свое пребываніе. Ибо во время свирѣпствованія моровой язвы, не ищутъ люди, гдѣ бы раскошно жить; но гдѣ бы въ цѣлости жизнь сохранить. Обитая же М. Аврелій въ Кампаніи во-

схищенЪ былЪ огненною горячкою, и поелику онЪ обыкЪ всегда имѣть при себѣ ученыхЪ людей, притомЪ и самая болѣзнь требовала отЪ врачей посѣщенія; то великое множество вЪ чертогахЪ его какЪ ФилософовЪ преподающихЪ науки, такЪ и МедиковЪ дѣлающихЪ словопреніе, находилося. Ибо такой порядокЪ вЪ жизни хранилЪ сей добродѣтельнѣйшій ИмператорЪ, что во время отсутствія его наилучше отправлялись дѣла военныя, а вЪ присутствіи бесѣдуемо и разсуждаемо было о наукакЪ

Когда же нѣкоторымЪ днемЪ многіе кЪ Марку Аврелію собрались Сенаторы, Философы, Медики, и другіе ученые мужи; то зашла между ими рѣчь, колико перемѣнился РимЪ, какЪ истребленіемЪ до подошвы зданій, такЪ и развращеніемЪ вконецЪ обычаевЪ и нравовЪ; коего зла единственною причиною было то, что городЪ будучи наполненЪ ласкателями, не имѣлЪ ни единаго человѣка, который бы отваживался говорить правду. Сіи и тому подобныя слова когда услышалЪ МаркЪ Аврелій, то поднявши руку вЪ верьхЪ повелѣлЪ смолчать, и пересказалЪ имЪ на сіе достопамятный примѣрЪ, начавЪ слѣдующимЪ образомЪ:

„ Во время перьваго моего Консульства нѣ„который житель рѣки Дуная пришелЪ вЪ „Римскій СенатЪ доносить о лихоимствѣ „и грабительствѣ на Ценсора, который же„сточайшимЪ образомЪ поступалЪ со своими „подчиненными „.

„ Впро-

„Впрочемъ толикаго въ предложеніи „жалабы, и изъясненіи отъ правительствъ „своему отечеству обидъ, употребилъ кра-„снорѣчія; что я не знаю, могъ ли бы тоже „или Туллій сказать, или знаменитѣйшій „Омиръ написать лучше„.

„Имѣлъ мужичокъ тотъ лице маленькое, „губы великія, очи глубокія, цвѣтъ блѣдной, „волосы ужасныя, голову обнаженную; сапоги „изъ ежовой кожи, сермягу изъ козьей шер-„сти, поясъ изъ морскаго ситнику: бороду „долгую и густую, брови покрывшіе глаза, „грудь и шею на подобіе медвѣдя косматыя; „и наконецъ въ рукѣ посохъ. Истинно я „увидя идущаго въ Сенатъ, думалъ, что „звѣрь въ человѣческомъ образѣ: когда же у-„слышалъ говоренную имъ рѣчь, то почелъ „его быть нѣкоторымъ изъ числа боговъ, „ежели только боги обращаются между чело-„вѣками. Ибо какъ самаго его видѣть было „на подобіе страшилища; такъ и рѣчь слу-„шать неменьше чудовища„.

„Хотя же многіе и различные тогда до-„жидались у дверей Сенатскихъ каждый же-„лая исправлять дѣла своей провинціи; однако „прежде всѣхъ выслушанъ былъ крестьянинъ, „отъ части для познанія о чемъ толь страш-„ный человѣкъ доноситъ будетъ; а отъ ча-„сти, понеже обыкновеніе имѣли Сенаторы, „чтобъ въ Сенатѣ прежде убогихъ жалобы „и отягощенія, нежели богатыхъ требованія „слушаны были. Когда же сталъ посреди „Сената мужичокъ тотъ, то началъ причину

 „сво-

„ своего пришествія, и все дѣло изяснять „ пространнѣйшею рѣчью; и являя не мень- „ шую въ произношеній оной смѣлость, какъ „ и въ опрятствѣ чречвычайность, говорилъ „ слѣдующимъ образомъ„:

„О избранные Сенаторы! о счастливой „ родъ! я крестьянинъ Миленскій, лежащихъ „ по берегамъ рѣкй Дуная городовъ житель, „ васъ Римскихъ Сенаторовъ, сошедшихся въ „ сей Сенатъ, поздравляю, и безсмертныхъ „ боговъ молю, дабы и мой языкъ нынѣ въ „ произношеніи приличныхъ и полезныхъ мо- „ ему отечеству словъ наставляли; и вамъ въ „ добромъ правленіи общества помогали: по- „ неже безъ воли и власти боговъ, мы ни „ добра̀ воспріять, ни зла избѣгнуть не мо- „ жемъ„.

„Попущеніемъ жестокихъ судьбинъ, и „ властію прогнѣванныхъ боговъ, когда оные „ насъ за грѣхи наши оставили, мы толь про- „ тивное, а вы толь благосклонное счастіе „ возъимѣли, что гордые Римскія полководцы „ Германскую землю оружіемъ покорили. Въ „ которое время, не напрасно говорю, что „ боги наши на насъ гнѣвомъ и яростію „ раздраженны были; понеже, естли бы мы „ милосердныхъ боговъ имѣли; излишнее бы- „ ло бы намъ помышлять, что отъ васъ по- „ бѣждены будемъ. Хотя же великая есть „ ваша, о Римляне, какъ пріобрѣтенныхъ „ ради побѣдъ, такъ и по причинѣ торжество- „ ванныхъ надъ премногими царствами тріум- „ фовъ, слава; гораздо однакожъ вящшее въ

„гря-

„ грядущіе вѣки, премногихъ ради вами у„чиненныхъ мучительствъ и насилій, бу„детъ безславіе: ибо, естьли вы паче чая„нія не знаете, я васъ увѣдомляю, что въ „то время, когда непотребные бездѣльники „предъ торжественными колесницами идутъ „восклицая: да здравствуетъ, да здравству„етъ и благоденствуетъ многія лѣта не„побѣдимый Римъ! бѣдные плѣнники на про„тивъ того изъ внутренностей сердечныхъ „призывая на помощь боговъ вопіютъ: о пра„восудіе! о правосудіе „!

„Предки мои подлѣ Дуная жили, и еже„ли не выгодна была для нихъ сухая земля, „то на водяныя мѣста пересесялись, естьли„же отъ непостоянной воды вредъ получали, „то, съ безопасностью на твердую землю „возвращались: ибо, какъ различныя суть че„ловѣческія прихотѣнія и умы; такъ по тому „мы или убѣгая земли, водами прохлаждаем„ся; или устрашаясь водъ, на землю возвра„щаемся. Но, какъ я говорить началъ, то„ликая въ васъ, Римляне, была жадность „чужее похищать, и толь неукротимая спесь „и гордость иностранными землями обла„дать, что васъ ни измѣримая глубина моря „наполнить, ни величайшее пространство „поля насытить не могли „.

„Ахъ, коликое есть утѣшеніе оскорблен„нымъ, когда они помышляютъ и безъ всякаго „сомнѣнія извѣстнѣйше вѣдаютъ, что боги „суть правосудны, кои за учиненныя отъ не„праведныхъ обиды мстить имѣютъ! Ибо въ

„про-

„ противномъ случаѣ, ежели бы обидимые за-
„ подлинно не знали, что боги отъ враговъ ихъ
„ наказаніе истяжутъ; сами добровольно
„ жизнь оставилибъ. Говорю я сіе для того,
„ понеже уповаю, что попущеніемъ правед-
„ ныхъ боговъ, какъ вы безъ всякой справед-
„ ливости для изгнанія насъ изъ нашихъ хра-
„ минъ и селеній, пришли; такъ по самой
„ неоспоримой справедливости другіе для из-
„ гнанія васъ изъ Италіи и Рима, придутъ.
„ Вь Германіи отечествѣ моемъ за извѣстнѣй-
„ шее правило считается: Что кто чужее до-
„ бро насиліемъ похищаетъ, тотъ права,
„ которое въ собственномъ имѣетъ, лишенъ
„ будетъ. И я надѣюсь, что по власти и
„ соизволенію боговъ, тѣ словà, которыя въ
„ отечествѣ моемъ пословицей говорятся,
„ здѣсь въ Римѣ вашимъ опытомъ подвердят-
„ ся „.

„ Изъ рѣчи, которую говорю, толь гру-
„ бой; и одежды, которую ношу, толь без-
„ образной можете понимать, что я крестья-
„ нинъ весьма убогой и глупой: но однакожъ я
„ ничего за пріятнѣйшее не почитаю, и ни о
„ чемъ усерднѣе не стараюсь, какъ познать:
„ кто въ томъ, что имѣетъ, справедливъ; и
„ кто въ томъ, чемъ владѣетъ, тираннъ:
„ ибо крестьяне, моего званія и чина, хотя
„ и желаютъ что нибудь краснорѣчиво изо-
„ бразить, но не могутъ; однако въ томъ не
„ нерадѣтельны суть, что яко добро подтвер-
„ ждать, и что яко зло отвергать должно. И
„ для того я въ семъ случаѣ смѣю сказать:

„ Все,

„ Все, что чрезъ многіе дни насиліемъ собрали
„ беззаконные, въ одинъ день боги у нихъ отнять;
„ и все, что чрезъ многія лѣта утратили добро-
„ дѣтельные, въ одинъ часъ боги имъ отдать
„ имѣютъ. Ибо правду сказать, что безза-
„ конные богаты и счастливы, паче отъ по-
„ пущенія, нежели отъ соизволенія боговъ сіе
„ происходитъ; коихъ зря долготерпѣніе мы
„ не роптать, но сносить должны: вѣдая, что
„ будетъ время, въ которое они за всѣ учи-
„ ненные злодѣйства наказанія истяжутъ. Въ
„ одной вещи безъ сомнѣнія повѣрьте мнѣ,
„ Римляне; сирѣчь, чтобъ изъ неправедной ко-
„ рысти родителей праведная проистекаетъ
„ утрата на дѣтей „.

„ Многіе одноземцы мои часто удивляют-
„ ся, для чего боги у беззаконныхъ того,
„ что они пріобрѣтаютъ, вскорѣ послѣ пріоб-
„ рѣтенія не отъемлютъ. Но мнѣ кажется
„ причиною сему то, что они попущеніемъ
„ боговъ многіе богатства полегоньку собира-
„ ютъ, дабы послѣ, когда ни малѣйшей опа-
„ сности не имѣютъ, все вдругъ утрати-
„ ли: ибо праведнымъ судомъ Божіимъ быва-
„ етъ, что когда они многимъ безъ всякой
„ справедливости зло дѣлали, приходятъ дру-
„ гіе, самимъ имъ зло дѣлать. Благонравный,
„ мудрый и праведный мужъ, и который са-
„ мою вещію такимъ считаться желаетъ, не
„ токмо чужимъ добромъ, которымъ владѣетъ,
„ пріятно наслаждаться не можетъ; но ни
„ изъ единой вещи удовольствія не почерпаетъ,
„ когда приводитъ себѣ на мысль, что имѣ-

„ющееся у него стяжаніе неправедно пріобрѣ-
„тено „.

„Я не знаю, разумѣетель вы мои слова,
„Римляне. И для того, дабы вы оныя совер-
„шеннѣе разумѣли, подтверждаю, что мнѣ
„не токмо удивителенъ, но и досаденъ тотъ,
„который имѣя какую нибудь чужую вещь,
„по крайней мѣрѣ хотя одинъ часъ спокоенъ
„быть или беспечально почивать можетъ:
„когда и боговъ отъ себя прогнѣванныхъ, и
„гражданъ оскорбленныхъ, и враговъ раздра-
„женныхъ, и друговъ утраченныхъ, и тѣхъ,
„коихъ ограбилъ, разоренныхъ, и, что всего
„тягостнѣе, самаго себя опасности подвер-
„женнаго видитъ. Для чегожъ мнѣ не сказать,
„что онъ опасности подверженъ? Ибо какъ
„только другой богатство у меня похитить
„намѣреваетъ, я тотчасъ жизнь у него от-
„нять опредѣляю. И предъ богами виновенъ,
„и между человѣками бесчестенъ тотъ, кое-
„го сердцемъ толикая несытость прихотѣній
„овладѣла, и который толь слабо дѣйствіямъ
„своимъ узду попускаетъ, что чужую бѣд-
„ность за богатство, и собственное изобиліе
„за убожество считаетъ „.

„Нѣтъ мнѣ нужды, Грекъ ли, ва́рваръ
„ли, или Римлянинъ присутствующій, или
„отсутствующій сіе услышитъ: но я говорю
„и утверждаю, что проклятъ предъ богами,
„и проклятъ предъ человѣками тотъ, кто
„безъ всякаго о себѣ уваженія, славу на без-
„славіе, правду на несправедливость, равно-
„душіе на насиліе, истинну на ложь, и из-
„вѣ-

„ вѣстное на сомнительное, промѣнять желаетъ, собственное презирая, и на чужее съ „ воздыханіемъ челюсть разверзая. Тотъ, кто „ за предметъ себѣ положилъ, дѣтямъ богатство собирать, а не между честною и „ похвальною славою украшенными людьми „ считаться; весьма справедливо, чтобъ какъ „ собраннаго богатства лишился, такъ и погубя славу между беззаконными безславнымъ „ и бесчестнымъ навѣки остался „.

„ Вы Римляне, понеже обычаемъ горды, „ и спесью ослѣплены, безъ всякаго сомнѣнія „ думаете, что поелику множайшимъ, нежели всѣ, обладаете, для того всѣхъ и славнѣе и почтеннѣе; по истиннѣ вещь сія есть „ гораздо инакова: ибо ежели вы въ правду „ открытыми глазами на ваши заблужденія „ посмотрѣть восхощете; увидите, что хотя „ вы господствованіемъ иноземныхъ областей „ хвалитесь; однако плѣнниками и невольниками собственныхъ богатствъ находитесь. „ Собирайте, сколько хотите; и дѣлайте, „ что вамъ угодно: истинно, по моему мнѣнію, мало пользы, имѣть домы наполненныя „ богатствами, ежели притомъ жадность обладаетъ сердцами: понеже богатства чрезъ „ корыстолюбіе собранныя, и чрезъ скупость „ въ заключеніе полагаемыя, какъ добрую славу у владѣющаго ими отнимаютъ, такъ и „ къ сохраненію и снабдѣнію жизни ему не „ пользуютъ. Не токмо чрезъ многія лѣта „ скрывать; но и чрезъ многіе дни утаить не „ можно; между богатымиль богатымъ, и между

„ жду почтенными иль почтеннымъ кто либо „ считаться долженъ, понеже безмѣрный лю- „ любитель своего богатства, статься не воз- „ можно, чтобъ не былъ врагомъ своея славы. „ О когда бы толикое въ сребролюбивыхъ и „ скупыхъ было своего достоинства, коликое „ имѣется чужаго богатства, желаніе! Кленусь „ милостію боговъ, что ни моль корыстолюбія „ и скупости (такъ сказать) спокойствія жи- „ зни ихъ не изгрызалабъ; ни ракъ бесчестія и „ поношенія доброй славы ихъ не пожиралъ бы „.

„ Слышите, Римляне, слышите, что я „ буду говорить: которую вещь желаю, дабы „ вы могли разумѣть! Ибо въ противномъ „ случаѣ, и я потерялъ бы напрасно трудъ, и „ вы не получили бы изъ моихъ слововъ никакой „ пользы. Я вижу, что всѣ ненавидятъ гор- „ дость, и никто не слѣдуетъ смиренію; всѣ „ осуждаютъ прелюбодѣяніе, ихъ никто не „ старается о цѣломудріи; всѣ хулятъ невоз- „ держность, и никто не печется о воздержа- „ ніи; всѣ хвалятъ терпѣливость и никто „ нерадитъ о терпѣніи; всѣ ругаютъ лѣ- „ ность, и погружаются въ праздности; всѣ „ проклинаютъ сребролюбіе и скупость, и „ упражняются въ хищеніяхъ и грабитель- „ ствахъ. Одно говорю, и не безъ слезъ „ оное явно въ семъ Сенатѣ говорю; сирѣчь: „ что премногіе языкомъ добродѣтели вели- „ чаютъ, и однакожъ всѣми членами поро- „ камъ служатъ. Разумѣйтежъ, что не для Рим- „ лянъ, кои въ Иллиріи обрѣтаются; но для

„ Се-

„Сенаторовъ, кои въ Сенатѣ нынѣ присут-
„ствуютъ, я сїе говорю. Вы, Римляне, на
„знаменахъ вашихъ вмѣсто герба сїи употре-
„бляете слова: Римлянамъ свойственно есть„.

„Щадить смиренныхъ, и укрощать гор-
„дыхъ„: но по истиннѣ, гораздо справедливѣе
сказалибъ вы: Римлянамъ свойственно есть,
„обижать невинныхъ, и возмущать миро-
„любивыхъ„.

„Ибо вы, Римляне, ни что иное есть,
„какъ спокойныхъ народовъ возмутители, и
„чужаго труда и пота грабители„.

ГЛАВА 4.

Крестьянинъ продолжая начатую рѣчь, обвиняетъ Римлянъ, что они ни чемъ не будучи обижены пришли разорять его отечество; и многими доказательствами подтверждаетъ, что одноземцы его, отъ Римлянъ побѣждены для того, понеже имѣли прогнѣванныхъ боговъ.

„Скажите мнѣ, Римляне, какое вы, бу-
„дучи рождены подлѣ рѣки Тибера, къ намъ
„спокойно при берегахъ рѣки Дуная живу-
„щимъ дѣло имѣли? Или вы усмотрѣли, что
„мы съ врагами вашими содержимъ дружбу
„и союзъ, а вамъ оказываемъ непрїятельское
„сердце? Или вы услышали вѣдомость въ Ри-
„мѣ, что мы оставя собственныя селенїя,
„нападаемъ на чужїя земли? Или вы извѣ-

„ стились, что мы воздвигши противъ Госу-
„ дарей своихъ бунтъ, принесли послушаніе
„ неукротимымъ ва́рварамъ? Или вы чрезъ
„ посланника насъ приглашали въ союзъ, а изъ
„ нашего отечества нѣкто въ Римъ отправленъ
„ былъ, для объявленія вамъ, аки непріяте-
„ лямъ нашимъ, войны? Или нѣкоторый Царь
„ въ нашихъ царствахъ умирая чрезъ завѣ-
„ щаніе наслѣдниками васъ оставилъ, что вы
„ по сему предлогу насъ подъ власть свою
„ покоряете? Или вы нѣкоторой древній за-
„ конъ, или нынѣшняго времени обыкновеніе
„ нашли, кои опредѣляютъ, что благородная
„ Германія непремѣнно должна быть подвласт-
„ ною гордому Риму? Или мы истребляемъ
„ ваши войска, опустошаемъ се́ла, ограбляемъ
„ подданныхъ, и защищаемъ непріятелей,
„ что вы какъ будто для отмщенія учинен-
„ ныхъ вамъ отъ насъ обидъ, зе́мли наши
„ разоряете? Естьли бы вы и мы въ ближ-
„ нихъ между собою земляхъ по сосѣдству жи-
„ ли; то не дивно было бы, что одни отъ
„ другихъ разорены: ибо часто о раздѣленіи
„ безплодной землѝ долговременная между дву-
„ мя народами брань происходитъ„,

„ По истиннѣ ни единой изъ сихъ при-
„ чинъ къ войнѣ между Римлянами и Герман-
„ цами не было: ибо мы въ Германіи въ то
„ же почти время и свирѣпство ваше почув-
„ ствовали, и славу вашу услышали. Ежели
„ вамъ сіе, что я сказалъ, огорчительно; то
„ по крайней мѣрѣ, что говорить буду, при-
„ мите великодушно; сирѣчь, что въ одинъ и

„ томъ

„ тотъ же день, и имя Римляне; и безчело-
„ вѣчія тиранновъ къ нашимъ народамъ при-
„ шли. Я не знаю, Римляне, что болѣе го-
„ ворить или о нерадѣніи боговъ, или о про-
„ дерзости человѣковъ: ибо тотъ, кто много
„ имѣетъ, насиліемъ, какъ вижу, мало имѣ-
„ ющаго утѣсняетъ; и тотъ, кто мало имѣ-
„ етъ, противъ воли своей много имѣющему
„ служитъ; и ненасытное корыстолюбіе тай-
„ ной злобѣ соотвѣтствуетъ, и тайная злоба
„ явнымъ хищеніямъ и грабительствамъ вра-
„ та отворяютъ; кто же бы имъ воспроти-
„ вился, нѣтъ ни единаго человѣка: откуду
„ напослѣдокъ происходитъ, что единаго без-
„ законнаго корыстолюбіе съ убыткомъ и вре-
„ домъ всего народа наполнять должно„.

„ Слышите, Римляне, слышите, и при-
„ лѣжными ушами, именемъ безсмертныхъ
„ боговъ васъ заклинаю и прошу, то, что я
„ говорить буду, внушите: и то, что вы
„ дѣлаете, со вниманіемъ разсудите: не об-
„ ходимо должно, чтобъ или боги попеченіе
„ о человѣческихъ дѣлахъ отложили, или че-
„ ловѣческой родъ вскорѣ прекратился, или
„ паденіе свѣту угрожало, или свѣтъ перемѣ-
„ нился, или фортуна водрузивши гвоздь ка-
„ таться на своемъ колесѣ престала, или что
„ нибудь прежде невидѣнное оказалось; или
„ вы чрезъ восемь сотъ лѣтъ пріобрѣтенное,
„ за восемь дней утратили: ибо нѣтъ ничего
„ согласнѣе съ справедливостію, какъ сіе, чтобъ
„ васъ неправедно тираннами быть возжелав-

 „ шихъ,

„шихъ, власть боговъ праведно невольниками „быть принудила„.

„Не думайте, Римляне, что вы Германію нашу покорили и плѣнили воинскимъ „подвигомъ; ибо вы ни мужествомъ, ни отважностію, ни храбростію насъ не превосходите; но прогнѣванные и раздраженные „отъ насъ боги, тайными и недовѣдомыми „судьбами своими опредѣлили употребить васъ „какъ свирѣпыхъ палачей къ наказанію без„мѣрныхъ грѣховъ нашихъ. Ни себя толь „храбрыми, ни насъ толь малодушными не „почитайте, чтобъ, вы получили въ добычу „имѣнія побѣжденныхъ, ежели бы въ то вре„мя за васъ не посредствовали боги: ибо есть„ли правду сказать, вы побѣду не оружію, „которое изъ Рима вынесли; но множеству „пороковъ, кои въ Германіи были, должен„ствуете. Когда же мы погибли не по той „причинѣ, что малодушны, робки и боязли„вы, но токмо что злонравны и беззаконны „были, и прогнѣванныхъ боговъ имѣли; то „что, думаете, послѣдуетъ съ вами, ежели „вы и въ порокахъ погружаетесь, и раздра„женныхъ боговъ имѣете„?

„Ниже для того извѣстнѣйшую, Римля„не, надежду побѣды восприимайте, что ве„ликія набираете войска, или многія скопля„ете сокровища, или сильныхъ съ вашей сто„роны имѣете боговъ, или огромные устрое„ваете храмы, или великолѣпныя приносите „жертвы: ибо вы, естьли паче чаянія не зна„ете, вѣдать должны, что никто участни-

„комъ

„комЪ боговЪ не бываетЪ, кромѣ тотЪ, ко-
„торый мирЪ сЪ добродѣтелями имѣетЪ.
„Ежели бы кЪ тріумфамЪ и побѣдамЪ ничего
„не требовалось больше, кромѣ тонкости воен-
„ныхЪ хитростей, искусства полководцовЪ,
„храбрости солдатЪ, и множества войскЪ;
„то весьма былобЪ глупо, не стараться о
„привожденіи ихЪ на брань. Но что скажемЪ?
„Когда самая вещь гласитЪ, что человѣки
„ничего болѣе дѣлать, кромѣ сраженіемЪ
„ополчаться, не могутЪ; а побѣду одни то-
„кмо боги даруютЪ. Довольно ужѐ, естьли
„не обманываюсь, мы наказаній за учинен-
„ныя противЪ боговЪ нашихЪ согрѣшенія
„претерпѣли: а вы, уповаю, за ваше кЪ намЪ
„свирѣпство, и кЪ богамЪ не благодарность
„никакихЪ еще не воспріяли; извѣстнѣйше же
„вѣдаю, что жесточайшія понесете: и можетЪ
„статься, что сЪ коими нынѣ какЪ сЪ не-
„вольниками поступаете, тѣхЪ вЪ нѣкото-
„рое время властителями своими признаете„.

„Поелику я вЪ семЪ пути ужасныя горы,
„различныя области, многіе народы, толь
„жестокія земли, и толь варварскіе языки
„видѣлЪ; и, коликимЪ числомЪ миль отЪ Гер-
„маніи отстоитЪ РимЪ, измѣрялЪ; то не
„знаю, какое безуміе РимлянЪ побудило ит-
„ти разорять Германію: ибо, ежели сдѣла-
„но сіе отЪ жадности богатствЪ; безконечно
„большее множество денегЪ, какЪ прежде по-
„кореніе Германіи истощило, такЪ и нынѣ
„сохраненіе ея истощаетЪ; нежели сколько
„она или платила, или и впредь чрезЪ мно-

„гія лѣта платить будетъ: и статься мо-
„жетъ, что оная прежде утратится, не-
„жели употребленныя на нее иждивенія на-
„градятся. Естьли же вы сказываете, что
„Германія отъ Римлянъ завоевана не для
„иной причины, какъ для той, дабы Римъ
„наслаждался славою ея покоренія; то и сіе
„есть тщетнѣйшее и глупѣйшее дѣло: ибо
„мало пользы стѣны народовъ плѣнять; а
„сердца гражданъ отчуждать„.

„Естьли сказываете, что вы Германію
„завоевали для распространенія и расширенія
„границъ имперіи; то и сія причина кажет-
„ся мнѣ весьма нерезонна: ибо не пристой-
„но благоразумнымъ мужамъ область умно-
„жать, а славу умалять. Естьли же скаже-
„те, что вы предпріяли войну для того,
„дабы мы ва́рварами не были, и подъ вла-
„стію тиранновъ не жили; но добрые зако-
„ны и обычаи употреблять привыкли: то
„умру, ежели намѣренію вашему будетъ ко-
„нецъ соотвѣтствовать: ибо какъ можно
„статься, чтобъ вы образъ житія чужимъ
„предписали, сами своихъ предковъ законы
„нарушая? Стыдиться должны исправлять
„другихъ тѣ, кои вкругъ самихъ себя нахо-
„дятъ много дѣлъ, требующихъ исправленія:
„кривой никогда не употребляетъ слѣпаго
„вожда„.

„Естьли же сіе такъ есть, какъ и въ са-
„мой есть вещи, что ни случая, ни причи-
„ны не имѣлъ гордый Римъ нападать и по-
„корять безвинную Германію; то станемъ
„каж-

„каждой насиліемъ, грабительствами, убій-
„ствами и разбоями свирѣпствовать: когда
„уже, толь развращенъ и отъ боговъ остав-
„ленъ свѣтъ, что всякъ, какую только мо-
„жетъ, вещь похищаетъ; и, кого хочетъ, у-
„мерщвляетъ, и всего безобразнѣе, толикія
„и толь отчаянныя злодѣйства повседневно
„совершаются, что ни правительства ихъ
„врачевать и исправлять не хотятъ, ни са-
„мые утѣсненные объ оныхъ жаловаться и
„защищенія просить не смѣютъ. Толь не
„утолимыя и толь не милосердныя нынѣ вы,
„вышнія правительства, и толь великой сви-
„рѣпствомъ своимъ всѣяли страхъ въ сердца
„бѣдныхъ подданныхъ, что они за легшее
„считаютъ въ домѣ своемъ обиды претерпѣ-
„вать, нежели вамъ какіялибо жалобы подно-
„сить; что оттуда происходитъ, понеже
„тотъ, который въ отечествѣ своемъ еди-
„наго соперника имѣлъ бы, въ Сенатѣ ва-
„шемъ всѣмъ непріятенъ бываетъ; и сіе для
„того что челобитчикъ убогъ, а отвѣтчикъ
„богатъ„.

„Когда ваше счастіе, и наше несчастіе
„такъ опредѣлило, что гордой Римъ прі-
„обрѣлъ господствованіе нашей Германіи; то
„оказываетель вы намъ правосудіе, и сохра-
„нетель въ отечествѣ нашемъ спокойствіе
„и тишину? Истинно, нѣтъ: но приходящіе
„туда, имѣнія у насъ отнимаютъ; а вы
„обрѣтающіеся здѣсь, славу у насъ похи-
„щаете; сказывая, что поелику мы безъ за-
„кона; безъ разума, и безъ Царя находимся,

„ можно насъ какъ подлыхъ варваровъ вмѣсто
„ невольниковъ порабощать. Но на цѣлое небо
„ заблуждаете, Римляне: ибо ни по какому ре-
„ зону, думаю, не можно насъ назвать народомъ
„ безъ разума, когда мы, какіе отъ боговъ
„ созданы, такими и живемъ въ собственныхъ
„ нашихъ храминахъ чужихъ домовъ ни же-
„ лая, ни выманивая, ни отнимая. Съ го-
„ раздо вящшею справедливостію могли бы мы,
„ васъ назвать народомъ безъ разума, поелику
„ вы веселою и плодоносною Италіею не бу-
„ дучи довольны, по всему свѣту человѣческую
„ кровь проливаете „.

„ Что сказываете, мы невольниками
„ быть достойны, понеже ни Государя, ко-
„ торый бы нами повелѣвалъ; ни Сената,
„ который бы нами управлялъ; ни войска,
„ которое бы насъ защищало, не имѣемъ;
„ отвѣтствую, что мы ни о войскѣ не ста-
„ ралися, понеже никакихъ непріятелей не-
„ имѣли; ни гордаго Сената для управленія
„ нами не учреждали, понеже всякъ своимъ
„ жребіемъ довольствовался; ни Государямъ
„ между нами господствовать не допускали,
„ понеже мы такъ прежде, какъ и нынѣ, всѣ
„ равны были: ибо Государей есть, тиранновъ
„ укрощать, и подданныхъ въ мирѣ и спокой-
„ ствіи содержать „.

„ Что сказываете, мы въ своемъ отече-
„ ствѣ никакого общества, и никакого граждан-
„ скаго благочинія не имѣемъ; но по подобію ди-
„ кихъ звѣрей живемъ; не больше, какъ и
„ вышепредложенное на справедливости утвер-

„ ждаетъ-

„ждается: ибо мы въ своей землѣ лживыхъ
„и обманчивыхъ купцовъ, и тѣхъ, кои изъ
„иностранныхъ мѣстъ ввозятъ орудія поро-
„ковъ и невоздержанія, вовсе не терпѣли:
„и такъ мы во одѣяніи скромность, въ пищѣ
„умѣренность, и въ питіи трезвость на-
„блюдая, во многихъ купеческихъ торгахъ
„и промыслахъ нужды не имѣли. Хотя же
„нѣтъ въ отечествѣ нашемъ Карѳагенскихъ
„купцовъ, Мавританскаго масла, Тирскихъ
„промышлениковъ, Кантабрской стали, Азіат-
„скихъ благовонныхъ ароматъ и мазей, Гиш-
„панскаго золота, Британскаго серебра, Сидон-
„скаго янтарю, Дамасскаго шелку, Сицилійскаго
„брашка, Критскаго вина, и Аравитской порфи-
„ры: однако мы не звѣри въ сей землѣ находимся,
„и не вовсе никакого общества не имѣемъ, ибо
„оныя и другія тому подобныя вещи больше къ
„порокамъ распаляютъ, нежели къ добродѣ-
„телямъ поощряютъ человѣковъ„.

„Не то счастливое и блаженное обще-
„ство, которое многихъ имѣетъ купцовъ;
„но въ которомъ многіе живутъ добродѣтель-
„ные мужи: не то, которое многими изоби-
„луетъ богатствами; но которое многими
„похваляется добродѣтелями: не то, гдѣ
„многіе живутъ мятежники; но гдѣ обита-
„ютъ миролюбивые человѣки; откуду про-
„исходитъ, что мы о обществѣ Римскомъ по
„причинѣ богатства сожалѣть; а вы на про-
„тивъ того общество Германское по причинѣ
„убожества ненавидѣть должны. О когда бы,
„съ коликимъ великодушіемъ мы убожество,

 „съ

„ съ толикимъ равнодушіемъ вы изобиліе сно-
„ сили! то ни вы тогда отнимать у насъ зе-
„ млю нашу въ Германію не приходили бы,
„ ни мы нынѣ жаловаться въ Римъ не пришли бы.
„ И вижу премного разности между обоими
„ сторонами; ибо вы, хотя о бѣдствіяхъ и
„ горестяхъ нашихъ слышите; однако ни ма-
„ ло изъ роскошей вашихъ не упускаете: а мы
„ ни слезъ изъ очей своихъ никогда не отира-
„ емъ, и неутѣшно несчастія свои оплакива-
„ емъ „.

ГЛАВА 5.

Крестьянинъ заключая рѣчь, жестоко укоряетъ правительства ненаблюдающія правосудія; и показываетъ, сколь оныя вредны суть обществу.

„ Ежели вы думаете, что все ужѐ отъ
„ меня пересказано, что надлежало говорить;
„ то обманываетесь: понеже еще остается
„ мнѣ такія вещи представлять, кои слуху
„ вашему покажутся невѣроятны: однако не
„ думайте, чтобъ отъ изъясненія оныхъ
„ меня отвлекъ страхъ; когда отъ дѣланія
„ ихъ васъ никакой не отвлекаетъ стыдъ: ибо
„ явная вина не терпитъ тайнаго наказанія.
„ Я не могу довольно надивиться, Римляне,
„ что вы даже до сего времени толь глупыя
„ и несмысленныя правительства намъ при-
„ сылаете, что оныя, кленусь безсмертными

„ бо-

„ богами, ни вашихъ законовъ намъ толковать,
„ ни нашихъ установленій разумѣть не мо-
„ гутъ; которой вредности единственною при-
„ чиною есть то, что вы не тѣхъ, кои къ
„ отправленію правосудія наибольшую способ-
„ ность; но кои множайшихъ въ Римѣ покро-
„ вителей и пріятелей имѣютъ, посылаете.
„ А какъ правительства отъ Сената паче
„ просящимъ, нежели способнымъ препоручают-
„ ся; то весьма мало имѣется вещей, кои
„ возможно сказать, въ разсужденіи тѣхъ,
„ кои они тамъ отваживаются дѣлать. Какія
„ они отъ васъ повелѣнія здѣсь пріемлютъ,
„ я не знаю; а что тамъ дѣлаютъ, изъ-
„ ясню „.

„ Судьи ваши, что ни дается, явно
„ взимаютъ; и что ни могутъ, тайно похища-
„ ютъ и отнимаютъ; убогаго за малыя погрѣ-
„ шности жестоко наказуютъ, а богатому и
„ въ великихъ преступленіяхъ потакаютъ;
„ чтобъ больше случаевъ къ грабительствамъ
„ возъимѣть, многія безчинства совершать
„ попускаютъ; чтобъ въ роскошахъ и порокахъ
„ свободнѣе упражняться могли, правленіе
„ подчиненныхъ забываютъ, другихъ злодѣй-
„ ства обуздывать долженствуя, сами премно-
„ гія изобрѣтаютъ; и бѣдные напрасно безъ
„ всякаго успѣха провосудія у нихъ требуютъ;
„ словомъ: Римлянами себя называя, оную
„ землю расхищать не опасаются „.

„ Что сіе есть, Римляне? Никакого ли
„ конца не будетъ имѣть ваша въ повелѣва-
„ ніи гордость, и въ хищеніи жадность? Что

„ угодно

„ угодно вамъ, определите, и насъ толикими
„ мученіями не терзайте. Ежели вы для пора-
„ бощенія детей нашихъ сіе делаете; то окуй-
„ те ихъ въ кандалы, и употребляйте вместо
„ невольниковъ: ибо железомъ, паче нежели
„ возмогутъ понесть, ихъ не обремените, такъ
„ какъ ныне повеленія и дани, коихъ снесть не
„ могутъ, на нихъ возлагаете. Ежели для по-
„ хищенія именій нашихъ сіе делаете, то
„ идите возмите все: ибо Германцы, нетакого
„ суть нрава и сложенія, какъ Римляне; кои
„ для того скудно живутъ, чтобъ умереть
„ богатыми. Ежели того, чтобъ противъ
„ васъ отечество наше не возстало, опасаетесь;
„ то удивительно мне, что сіе вамъ на мысль
„ взошло: ибо въ разсужденіи того, колико
„ мы отъ васъ истощены и утеснены, ежели
„ вы дадите порукъ, что не станете разорять
„ нашу землю; я взаимно дамъ порукъ, что
„ оная никогда отъ васъ не отложится. Ежели
„ наши служенія вамъ не удовлетворяютъ; то
„ повелите головы намъ какъ злодеямъ отъ
„ шей нашихъ отторгнуть: ибо, поверьте
„ мне, не столько горестенъ будетъ нашимъ
„ шеямъ мечь, сколько огорчительно серд-
„ цамъ ваше свирепство. Желаетель знать,
„ что сделали мы, Римляне; вы всего царства
„ несчастнейшіе обыватели во все убегать
„ сожитія женъ, и умертвить собственныхъ
„ детей согласилися; сиречь дабы не оставить
„ ихъ во власти толь свирепыхъ и безчеловеч-
„ ныхъ тиранновъ: ибо мы лучше имъ въ
„ вольности умереть, нежели въ рабстве жить

„ же-

„ желаемЪ. Мы какЪ отчаянные мущины,
„ вЪ прочее жизни время скотскія стремленія
„ плоти претерпѣвать вознамѣрились, дабы
„ никакая женщина впредь не понесла бремени:
„ ибо мы лучше двадцать или тридцать лѣтЪ
„ отЪ любовныхЪ дѣлЪ воздержными быть, не-
„ жели дѣтей своихЪ вѣчными невольниками, ос-
„ тавить желаемЪ. Естьли тѣже судьбины дѣ-
„ тей ожидаютЪ, коихЪ отвѣдали бѣдные
„ родители; то не толикое есть добро, не
„ позволить, чтобЪ они жили; но еще наилуч-
„ ше былобЪ не допустить, чтобЪ на свѣтЪ
„ родилися. Не такЪ надлежитЪ поступать,
„ Римляне; но должно стараться, чтобЪ на-
„ силіемЪ покоренная земля, наилучше была
„ управляема: чрезЪ чтобы бѣдные плѣнни-
„ ки смотря оказываемое себѣ правосудіе, и
„ прешедшія обиды забвенію предали, и серд-
„ ца кЪ вѣчному служенію смирили „.

„ Коликократно мы о обидахЪ, коими
„ Ценсоры ваши подлѣ рѣки Дуная насЪ утѣ-
„ сняютЪ, сЪ жалобами вЪ РимЪ приходимЪ;
„ то получаемЪ отвѣтЪ, что слушаны будемЪ
„ вЪ СенатѣЪ. Но по выслушаніи жалобЪ, вы
„ толь вЪ рѣшеніи медлительны, что покуда
„ злое обыкновеніе исправлять начнете, ужѐ
„ общество погибло. И для того я нѣкоторыя
„ вещи, отЪ части дабы вы оныя познали, а
„ отЪ части дабы исправили, вамЪ покажу.
„ Естьли приходитЪ нѣкто изЪ убогихЪ лю-
„ дей весьма скудный человѣкЪ, проситЪ ва-
„ шей помощи; и не имѣетЪ ни денегЪ, кои
„ дать; ни вина, которое подарить; ни масла,

„ кото-

„ которое обѣщать; ни порфиры и парчи, „ которую поднесть; ни знакомства, и пріязни, отъ коихъ вспоможеніемъ снабдѣнъ быть; „ ни доходовъ, которыми вамъ услужить, и „ потребныя иждивенія сдѣлать могъ бы; то „ по изъясненіи жалобы своей въ Сенатѣ, ни „ чего кромѣ словъ, не получаетъ; сирѣчь, „ что скоро дѣло его разсмотрено будетъ „.

„ Что потомъ съ нимъ дѣлается? Бѣдный „ и послѣднее тратить и проживать принужденъ бываетъ; и хотя ничего по прозьбѣ „ своей не получаетъ, однако доброю надеждою ласкаясь, наибольшую часть жизни иждиваетъ; и между тѣмъ отъ каждаго наполненными благопріятства обѣщаніями ободряясь; наконецъ единодушнымъ всѣхъ согласіемъ осуждается. Дѣло свое весьма справедливымъ быть слышитъ; но послѣ согласнымъ мнѣніемъ отъ всѣхъ обвиняется. Такимъ „ образомъ бѣдный оный и несчастный челобитчикъ, который на единаго человѣка жаловаться пришелъ, ужѐ съ жалобою на всѣхъ „ въ отечество возвращается, вину на свирѣпство „ судьбинѣ возлагая, и во отмщеніе боговъ „ призывая. Иногда самые вздорные и мятежные человѣки, злобою паче, нежели „ справедливою причиною будучи побѣждены, „ приходятъ въ Сенатъ жаловаться, коихъ „ двоякимъ словамъ и лицемѣрнымъ слезамъ „ вы, Сенаторы, повѣря, немедлѣнно назначаете Ценсора, для разсмотренія и рѣшенія „ дѣла; по возвращеніи коего, больше имѣете „ труда и суетъ въ поправленіи и заглажива-

„ нія

„ніи того, что онЪ нерадѣтельно, несмыслен-
„но и неправильно опредѣлилЪ, нежели что
„народЪ худо сдѣлалЪ. ИзЪясню я вамЪ, Ри-
„мляне, мою жизнь; откуду усмотрите,
„какЪ живутЪ мои одноземцы. Я зимой со-
„бираемыми желудями, а лѣтомЪ пожинае-
„мыми разнаго рода брашенЪ класами пита-
„юсь; и иногда для нужды, а иногда для
„увеселенія, рыболовничаю; и такимЪ обра-
„зомЪ наибольшую часть жизни или на по-
„ляхЪ, или вЪ лѣсахЪ провождаю: которой
„вещи причину, дабы вы извѣстны были, я
„вамЪ покажу. Когда вижу, что Ценсоры ва-
„ши толь свирѣпо поступаютЪ, и толь без-
„человѣчно бѣдныхЪ и убогихЪ грабятЪ; что
„толикія вЪ царствѣономЪ несогласія и смя-
„тенія возрастаютЪ, что толь многоразлич-
„ными видами, оная земля утѣсняется,
„что такЪ бѣдное общество истощается; что
„толь рѣдкіе правду и добродѣтель любятЪ;
„наконецЪ что толь малая отЪ вашего Се-
„ната надежда помощи имѣется; то дабы я
„несчастный глазами моими толь суровой, и
„толь пагубной вещи не видѣлЪ, опредѣлилЪ,
„оставя домЪ и друговЪ, странствовать: ибо
„я лучше желаю одинЪ вЪ полѣ жить, неже-
„ли гражданЪ моихЪ ежечасно плачущихЪ и
„рыдающихЪ видѣть. Кромѣ того дикіе звѣ-
„ри, ежели я имЪ зла не дѣлаю, меня не
„вредятЪ; а проклятые человѣки и благодѣя-
„ніе отЪ меня получая, безвинно меня оби-
„жаютЪ. По истиннѣ, горестно удары несча-
„стія терпѣть: но горестнѣе, когда ощущае-

„мое

„ мое зло никакого врачеванія не пріемлетъ:
„ всего же наигорестнѣйше, когда лѣкарство
„ бѣдѣ въ готовности имѣется; но могущій не
„ хочетъ; а хотящій не можетъ ее увраче-
„ вать „.

О жестокосердые Римляне! я не знаю,
„ чувствуетель вы что нибудь изъ тѣхъ вещей,
„ которыя мы чувствуемъ. Безъ сомнѣнія вы,
„ въ самое сіе время произносимыхъ мною
„ словъ, печаль мою легко понимаете, видя,
„ что отъ единаго воспоминовенія глаза мои
„ въ слезахъ утопаютъ, языкъ онѣмѣваетъ,
„ члены дрожатъ, сердце обомлѣваетъ, духъ
„ изнемогаетъ, утроба истаеваетъ, и плоть
„ изсыхаетъ. Что, думаете, въ отечествѣ
„ моемъ дѣлается, гдѣ то самое очами зрит-
„ ся, ушами слышится, и руками осязается?
„ По истиннѣ, толь многія, и толь жестокія
„ несчастнѣйшая Германія претерпѣваетъ
„ бѣдствія, что и милосерднѣйшіе боги о
„ насъ сожалѣютъ. И не буду просить, чтобъ
„ вы на слова мои, въ чемъ нѣтъ мнѣ нуж-
„ ды, не скорбѣли; но одного токмо сего про-
„ шу, чтобъ тѣ слова, кои говорю, прямо ра-
„ зумѣли. Ежели вы мудрости похвалу себѣ
„ присвояете, какъ въ самой вещи дѣлаете;
„ то ясно увидите, что ни мало неудивитель-
„ но, когда мы обиды и утѣсненія, кои намъ
„ отъ человѣковъ, между человѣками, купно
„ съ человѣками, и чрезъ человѣковъ происхо-
„ дятъ, по подобію человѣковъ претерпѣваемъ:
„ понеже, да справедливо, а притомъ и вольно
„ скажу, естьли бы все, что отъ сего Сената

„ глупо

,, глупо и нерадѣтельно опредѣляется, и все, ,, что отъ правительствъ вашихъ въ бѣдномъ ,, царствѣ свирѣпо совершается, подробнѣе и ,, обстоятельнѣе изъяснять подлежало; одно ,, изъ сихъ необходимо былобъ нужно: то ,, есть, или меня, естьли бы я солгалъ, смер- ,, тію казнить; или васъ, естьли бы правду ,, сказалъ, господствованія лишить,,.

,, Одно только меня утѣшаетъ, о чемъ ,, я съ такими, какъ самъ, несчастными, ,, обыкновенно бесѣдую; сирѣчь, поелику извѣ- ,, стнѣйше вѣдаю, толь правосудными быть ,, боговъ, что жестокость гнѣва и наказанія ,, ихъ не изъ инаго источника, какъ токмо ,, изъ развратности нашего житія происходитъ, ,, когда тайные наши грѣхи къ явнымъ нака- ,, заніямъ ихъ возбуждаютъ. И одно меня ,, жестоко смущаетъ, въ чемъ я разума и на- ,, мѣренія боговъ постигнуть не могу: сирѣчь, ,, что они добродѣтельнаго мужа за маленькую ,, вину многими наказаніями караютъ; а без- ,, законному и за премногія злодѣйства ника- ,, кого наказанія не дѣлаютъ: то есть, въ ,, однихъ все терпѣніемъ покрывая; а другимъ ,, ни малѣйше ни въ чемъ не прощая, О не- ,, довѣдомыя и непостижимыя судьбы боговъ! ,, Истинно, ежели бы я, какъ хвалить дѣла ,, ваши обязанъ, такъ осуждать оныя имѣлъ ,, волю; безъ сомнѣнія подтвердилъ бы, что ,, вы величайшую дѣлаете намъ обиду, упо- ,, требляя ко утѣшенію нашему такихъ судей, ,, кои, естьли бы правосудіе было въ свѣтѣ,

„ руками своими насъ наказуя, сами на пле-
„ чахъ своихъ головъ имѣть недостойны „.
„ Сего повторяемаго къ безсмертнымъ бо-
„ гамъ восклицанія причиною есть то, что
„ чрезъ пятнатцать дней вступленія моего
„ въ городъ, усмотрены мною такія и толи-
„ кія въ Сенатѣ учреждаемыя установленія и
„ опредѣленія, что ежели бы хотя самомалѣй-
„ шая ихъ часть подлѣ рѣки Дуная исполня-
„ лась; тягостнѣе были бы веревками висѣли-
„ цы, нежели ягодами виноградныя лозы.
„ Прилѣжно разсмотрѣлъ я вашу въ рѣчахъ
„ необузданную вольность, въ одѣяніи гнусную
„ неблагопристойность, въ пищѣ и питіи
„ глубокую невоздержность, въ учрежденіи от-
„ правленія судебныхъ и прочихъ дѣлъ вели-
„ кую неумѣренность, и наконецъ въ житіи
„ чрезвычайную роскошность и развратность.
„ Но при всемъ томъ однакожъ, когда какой
„ нибудь Сенатской указъ отсель въ наше оте-
„ чество приходитъ: вижу, что во храмы его
„ несутъ, богамъ посвящаютъ, и наклоня го-
„ ловы едва не обожаютъ; такъ что учиня
„ сравненіе съ обоихъ сторонъ мы повелѣнія
„ исполнять, а повелѣвающихъ проклинать
„ принуждены бываемъ „.
„ А какъ я ужѐ нынѣ желаніе свое испол-
„ нилъ, и кроющійся въ сердцѣ ядъ изливши,
„ духъ удовольствовалъ; то ежели въ чемъ
„ языкомъ своимъ васъ оскорбилъ, вотъ поверг-
„ шись и распростершись на землѣ палача
„ ожидаю: ибо я лучше хощу самъ пріобрѣсть
„ славу, на смерть себя предавая; нежели чтобъ

„ вы

„ вы оную получили, жизнь у меня отнимая.
„ Здѣсь крестьянинъ рѣчь по истиннѣ не
„ крестьянскую окончилъ „.

„ Впрочемъ М. Аврелій Императоръ обра-
„ тясь къ предстоящимъ, сказалъ: что вамъ
„ мнится, други? Какое ядро изъ орѣха, ка-
„ кое золото изъ пригари, какое зерно изъ
„ плевъ, какая роза изъ тернія, какой мозгъ
„ изъ костей, сколь Геройскаго изъ благороднаго
„ духа мужъ сей изъ варваровъ возсіялъ? Ка-
„ кія тонкости доказательствъ, коликое согла-
„ сіе словъ, коликія важности мнѣній, коликую
„ ясность истинны, и коликую откровенность
„ незлобія показалъ? Кленусь милостію боговъ,
„ и избавленіемъ отъ болѣзни, которой
„ стражду; что крестьянинъ оный цѣлой часъ
„ на землѣ простершись лежалъ; а мы отъ
„ удивленія преклоня головы, ни слова отвѣт-
„ ствовать не могли! Ибо мужикъ оный ви-
„ тійствомъ рѣчи насъ посрамилъ, и презрѣ-
„ ніемъ жизни въ несказанное изумленіе и
„ восторгъ привелъ „.

„ По учиненіи же въ Сенатѣ совѣта, мы
„ въ третій послѣ того день новыя правитель-
„ ства къ берегамъ Дунайскимъ послали; а
„ ему оную рѣчь, для положенія въ Сенат-
„ скихъ Архивахъ между преславными изрѣче-
„ ніями иноземцовъ, написать приказали.
„ Сверьхъ того опредѣлили, чтобъ оный
„ крестьянинъ по пожалованіи знатнымъ дво-
„ рянствомъ, пользовался вольностію; и полу-
„ чалъ вѣчное изъ государственной казны про-
„ кормленіе: ибо родитель нашъ Римъ не та-

„ кмо за великія благодѣянія, кои ему оказа-
„ ны, но и за добрыя слова, кои въ Сенатѣ
„ сказаны, награждать и благодарность возда-
„ вать, всегда поставлялъ себѣ за честь и
„ славу „.

ГЛАВА 6.

Великіе Государи и Князи въ избираніи правительствъ, для отправленія правосудія, крайнее прилѣжаніе употреблять должны; поелику отъ того благоденствіе общества зависитъ.

Нѣкоторые Историки повѣствуютъ, что Великій Александръ въ младолѣтствѣ былъ чрезвычайный охотникъ къ звѣриной ловлѣ: ибо онъ не цаплей, совъ, зайцовъ, или куропатвъ; но тигровъ, барсовъ, медвѣдей, слоновъ и львовъ лавливалъ; изъявляя, сирѣчь, мужество сердца, какъ къ лову лютыхъ и неукротимыхъ звѣрей, такъ и къ покоренію гордыхъ Государей. Плутархъ въ Апоѳегматахъ пишетъ, что онъ Критеру первѣйшему изъ друговъ своихъ часто говаривалъ: „ Вѣдай,
„ Критеръ, что великодушные Государи не то-
„ чію въ правленіи царствъ правдолюбивыми;
„ и въ увеселеніяхъ умѣренными и осторожны-
„ ми быть должны; дабы пріобрѣтенной
„ тамъ чести и славы, здѣсь не уменьши-
„ ли и не уничтожили „. Въ то время, когда Александръ произносилъ сіи слова̀, хотя боль-

больше властію, нежели возрастомъ лѣтъ преимуществовалъ; далъ однакожъ примѣръ паче подражанія и похвалы, нежели порицанія достойной: подражанія достойной, говорю, не въ разсужденіи охоты, въ которой упражнялся; но въ разсужденіи благороднаго духа, коимъ одаренъ былъ.

Что незнатные и простые люди въ иныхъ дѣлахъ благородство, а въ другихъ подлость нѣкоторую оказываютъ, мало нужды: но великимъ Государямъ и Князьямъ въ важныхъ дѣлахъ обличить себя гордостью, а въ забавныхъ опорочить легкомысліемъ, срамно и стыдно. Понеже знаменитому и великодушному Государю въ дѣлахъ важныхъ отмѣнное благоразуміе, а въ забавныхъ особливое достоинство своей особы являть приличествуетъ.

Когда же Александръ въ нѣкоторомъ преужасномъ лѣсу охотою забавлялся; то нашелъ одинъ на лютѣйшаго льва: и какъ тотъ за славу, а сей за жизнь ополчался; то сразясь и ухватясь взаимно между собою, оба на землю повалились, и до половины часа борьбу производили: но напослѣдокъ левъ умерщвленъ, а Александръ весьма израненъ и окровавленъ остался: которое сраженіе Александра со львомъ славно было по всей Греціи. Ибо немедленно того звѣроловства изображеніе Кратеръ посвятилъ въ Дельфахъ, мѣдныя статуи льва, собакъ, самаго Царя сразившагося со львомъ, и себя прибѣгающаго на помощь, отъ части Лисипповымъ, а отъ части Леохаридовымъ художествомъ, поставя: дабы оный монументъ не Исторію древнюю

представлялъ; но льва, Александра, псовъ, и Кратера, на оной охотѣ живыхъ показывалъ.

Въ то время, какъ Александръ въ лѣсу побѣдилъ и умертвилъ льва, нѣкоторый Посланникъ Лаконъ, будучи по случаю въ Македоніи, сіи слова сказалъ Александру: „Ахъ! когда бы „вы, достойнѣйшій безсмертныя славы Госу„дарь, тѣ силы, кои оказали въ лѣсу противъ „льва, для полученія области всего свѣта „изъявили противъ нѣкотораго Государя„! Изъ котораго Посланникова слова, и Александрова дѣйствія, удобно заключается, что, ежели Государи суть благочинны, мужественны и храбры, похвально; но ежели черезъ чуръ отважны, и горячи, предосудительно. Ибо хотя Государямъ на раздаваніе богатства щедрыми быть прилично; однако на потеряніе жизни таровотыми быть вовсе не должно.

Между Адономъ и Клиніею, знаменитѣйшими Ѳивскими Философами, по повѣствованію божественнаго Платона въ 10. книгѣ о законахъ, былъ прежестокой споръ, сирѣчь: за какія вещи Государю надлежитъ полагать жизнь свою: поелику Клинія утверждалъ, что Государь за всякую вещь, до чести его касающуюся; а Адонъ, что токмо за оборону и распространеніе общества умереть долженъ. И по истиннѣ говоритъ Платонъ, что оба Философы имѣли справедливыя причины своихъ мнѣній. Но ежели бы паче чаянія такъ случай востребовалъ, чтобъ Государю за которую нибудь изъ тѣхъ вещей умереть надлежало; я по моему скудоумію разсуждаю, что лучше

воспріять смерть за оборону правосудія, нежели за сохраненіе чести. Ибо превеликое есть различіе, для тоголь кто, чтобы соблюсть вещь до одного его приватно касающуюся, или чтобъ исполнить и отдать долгъ обществу, умираетъ.

Да употребимъ же сіе въ пользу нашего намѣренія, я говорю, что мы не требуемъ отъ Великихъ Государей и Князей, дабы они или со львами на охотѣ сражалися; или на войнѣ здравіе свое опасности предавали; или для общества жизнію жертвовали; но того только отъ нихъ просимъ, дабы о наблюденіи правосудія стараніе прилагали. Ибо званіе Государей есть, паче беззаконныхъ людей въ обществѣ, нежели дикихъ вепровъ въ лѣсахъ вылавливать. А дабы сіе исполнили и совершали Государи; мы не того отъ нихъ требуемъ, чтобъ все оное время, которое на пищу, сонъ, охоту, игры, или увеселеніе употреблять должно; но того просимъ, чтобъ изъ двадцати четырехъ часовъ, кои день и ночь составляютъ, по крайней мѣрѣ одинъ часъ на бесѣдованіе о дѣлахъ правосудія употребляли. Не въ томъ состоитъ правленіе общества, чтобъ Государи даже до пота трудилися, сами себя изнуряли, кровь проливали, жизнь презирали, и увеселеній своихъ лишалися; но отъ того похвальное правленіе зависитъ, чтобъ прилѣжно разсматривали общества своихъ вредности, и каковыхъ оныя требуютъ, поставляли дѣлателей правосудія.

Когда же мы отъ Великихъ Государей и Князей не требуемъ, чтобъ они или богатства свои намъ давали, или пищи и сна лишалися, или отъ игръ и охотъ воздерживалися; или жизнь опасностямъ подвергали; но чтобъ добрыхъ въ обществѣ попечителей правосудія учреждали: то въ исканіи сихъ непосредственное прилѣжаніе; а въ разсматриваніи еще и того вящшую неусыпность имъ употреблять должно. Ибо, ежели мы воздыхаемъ, чтобъ получить добрыхъ Государей; съ пролитіемъ слезъ Бога молить должно, чтобъ не возъимѣть злыхъ правительствъ. Какая польза, что ѣздокъ искусенъ, ежели лошадь упряма? Какая прибыль, что шхиперъ разуменъ, ежели тотъ, который сидитъ у руля, глупъ есть? Какая польза, что Царь мужественъ и храбръ, ежели опредѣленный къ сраженію полководецъ труслив и робокъ? Равнымъ образомъ, какая польза, что Государь благочиненъ, ежели правительство, стражъ правосудія, есть развращенное? Какая намъ изъ того прибыль, ежели Государь правдолюбивъ; а попечитель правосудія лживъ и обманчивъ? Какая польза, что Государь трезвъ; ежели стражъ правосудія есть шумственной? Какая польза, что Государь кротокъ и милосердъ; ежели приставникъ правосудія свирѣпѣе и лютѣе палача? Какая польза, что Государь щедролюбивъ и благотворителенъ; ежели стражъ правосудія хищнѣе и самаго разбойника? Какая польза, что трудолюбивъ и добродѣтеленъ; естьли тотъ, который отпра-

правляетъ должность правосудія, въ лѣности и порокахъ погруженъ? Да вкратцѣ все дѣло заключу, утверждаю, что очень мало пользы, когда Государь въ домѣ своемъ приватно бываетъ справедливъ; ежели правленіе препоручитъ публичному тиранну, и явному татю.

Поелику державные Государи и Князи внутри чертоговъ своихъ роскошьми забавлялясь, или въ размышленіи высокихъ вещей упражняясь, развѣ однихъ точію любимѣйшихъ друговъ къ тайному обхожденію допускаютъ; а иногда еще и всецѣло въ праздности погружаются, время въ пированіяхъ иждивая: то и того, что въ самихъ ихъ исправленія требуетъ; а не токмо, что въ общихъ дѣлахъ врачеванія испрашиваетъ, не знаютъ. Я въ порицаніи жестокимъ, и въ писаніи Сатирикомъ не буду, дабы казалось, что совѣтую Государямъ въ пищѣ и питіи не взирать на величество своея власти; но подражать Монашеской строгости. Ибо мало намъ нужды, что они нѣсколько живутъ роскошнѣе, естьли бы только отъ тиранскаго свирѣпства и весьма безобразныхъ пороковъ воздерживалися. Но сіе говорю и утверждаю, что не удовлетворяютъ званію своему Государи, ежели суть правосудны; но долженствуютъ упражняться въ дѣлахъ правосудія, а не роскоши; но нерадѣніе Государей обществамъ пагубны бываютъ. Ибо не ропщутъ подданные, ежели Государь честными увеселеніями забавляется; но ежели во откровеніи правосудія нерадѣтеленъ бываетъ. О когда бы Государи такъ въ дѣ-

лахъ, касающихся до совѣсти общества наблюдали Бога, какъ въ дѣлахъ принадлежащихъ до двора и богатства своего наблюдаютъ человѣковъ.

Плутархъ въ письмѣ къ Императору Траяну, говоритъ: „ Какъ весьма мнѣ нравно, „ пресвѣтлѣйшій Монархъ, ежели Государь „ такого состоянія бываетъ, что всѣ признаютъ не обрѣтаться въ немъ ничего порицанія достойнаго; такъ напротивъ того „ крайне прискорбно, ежели онъ толь беззаконныя правительства имѣетъ, что всѣ утверждаютъ не обрѣтаться въ нихъ ничего похвалы достойнаго. Ибо недостатки Государей молчаніемъ покрыты и извинены быть „ могутъ; а правительствъ вашихъ излишества и погрѣшенія снесть никакъ не можно „. Обманываются многіе державные Государи и Князи, помышляя, что они, ежели сами собою суть преисполнены добродѣтели, изобильно удовлетворили совѣсти: которая вещь есть гораздо инакова: понеже Государю, всѣми добродѣтельми украшенну, быть не довольно; но сверьхъ того, и всѣ пороки своего общества искоренить до основанія, необходимо нужно.

Естьли же вовсе Государи сами обществомъ управлять или не хотятъ, или не могутъ, то просимъ и увѣщеваемъ, чтобъ искали добрыхъ попечителей правосудія. Ибо приватный гражданинъ только о своемъ добромъ ли, или зломъ житіи; а Государь какъ о беззаконной жизни, такъ и о нерадивомъ правленіи общества отвѣтъ воздать имѣетъ.

Сенека въ письмѣ въ другу Луцилію говоритъ: „Истинно, дражайшій Луцилій, свѣтъ „мой, я радуюсь, что ты для посѣщенія „меня въ Римъ шествуешь; однакъ прошу, „дабы ты учредилъ въ Сициліи добрыхъ „судей. Понеже лицезрѣніе твое не принесло „бы мнѣ никакой радости, естьли бы ты въ „худомъ строеніи оставилъ общество. А да„бы ты уразумѣлъ, какія правительства из„бирать надлежитъ; то вѣдай: что оныя дол„жны быть въ мнѣніяхъ и приговорахъ справед„ливы, въ словахъ истинны, въ дѣлахъ бла„гочинны, въ правосудіи кротки, и паче всего „отъ взиманія даровъ весьма воздержны. О „семъ я тебя увѣщеваю для того, дабы ты, „ежели въ правленіи общества былъ неусы„пенъ; въ разсмотрѣніи и испытаніи тѣхъ, „коихъ правленіе онаго вручить имѣешь, „былъ гораздо неусыпнѣе„. Въ сихъ словахъ, числомъ весьма немногихъ, все, что древніе Философы премногими книгами написали, и разными мнѣніями изобразили, кажется мнѣ, заключилъ Сенека. Ибо толь суть важныя, и толь нужныя, что ежели бы Государи оныя къ наблюденію въ памяти, а правительства къ исполненію въ глазахъ всегда имѣли; кажется, и общество избавилибъ отъ многихъ соблазновъ и претыканій, и самибъ свободны были отъ обремененія совѣсти.

Не произвольная, но необходимо нужная есть вещь, чтобъ попечители правосудія были мудрые, кроткіе и благочинные. Понеже ничто не моглобъ быть злопримѣрнѣе и вреди-

тельнѣе, какъ естьли бы правительства, юношескія погрѣшности молодыхъ людей осуждающія, услышали, что они самихъ ихъ легкомысленные и вѣтреные поступки взаимно осуждаютъ. Тому, который публичное званіе несетъ въ городѣ, и для правосудія сидитъ за судейскимъ столомъ, надлежитъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ остерегаться, чтобы не опороченъ былъ названіемъ развращеннаго. Понеже безразсудный и непостоянный судія самъ съ собою размышлять долженъ, что хотя въ его власти состоитъ о каждаго имѣніяхъ судъ дѣлать; но напротивъ того тысяча человѣкъ обрѣтается, которые о жизни и чести его разсуждаютъ. Вручать правленіе подданныхъ развратнымъ и въ похоти утопающимъ человѣкамъ, не токмо совѣсть Государей обременяетъ, но и правосудію презрѣніе навлекаетъ. Ибо мало важности имѣетъ учиненный судъ отъ того, который самъ осужденіе заслуживалъ.

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что Филиппъ, великаго Александра отецъ, опредѣлилъ нѣкотораго изъ Антипатровыхъ родственниковъ въ верьховной судъ членомъ, которой по полученіи достоинства, паче въ чесаніи и убираніи волосовъ, нежели въ разгибаніи и чтеніи книгъ упражнялся. О которомъ легкомысліи и нерадѣніи судьи увѣдомясь Филиппъ, исключилъ его, и жалующемуся всѣмъ о причиненной себѣ обидѣ и безчестіи отрѣшеніемъ отъ должности, сказалъ слѣдующее:

„ Еже-

„Ежели я сіе толь великое достоинство „возложилъ на тебя для того только, что „ты другъ мой; то ничего, повѣрь мнѣ, „не было бы толь важнаго, за что бы я тебя „лишилъ онаго. Ибо, поелику любовь, въ ко„торой я тебя содержалъ, была искренняя; „не надлежало лишать тебя той должности, „которую я опредѣлилъ тебѣ чести ради. „Истинно, когда вручилъ я тебѣ сіе званіе; „думалъ, что ты человѣкъ разумной, мудрой, „честной и время полезно провождающій. Нынѣ „же вижу я, что ты больше въ нѣжномъ и „опрятномъ содержаніи самаго себя, нежели „въ добромъ правленіи моего общества упра„жняешся: чего ни тебѣ дѣлать, ни мнѣ по„пускать неприлично. Понеже доброму судьѣ „толь трудолюбивымъ и неусыпнымъ въ по„хвальномъ отправленіи правосудія быть на„длежитъ, чтобъ и на чесаніе головы празд„наго времени не оставалося „. Сіи слова употребилъ Филиппъ къ судьѣ за роскошь и излишнюю въ убираніи и украшеніи себя прилѣжность, даннаго достоинства лишенному.

Впрочемъ попечители правосудія не токмо постоянными и честными; но еще правдолюбивыми, и отъ лжи весьма чуждыми быть должны. Понеже ничто не можетъ быть злопримѣрнѣе и соблазнительнѣе, какъ ежели въ томъ, коего званіе есть судить правду, кромѣ устъ лжи наполненныхъ, ничего не обрѣтается. Когда два гражданина о нѣкоторой вещи спорятъ; то не на иной конецъ приходятъ къ судьѣ, какъ точію, чтобъ

онъ

онъ сказалъ: кто изъ нихъ имѣетъ справедливѣйшую причину. Естьли же судья не справедливымъ, но лживымъ почитается; то и мнѣніе его всѣмъ будетъ казаться ложное; и хотя судейской приговоръ исполнять надобно, однако тяжущійся того, отъ коего оной учиненъ, винить и опорочивать станетъ.

Имѣются нѣкоторые судьи, кои отъ части для пріобрѣтенія большаго количества денегъ, отъ части для снисканія множайшихъ себѣ друговъ, а отъ части для вѣчнаго пребыванія въ должности такъ, въ тяжущихся сердца вкрадаются, и толикими обѣщаніями ихъ обременяютъ; что оные извѣстнѣйше и безъ всякаго сомнѣнія уповаютъ получить выигрышь въ своемъ дѣлѣ. Поелику въ домы къ судьямъ иные для прошенія, другіе для возвѣщенія новостей, иные для обмана, другіе для утружденія, иные для ласканія учащаютъ; весьма же рѣдкіе для поздравленія приходятъ: то сихъ и сему подобныхъ ради причинъ увѣщеваю судей, чтобъ, они какъ въ приговорахъ справедливы, такъ и въ словахъ осторожны были. Понеже такими и толь добродѣтельными надлежитъ быть попечителямъ правосудія, чтобъ ни въ житіи ихъ ни чего похулить, ни изъ словъ ихъ залога взять никому было невозможно. Ибо ежели въ семъ случаѣ судья остороженъ не будетъ; сдѣлается, отъ чего да отвратитъ Богъ, что во вредъ чужей правды собственныя, такъ сказать, слова дастъ вмѣсто залога.

Ниже довольно, судьямъ въ словахъ быть истинными; но должно и въ приговорахъ быть

спра-

справедливыми, такъ чтобъ ни пріязнью и дружбою преклонить, ни сребролюбіемъ ослѣпить, ни страхомъ устрашить, ни прозьбами умягчить, ни обѣщаніями обольстить себя не попускали. Ибо въ противномъ случаѣ весьма срамно и стыдно было бы имъ, жезлъ, которой въ рукѣ носятъ, имѣть прямой; а жизнь, которую провождаютъ, кривую.

А дабы прямо отправляли званіе свое судьи, пусть всемѣрно стараются быть свободными; сирѣчь, поелику въ разсужденіи дѣлъ статься невозможно, чтобъ не погрѣшили тѣ, коивъ приговорахъ или на друзей, которыхъ бы удовольствовать, или на непріятелей, которымъ бы отмстить, взираютъ. Ибо тотъ не есть судія праведный, но тираннъ скрытный, который во осужденіи и наказаніи пріятству или ненависти даетъ мѣсто. На цѣлое небо ошибаются тѣ, кои будучи приставлены къ суду и правленію, думаютъ, что мало ослабивъ или сокративъ правосудіе множайшихъ въ городѣ друговъ себѣ пріобрящутъ: которое дѣло есть толь беззаконное, и толь Богу ненавистное, что, хотя онъ его нѣсколько времени и терпитъ, по истиннѣ однакожъ долго терпѣть не можетъ. Понеже Богъ, какъ отецъ есть правды, такъ и не попускаетъ славиться именемъ праведныхъ тѣмъ, кои съ крайнимъ безславіемъ своимъ толь много дѣлаютъ неправды.

Антонину Императору осматривающему Имперскія провинціи, когда пріѣхалъ въ Капую.

пую, и спросилЪ, правосудныль или нерадѣтельны были Ценсоры, нѣкоторый Капуанскій житель сказалЪ во отвѣтЪ, какЪ о томЪ СпарціанЪ вЪ житіи его повѣствуетЪ: „Кленусь бесмертными богами, пресвѣтлѣйшій „Государь, что управляющій нами ЦенсорЪ не „есть справедливЪ, ниже дѣлаетЪ правосудія; „а дабы не казалось сіе напраснымЪ на него „отЪ меня вымысломЪ: то, естьли изволите „выслушать, я перескажу, что мнѣ приключилось. Я его просилЪ, чтобЪ вЪ четырехЪ „дѣлахЪ, изЪ которыхЪ ни одно справедливо „не было, здѣлалЪ мнѣ снисхожденіе: вЪ коихЪ всѣхЪ онЪ сЪ крайнею охотою и усердіемЪ, кЪ немалому моему не токмо удивленію, но и негодованію, на прозьбу мою согласился. Ибо хотя я его и просилЪ; не думалЪ, чтобЪ онЪ просимое исполнилЪ; но желалЪ тѣмЪ, кои самаго меня просили, здѣлать снисхожденіе„. ПотомЪ примолвилЪ: „Кленусь ГеніемЪ, что я и особливою дружбою сЪ нимЪ сопряженЪ не былЪ; дабы „временемЪ онЪ не сказалЪ, что большею частію „для меня, нежели для другаго дѣлалЪ. Естьли же онЪ для меня сіи четыре вещи исполнилЪ; то вѣроятно, что для другихЪ больше нежели четыреста такихЪ вещей сдѣлалЪ; о отвращеніи чего вамЪ, пресвѣтлѣйшій Государь, стараться должно. Понеже „добрымЪ судьямЪ надлежитЪ во первыхЪ „терпѣливо каждаго выслушать, а потомЪ „справедливой приговорЪ дѣлать„.

СимЪ

Симъ толь достопамятнымъ примѣромъ да увѣщаются судьи не взирать на лице просящихъ, но со вниманіемъ разсматривать то, чего просятъ. Ибо ежели они то, что должно, дѣлать будутъ; и самые непріятели засвидѣтельствуютъ ихъ правосудными; естьли же сдѣлаютъ, чего не надлежало; то попущеніемъ Божіимъ и собственные удары обличатъ ихъ тиранствомъ. Судьямъ, коимъ благосостояніе общества, и непорочность совѣсти пріятна, недовольно просто дѣлать правосудіе; но еще должно такое у гражданъ имѣть о себѣ мнѣніе, чтобъ никто не отваживался у нихъ просить или требовать чего либо предосудительнаго и не пристойнаго. Ибо въ противномъ случаѣ, естьли бы мы просящаго назвали безстыднымъ; судью, у коегобъ прошено было, не признали бы отъ подозрѣнія свободнымъ.

Сверхъ того пусть смотрятъ Государи, чтобы судьи приставленные ко отправленію правосудія, не токмо правдолюбивы, честны, и справедливы; но паче всего не сребролюбивы и не жадны были. Ибо правда и сребролюбіе въ одномъ человѣкѣ никогда согласія не имѣютъ. Тѣ, кои приставлены къ правленію подданныхъ, или къ разбирательству споровъ, съ крайнимъ прилѣжаніемъ остерегаться должны, чтобы дароприношеніями и взятками не развращилися. Ибо въ противномъ случаѣ инако быть не можетъ, какъ точію, въ которой день начнутъ въ домѣ судьи возрастать бо-

гатства, въ тотъ самой день начнетъ умаляться правосудіе.

Ничего строжае законами своими Ликургъ, Прометей, и Нума Помнилій не запретили, и ни за единое преступленіе жесточайшихъ казней не предписали, какъ ежели судьи были сребролюбивы и Государственной казны похители. Ибо судья, который въ татьбѣ участникомъ быть желаетъ, едва ли опредѣлитъ возвращеніе татьбы. Да и нерезонное оправданіе употребляютъ судьи, сказывая, что они серебра, золота, парчи, и драгоцѣнныхъ камней не взимаютъ; и ежели берутъ, то берутъ одни токмо съѣстныя вещи, какъ то яблоки, закуски, и другія мѣлочи. Ибо часто, и нерѣдко случается, что ежели судья яблоки и другія тому подобныя вещи вкушаетъ; бѣдной челобитчикъ на зубахъ своихъ оскомину чувствуетъ.

Цицеронъ въ книгѣ о законахъ повѣствуетъ, что Катонъ Ценсоринъ будучи ужѐ старъ, когда Сенаторы въ то время, какъ перваго числа̀ Генваря новые Магистраты обыкновенно учреждались, и Сенаторы Манлія и Коллатина годовыми Ценсорами назначить вознамѣрились, просили его въ Сенатѣ, чтобъ о обоихъ свойствѣ и способности изъяснилъ свое мнѣніе, такъ отвѣтствовалъ: „Истинно, Господа̀ Сенаторы, я ни сего не принимаю, ни того не утверждаю: ибо тотъ весьма богатъ; „а сей очень убогъ; изъ коихъ вещей ни одна „не безопасна: поелику извѣстно, что черезъ „чуръ богатые Ценсоры въ порокахъ упражняются; а чрезвычайно убогіе съ жадностію

„на

„ на богатства челюсть отверзают. И так,
„ по моему разсужденію надлежалоб избирать
„ Ценсора или судью такого, который бы
„ ни столько был скуден, чтоб не имѣл
„ нужных вещей к своему пропитанію: ни
„ столько достаточен, чтоб изобиловал бо-
„ гатством к нѣжному и роскошному житію.
„ Ибо излишнее изобиліе дѣлает человѣка по-
„ рочным; а чрезвычайное убожество бывает
„ распалительною матеріею сребролюбія и гра-
„ бительства.

Для той, какою преимуществовал Катон, важности, словам его вѣрить должно; поелику он столько лѣт был верьховным членом и главным предводителем Сената: хотя самая истинна гласит, что не всѣ убогіе, и не всѣ богатые порочны бывают. Но по той причинѣ, кажется, он так разсуждал, понеже или граждане оные сими двумя пораками заражены были; или потому, что убогим, жадничать богатства; а богатым все, что бы до сохраненія и роскошнаго житья их ни касалось, дѣлать свойственно: из коих двух человѣческих родов которой лучше избирать должны Государи, трудно ограничить. Чего ради я ни того, чтоб, презря убогих, одни богатые; ни того, чтоб, отметая богатых, одни убогіе избираемы были, не совѣтую: но пусть приставляют Государи ко отправленію правосудія тѣх, о коих вѣдают, кто непорочны совѣстію, и чужды от сребролюбія. Ибо тот судья, который имѣет уязвленную совѣсть, никогда

 стать-

статься невозможно, чтобъ цѣлое и неповрежденное дѣлалъ правосудіе. Впрочемъ ежели кто о совѣсти судьи сомнѣвается, добрая ли, или худая; наивящшій знакъ есть, чтобъ смотрѣть, чрезъ посильноель старательство или искупъ получилъ онъ судейское званіе. Ибо, кто самовольно чужей совѣсти бремя на себя воспріять тщится, тотъ собственную не безъ трудности за велико цѣнить будетъ.

ГЛАВА 7.

О удивительномъ чудовищѣ, которое видѣно было въ Сициліи во время царствованія М. Аврелія; и о словахъ кровію на башнѣ отъ него написанныхъ.

Въ семьсотъ двадесятое лѣто отъ созданія города и сорокъ второе жизни М. Аврелія, за два года предъ тѣмъ, какъ получилъ имперію, двадесятаго числа мѣсяца Сенстиліе, что нынѣ Августъ, около захожденія солнца, въ царствѣ Тринакріи, называемой теперь отъ насъ Сициліею, въ Приморскомъ оный городѣ Белинѣ, которой въ нашемъ вѣкѣ именуется Палермою, и знатенъ есть купеческою пристанью: приключилось нѣчто какъ того времени человѣкамъ къ зрѣнію ужасное, какъ и нынѣ слышащимъ страшное. Панормитанцы съ крайнимъ веселіемъ торжествовали праздникъ, радуясь, что разбойники ихъ сразясь съ Нумидій-

мидійскимъ флотомъ, десять кораблей взяли въ полонъ, и тритцать два потопили въ море. Ибо въ то время между сими обоими народами были превеликія вражды, какъ то жестокость непріязни, изъявляла лютость дѣйствій. И понеже у разбойниковъ или грабителей обыкновеніе имѣлось, сколько ни получено добычи на морѣ, сошедши съ кораблей, раздѣлять промежь самихъ себя; то оные всѣ выступя на землю, полученное съ великимъ трудомъ, раздѣлили между собою съ немалою радостію: которая вещь какъ добрымъ, такъ и злымъ людямъ удивительное представила позорище: поелику тѣ торжеству ихъ завидовали; а сіи богатствѣ ихъ жадничали.

И понеже человѣки „такъ любить долженствуютъ, аки бы не много спустя опять „возненавидѣть, и ненавидѣть, аки бы мало „послѣ паки возлюбить имѣли:„ то городской Магистратъ всѣ корабли съ богатствами, приговоря быть за тѣмижъ разбойниками, положилъ въ охранительной арестъ; чтобъ ни сами они продавать ихъ не дерзали, ни другіе жадные корыстолюбцы покупать не приходили. Ибо оные Островскіе жители обыкновеніе имѣли, все, что во время продолженія войны ни получено въ добычу, даже до окончанія оной, или до возстановленія прежняго мира, полагать въ сохраненіе: который законъ по истинѣ былъ весьма справедливый. Ибо часто между смертельными непріятелями не могутъ совершенно зажить жестокія раны, не столько по причинѣ заматерѣвшихъ враждъ; сколько

 за

за неимѣніемъ средства ко удовлетворенію настоящихъ, въ свѣжей памяти пребывающихъ обидъ.

Когда же возвратился всякъ въ свои домы, что дѣлалось лѣтнею порою во время ужина; то появилось, и шло срединою города чудовище такое подобіемъ: вышиной казалось около трехъ аршинъ; глазъ имѣло одинъ; голову со всѣхъ сторонъ гладкую, выключая верьхушку; ушей не имѣло, кромѣ что въ затылкѣ видны были дыры, коими, думали, слышитъ; имѣло два рога по подобію козьихъ назадъ закривленные; изъ раменъ правое было долѣе лѣваго: руки казали видъ лошадиныхъ копытъ; шѣи не имѣло; плечи равнялися съ головою; лопатки свѣтилися на подобіе рыбьей шелухи; грудь была отвсюду космата, лице ничемъ отъ мужескаго не разнилося, кромѣ что одинъ во лбу глазъ, и одну только въ носу дыру имѣло. Нижніе уды по поясъ не были видны, потому что были закрыты. Ѣхало возомъ о четырехъ колесахъ, въ которомъ съ переди два льва, а съ зади два медвѣдя запряжены были. Изъ какой матеріи состоялъ возъ, ясно распознать было не можно; подобіемъ отъ простыхъ, каковыхъ употребляютъ люди, ничемъ не разнствовалъ. На срединѣ онаго былъ котелъ, по образу чана съ съ ушками или кольцами; въ которомъ поелику стояло чудовище, верьхняя токмо его часть по поясъ была видима.

Прошло же чудовище срединою города весьма тихо, отъ однихъ до другихъ воротъ,

испу-

испуская пламень, съ толикимъ ужасомъ, что многія беременныя жены выкинули младенцевъ, а другія нѣжнѣйшія сердцемъ женщины пали бездушны. Купно же всякаго возраста и чина люди бѣжали во храмы Юпитера, Марса и Феброуа, и колебали небеса воплями.

А какъ всѣ разбойники между тѣмъ въ полатѣ начальника Солина, отечествомъ Капуанца, собравшись пировали; то чудовище выходивъ весь городъ, или по крайней мѣрѣ наибольшую онаго часть, съ возомъ, львами и медвѣдями къ запертой полатѣ, въ которой разбойники находилися, подошло весьма близко, и отсѣкши у одного изъ львовъ ухо, текущею оттуду кровію сіи написало буквы: R: A: S: V: P: F: P: P: кои премного труда въ истолкованіи сдѣлали людямъ разумнымъ: поелику больше было толковъ, нежели самихъ буквъ. Напослѣдокъ нѣкоторая Пиѳонисса (т. е. гадательница, или пророчица), славная въ Магической или волшебной наукѣ, существительное ихъ содержаніе изъяснила такимъ образомъ: „Reddite aliena, si vultis propria in pace possidere; сирѣчь: Отдайте чужее, „естьли желаете спокойно владѣть собственнымъ„: которое толь страшное повелѣніе не меньшій разбойникамъ ужасъ, какъ и разумное истолкованіе женщинѣ честь приносило.

По совершеніи сего, чудовище тотчасъ онымъ вечеромъ взошло на превысокой каменной холмъ, называемой тогда Ямиціею, гдѣ три дни пребывало въ виду города: коимъ

временемЪ страшной ревЪ львы испускали, и ужасные пламени изЪ медвѣдей и самаго чудовища исходили, и во все то время никакая птица на воздухѣ, и никакой звѣрь на поляхЪ не являлися, и люди богамЪ своимЪ великолѣпнѣйшія жертвы приносили; такЪ, что разсѣкши ножныя и ручныя жилы, кровію богамЪ, естьли бы только возможно было какимЪ образомЪ ихЪ умилостивить, жертвовали. По прошествіи трехЪ дней, вдругЪ показался надЪ землею черный облакЪ, и немедленно увидѣны были молніи и услышаны громы, и толикое вЪ городѣ послѣдовало землетрясеніе, что многіе домы пали, и многіе граждане отЪ развалинЪ жизни лишились; паче же всего, пламень изЪ холма, на которомЪ было чудовище, устремясь, палату со всѣми разбойниками и положенными вЪ сохраненіе тамо богатствами сожегЪ, такЪ что по истребленіи всего, внутри имѣвшагося, и самые твердые камни сгорѣли. Толикое же было оное пораженіе, что двѣ тысячи домовЪ изЪ основаній упадши сокрушились, и десять тысячь людей подавили. Чего ради на самомЪ верьху холма, гдѣ чудовище стояло, вЪ память приключенія, повелѣлЪ ИмператорЪ устроить Юпитеру храмЪ; которой послѣ АлександрЪ ИмператорЪ, производя сЪ Сициліанами войну, перемѣнилЪ вЪ крѣпко огражденной замокЪ.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

Что Антигону Римскому гражданину во время сего добродѣтельнѣйшаго Императора приключилось.

Во время сихъ произшествій на островѣ, нѣкоторый Римлянинъ, именемъ Антигонъ, мужъ Сенаторскою природою знаменитый, и лѣтами старый, имѣлъ домъ и жительство въ ономъ городѣ; который около двухъ годовъ предъ тѣмъ съ женою и дочерью изъ города отправленъ въ ссылку, хотя сыновья его купно съ нимъ въ заточеніе и не были посланы: что такъ происходило.

Похвальное и древнѣйшее обыкновеніе, даже отъ временъ Квинтія Цинцинната Диктатора, введено, чтобъ въ мѣсяцѣ Декабрѣ два Сенатора лѣтами старѣйшіе, купно съ назначеннымъ Ценсоромъ, и тѣмъ, который Ценсуру свою ужѐ окончилъ, весь городъ такимъ образомъ осматривали. Каждаго Римлянина порознь призывая, писанные на двенатцами доскахъ законы, и особливыя Сенатскія установленія имъ предлагали выспрашивая, не вѣдалиль о комъ нибудь изъ жителей, что оные нарушили, послѣ чего Сенату обо всемъ дѣлѣ доносили, который (съ общаго всѣхъ мнѣнія и приговора) и по различію винъ опредѣлялъ наказанія. Однакожъ за учиненныя въ настоящемъ году вины никто не вос-

пріималЪ наказанія; но увѣщеваемЪ былЪ, чтобЪ впредь себя исправилЪ. Естьли же слѣдующій осмотрЪ показывалЪ, что тщетно было увѣщаніе; то явшагося вЪ такомЪ случаѣ или жесточайшимЪ наказаніемЪ, или временемЪ и самою ссылкою карали. Слова̀ закона писаннаго на пятой доскѣ вЪ третьемЪ параграфѣ были сіи: „СенатЪ опредѣлилЪ; „народЪ повелѣлЪ, и древнія селенія утверждаютЪ: ежели человѣки, яко человѣки, вЪ „нѣкоторомЪ году сдѣлаютЪ погрѣшеніе; то „человѣки, яко человѣки вЪ томЪ году пусть „имЪ терпятЪ. Естьли же злые, яко злые, „не исправятся; то добрые, яко добрые, жестоко ихЪ да наказываютЪ „: и паки законЪ гласилЪ: „Перьвыя погрѣшности, то есть, „по причинѣ невѣжества, сдѣланныя да сносятся; продолжаемыя же, сирѣчь, чрезЪ лѣность или злобу учиненныя, да наказываются „. Слѣдствіе же сіе производилось вЪ мѣсяцѣ Декабрѣ, понеже немедленно вЪ мѣсяцѣ Яна, который есть Январь или Генварь, новые Магистраты вЪ Римѣ учреждать надлежало; и для того должно было вѣдать, кому давать или не давать чины, чтобы вмѣсто добрыхЪ злые, или вмѣсто злыхЪ добрые избираемы не были.

ВпрочемЪ ссылки мужа и жены̀ главная причина была сія. АвгустЪ, вторый ИмператорЪ Римскій, „запретилЪ осквернять мочою двери храмовЪ. Калигула, четвертый „ИмператорЪ, заповѣдалЪ, чтобы никакая „женщина не дѣлала цѣдулокЪ для вѣшанія

„на

„на шѣю отъ лихорадки: и наконецъ Катонъ „Ценсоринъ узаконилъ, чтобы никакой юноша „съ малолѣтною, или взрослою дѣвицею, ли- „бо разговаривать, либо мешкать купно на „единѣ при источникахъ, гдѣ воду черпали; „или при рѣкахъ, гдѣ платья мыли; или „подлѣ печей; гдѣ хлѣбы пекли, не отважи- „вался„. Ибо въ сіи мѣста, все Римское юношество, какъ коршуны къ трупу стекалось.

Когда же Ценсоры и Консулы свидѣтельствовали сторону горы Целійской; то Антигона обвинили, что стѣны храма Марсова окропилъ мочою; жену, что отъ лихорадокъ давала и въ продажу производила цѣдулки и ладонки; и наконецъ дочь, что при ключахъ, рѣкахъ и печкахъ примѣчена была въ разговорѣ и смѣхѣ съ Римскими юношами; которое дѣло Римскимъ дѣвицамъ было безчестно и укорительно. А какъ Ценсоры, посмотря въ книги, нашли сіе развращеніе благочинія въ Антигоновомъ домѣ, и притомъ увидѣли, что они о тѣхъ дѣлахъ были увѣщаваемы; то отправили ихъ, по опредѣленію Сената, въ Сицилійское заточеніе.

Какъ же въ пышныхъ и великолѣпныхъ зданіяхъ, когда одиножды падать начали, никогда не тронется камень, чтобъ ближняго камня не подвигнулъ; такъ и въ человѣческихъ жребіяхъ различные бываютъ случаи, и никогда не приходитъ бѣда, чтобы другой въ свѣтѣ для него болѣе уже не имѣлось. Говорю я сіе для того, понеже Антигонъ хотя достоин-

ство и имѣніе погубилъ въ отечествѣ; однако фортуна еще жесточайшимъ гоненіемъ на него свирѣпствовала, такъ что возбужденное отъ чудовища трясеніе земли и домъ его испровергло, и дражайшую дщерь жизни лишило. Впрочемъ, чрезъ все то время, какъ въ Римѣ сіе приключилось, и въ Сициліи чудовище было видимо, Маркъ Императоръ производилъ войну съ Маркоманнами. Когда же о заточеніи Антигона чрезъ письмо увѣдомился добродѣтельнѣйшій Императоръ; то будучи тронутъ искреннимъ соболѣзнованіемъ послалъ къ нему для утѣшенія слѣдующее письмо:

ГЛАВА 9.

Письмо М. Аврелія Императора къ другу Антигону, коимъ отвѣтствуя на писаніе его, присланное изъ Сициліи, показываетъ, что Римскіе судьи безмѣрно жестоки. Раздѣляется отъ Автора на пять главъ.

„ Маркъ Аврелій сотоварищъ въ имперіи, „ и соучастникъ Трибунской власти нынѣ болѣзнуя, себѣ здравія, а Антигону странствующему въ ссылкѣ облегченія и утѣшенія отъ „ боговъ утѣшителей желаетъ.

„ Я для избѣжанія досадныхъ городскихъ „ жаровъ, и чтенія нѣкоторыхъ изъ Палестины привезенныхъ ко мнѣ книгъ, удалился „ въ Капую: и понеже никакихъ мѣръ касающихъ-

„ щихся къ поспѣшенію въ пути не оставилъ;
„ то восхищенъ лихорадкой, которая будучи
„ большею частію скучна, нежели опаска, съ
„ ознобомъ приходитъ, и весь аппетитъ въ ко-
„ нецъ истребляетъ. Около третьягонаде-
„ сять числа Февраля получилъ я отъ тебя
„ вторичное письмо; и поелику въ тотъ же
„ самой часъ и писаніе твое и лихорадка ко
„ мнѣ пришла; то по причинѣ досады чувствуе-
„ мой отъ лихорадки вскорѣ писма твоего чи-
„ тать я не могъ. И по истиннѣ мы оба ка-
„ жемся нещастливы, ты краткостію, а я
„ пространствомъ; понеже ни мое многословіе
„ у тебя грусти и печали, которою ты со-
„ крушаешся; ни твое краснорѣчіе у меня ли-
„ хорадки, которою я стражду, не отъемлетъ „.

„ А какъ почерпнутое изъ твоего нещастія
„ соболѣзнованіе пламенѣетъ, и сердце помочь
„ тебѣ желаніемъ пылаетъ; то хотѣлъ бы я
„ подать нѣкоторой совѣтъ и утѣшеніе. Од-
„ нако утѣшенія, коего ты требуешь, я по-
„ дать не могу; а которое я подать могу,
„ ты онаго не требуешь. И для того не ста-
„ ну повторять содержанія преждняго письма;
„ но какъ наилучше возмогу, потщусь тебѣ
„ отвѣтствовать, ниже вступилю въ трудъ
„ твоего утѣшенія, будучи, сирѣчь, такъ
„ отягощенъ болѣзнію, что ни къ тебѣ пи-
„ сать охоты не имѣю, ни самъ изъ увеселе-
„ ній никакого удовольствія и отрады не по-
„ лучаю. Чего ради ежели паче чаянія настоя-
„ щее письмо краснорѣчіемъ, изрядствомъ, и
„ пріятностію прежнимъ, кои я къ тебѣ обы-

„ кновенно посылалъ, соотвѣтствовать не бу-
„ детъ; не волю, которая тебѣ служить же-
„ лаетъ; но болѣзнь мою, которая оную уни-
„ чтожаетъ, обвиняй. Ибо страждущіе въ бо-
„ лѣзни не токмо другимъ услужить не мо-
„ гутъ; но едва и врачамъ удовлетворяютъ„.

„Ежелибъ къ твоему утѣшенію ничего
„ болѣе, кромѣ частыхъ писемъ, и многослов-
„ ныхъ обѣщаній, было не надобно; то по
„ истиннѣ и съ самою лихорадкою моею, чтобъ
„ сдѣлать тебѣ удовольствіе, спорилъ бы. Но
„ какая или тебѣ польза, или мнѣ прибыль,
„ будучи маломочнымъ, много обѣщать? Въ
„ примѣръ сего, помню, что читалъ древній
„ Родійской законъ, писанной слѣдующими слова-
„ ми: Всѣхъ плѣнниковъ, невольниковъ, стран-
„ нопришельцевъ, и утѣшенія лишенныхъ, по-
„ сѣщать и утѣшать, просимъ и увѣщаваемъ.
„ Купно же узаконяемъ и повелѣваемъ, чтобы
„ ни какой гражданинъ совѣта подавать не
„ отважился, ежели съ совѣтомъ купно не по-
„ даетъ и помощи. Ибо словà, ежели съ спа-
„ сительною помощію не сопряжены, мало имѣ-
„ ютъ силы и важности къ утѣшенію оскор-
„ бленнаго се́рдца. Преизрядный по истиннѣ
„ былъ Родійской законъ, но гораздо изряднѣй-
„ шій будетъ тотъ Римлянинъ, который
„ его хранить и исполнять станетъ. Будь
„ увѣренъ, что я пылаю желаніемъ тебя ви-
„ дѣть, вѣдая, что и ты равнымъ образомъ
„ желаешь со мною бесѣдовать, и о нещастіи
„ твоемъ жаловаться. Ибо вящшую отраду
„ почерпаетъ печальный и оскорбленный духъ,
„ соб-

„ собственныя бѣды изъясняя, нежели чужія
„ утѣшенія слушая „.

„ Хотя же въ письмѣ твоемъ многія вещи,
„ изъ коихъ почти ни объ оной прежде сего
„ мнѣ донесено не было, заключается; гла-
„ внѣйшее однакожъ есть твое увѣдомленіе,
„ что въономъ царствѣ намѣстники и попе-
„ чители правосудія безмѣрно сурово поступа-
„ ютъ, и для того Сициліане на Сенатъ не-
„ годуютъ. Истинно, поелику я даже до сего
„ времени никакой лжи отъ тебя не слышалъ;
„ тѣмъ удобнѣе всему, что ты въ письмѣ твоемъ
„ ни объвляешь, вѣрю: хотя думаю, что са-
„ мое свирѣпство жителей онаго острова судей
„ жестокими дѣлаетъ: ибо такъ природа у-
„ строила, что гдѣ упорнѣе подданные, тамъ
„ суровѣе и попечители правосудія бываютъ; чего
„ хотя бы въ прочихъ царствахъ и не дѣла-
„ лось; въ семъ однакожъ островѣ, вѣроятно,
„ что дѣлается; о которомъ древнюю пословицу
„ говорятъ: Всѣ островляне суть злонравные;
„ Сициліяне же всѣхъ злонравнѣйшіе. Толико
„ нынѣ въ злодѣйствахъ укрѣпилися беззакон-
„ ные, и толико въ благотвореніяхъ ослабѣли
„ добродѣтельные; что, ежели бы нѣсколько
„ строжайшее наказаніе употребляемо не было;
„ все бы въ разореніе и замѣшательство при-
„ шло отъ беззаконныхъ, и вскорѣ не помяну-
„ лось бы и имени добродѣтельныхъ „.

„ Но оставя сіе, да приступлю къ самой
„ вещи; когда разсуждаю, какими окружены
„ мы бѣдствіями, и коликимъ подвержены
„ злоключеніямъ; то ни мало не удивляюсь,

„ что

„ что человѣки по человѣчеству согрѣшаютъ;
„ но не хвалю судей, которые въ наказаніи съ
„ толикою жестокостію поступаютъ, что тиран-
„ нами паче, насильно людей убивающими,
„ нежели Ценсорами, законно правосудіе и-
„ сполняющими, кажется, называть ихъ до-
„ стойно. Одна вещь въ толикой ужасъ меня
„ приводитъ, что я едва разума и дыханія
„ не лишаюсь; сирѣчь: боги хотя подлинные
„ суть властители правосудія, и сторона оби-
„ женная, однако милосердными называться
„ желаютъ; а мы, будучи временные надзи-
„ ратели и попечители правосудія, да еще
„ не обиженные, лютостію похваляемся. Кто
„ столь безуменъ, чтобы другаго повреждать
„ отваживался, видя, что боги собственные
„ обиды прощая, имя милосердныхъ; а мы чу-
„ жія обиды отмщая, названіе лютыхъ ти-
„ рановъ получаемъ? Весьмабъ безсчастны
„ человѣки, и смѣхабъ достойны боги были;
„ ежели бы съ мерзостью беззаконій нашихъ
„ жестокость своего наказанію уравнили. Поне-
„ же естьли бы они равную мѣру намъ воздава-
„ ли, ко отнятію у насъ жизни довольнобъ
„ было вины и единаго беззаконія.

„ Не человѣкомъ между человѣками; но
„ звѣремъ, между звѣрьми достоинъ назваться
„ тотъ, которой забывъ сложеніе свое изъ слабыя
„ плоти, немилосердою чужую плоть терза-
„ етъ. Ибо, ежели съ ногъ до головы раз-
„ смотритъ себя человѣкъ, не обрящетъ ни
„ единаго побужденія къ лютости; и многіе
„ напротивъ того увидитъ орудія къ дѣланію
„ мило-

„милосердія. Понеже имѣетъ очи, коими на „бѣдныхъ и страждущихъ взирать; имѣетъ „ноги, коими въ священные храмы для слушанія божественнаго служенія и проповѣдей „ходить; имѣетъ руки, коими всѣмъ помогать; имѣетъ языкъ, коимъ за сиротъ „предстательствовать; имѣетъ духъ, коимъ боговъ любить; наконецъ имѣетъ разумъ, „къ познанію зла, и мудрость, къ избиранію „добра. Когда же премного человѣки должен„ствуютъ богамъ, отъ которыхъ столько „орудій милосердія воспріяли; то не меньше „долженствуютъ имъ, что оные у нихъ при„чины лютости отняли. Ибо ни роговъ имъ, „какъ быку; ни хобота, какъ водяному ужу; „ни кохтей, какъ коту; ни яду, какъ змѣю: „на послѣдокъ, ни крѣпкихъ ко ударенію ко„пытъ, какъ лошадямъ; ни лютыхъ къ терза„нію зубовъ, какъ львамъ, не дали „.

„Естьли же милосердны суть боги, и „насъ милосердными не точію создали, но и „быть повелѣли; то для чего свирѣпыми же„лаютъ быть наши судьи? Коль многіе ны„нѣ суть въ Римской Имперіи лютые, без„человѣчные и свирѣпые судьи, кои подъ ви„домъ и предлогомъ ревности правосудія об„щество разоряютъ! Ибо они не отъ любви „къ правосудію; но отъ жадности къ пріобрѣ„тѣнію славы, давши злобѣ надъ собой побѣду, „собственную природу съ себя свергли „.

„Истинно, я не удивляюсь, что Ценсоръ „или судья Римскій завидуетъ моему дому, „не доброхотствуетъ моимъ другамъ, благо-

„ пріятствуетъ врагамъ, презираетъ моихъ
„ сыновей, любитъ дочерей, жадничаетъ бо-
„ гатства, и злобствуетъ на самаго меня,
„ но весьма негодую, что многіе судьи такъ
„ алчны къ терзанію человѣческой плоти,
„ акибы сами они медвѣдями, а человѣческія
„ тѣла̀ пчелиными ульями были „.

ГЛАВА 10.

М. Аврелій продолжая письмо противъ свирѣпыхъ судей, воспоминаетъ два примѣра, одинъ лютѣйшаго Римскаго судьи, а другой милосерднѣйшаго Кипрскаго Царя.

„ Кленусь щастіемъ моимъ, Антигонъ,
„ что я, будучи младолѣтенъ, зналъ Ценсора
„ или судью въ Римѣ, именемъ Ликаоника,
„ который имѣлъ ростъ большой, тѣло ни
„ очень толстое, ни очень тонкое, глаза̀ нѣ-
„ сколько кровавые и красные, природу дворян-
„ скую, бороду рѣдкую сѣдую. Онъ чрезъ мно-
„ гіе годы отправлялъ Консульскую должность
„ въ Римѣ, поелику былъ въ Римскихъ зако-
„ нахъ крайне знающъ, въ обыкновеніяхъ и
„ судейскомъ званіи очень искусенъ, въ рѣчахъ
„ обычаемъ скупъ, и во отвѣтахъ весьма про-
„ воренъ. Онъ же всѣхъ, современныхъ себѣ
„ въ Римѣ, превзошелъ тѣмъ, что всякому
„ равномѣрно оказывалъ правосудіе, и весьма
„ скорое челобитческихъ жалобъ дѣлалъ рѣше-

„ ніе.

„ніе. Ибо никогда или прозьбами умилостивить, или взятками подкупить, или словами обольстить, или угроженіями устрашить, или обѣщаніями преклонить его было не возможно. Купно же былъ нравомъ золъ, въ словахъ жестокъ, на прозьбы несклоненъ, въ наказаніяхъ свирѣпъ, въ дѣлахъ подозрѣвателенъ; паче же всего многимъ ненавистенъ, и всѣмъ страшенъ„.

„Колико ненавистенъ былъ Ликаоникъ, едва сказать; и колико всѣмъ страшенъ, едва вздумать можно. Ибо, чуть лишъ кто въ Римѣ получилъ обиду, сей перьвой былъ его голосъ: да здравствуетъ многія лѣта Ликаоникъ! И какъ только матери сказывали плачущимъ младенцамъ: смотри, вотъ идетъ Ликаоникъ; тотъ часъ умалкивали: такъ то единое имя Ликаониково мущинамъ страхъ, а младенцамъ молчаніе наносило. Сверьхъ того вѣдай, Антигонъ, что коликократно въ какомъ нибудь городѣ происходили мятежи, или въ провинціи возрастали бунты; съ согласія всѣхъ для отправленія туда назначаемъ, и отъ Сената посылаемъ былъ Ликаоникъ„.

„И по истиннѣ когда онъ пріѣжжалъ въ такой городъ или провинцію; ужѐ и бунтовщики ушли, и многіе невинные разбѣжались. Ибо толь упрямъ, и къ вымышленію причинъ неистовства искусенъ былъ Ликаоникъ, что иныхъ аки зачинщиковъ предводителей, другихъ аки свѣдомыхъ, иныхъ аки соучастниковъ, другихъ аки укрывателей, наказуя,

„ не оставлялъ никого безъ терзанія тѣла,
„ или безъ утраты имѣнія „.

„ Можетъ статься думаешь, Антигонъ, „ мало было тѣхъ, коихъ сей судья сѣкъ, „ растерзалъ, потопилъ, порубилъ, ко кресту „ пригвоздилъ, четверповалъ, въ заточеніе „ сослалъ, и въ землю закопалъ, во время „ своего бытія при Римскихъ Государяхъ? „ Кленусь любовію боговъ! кленусь милостію „ святаго Генія! не инако висѣлицы человѣче- „ скихъ ногъ, рукъ, и головъ, какъ мясныя „ лавки говяжьихъ, телячьихъ, бараньихъ и „ козьихъ мясъ наполнены были. Наконецъ, такъ „ утѣшался проливаніемъ человѣческой крови „ Ликаоникъ, что никогда ласковѣе, и никогда „ веселѣе не былъ, какъ въ то время, когда „ или въ Тиберѣ кого топить, или на Целій- „ ской горѣ ко кресту пригвоздить, или на „ Саларійкомъ пути топоромъ рубить, или въ „ Мамертинскомъ застѣнкѣ щипцами терзать „ надлежало „.

„ О лютаго, безчеловѣчнаго, и неслыхан- „ наго свирѣпства судья! коего въ ядовитыхъ „ паче змѣй утробахъ, нежели въ нѣжныхъ „ Римлянокъ объятіяхъ воскормленныхъ быть „ признавали. Вѣроятно, да паки повторю, „ что онъ не сладкимъ молокомъ женъ питал- „ ся; но сквернѣйшую и смраднѣйшую кровь „ тигровъ сосалъ. Естьли же толь лютой былъ „ Ликаоникъ отъ природы; то кто оную „ проклинать не будетъ? Ежели такой былъ „ отъ ревности къ правосудію; то кто рев- „ ность оную проклинать не станетъ? Есть-

„ли

„ли же дѣлалъ то для пріобрѣтенія славы;
„то кто славу сію ругать и проклинать не
„имѣетъ? Проклятъ отъ боговъ, и проклятъ
„отъ человѣковъ будетъ, кто для единствен-
„наго пріобрѣтенія славы, другаго жизни,
„или законной справедливости лишаетъ. И
„богамъ неугодно, и подданнымъ пагубно,
„что Римскій Сенатъ кроткаго судью неради-
„вымъ; а кровожаждущаго правосуднымъ на-
„зываетъ: такъ что нынѣ ужѐ не тѣ, кои
„елеемъ исцѣляютъ, но кои огнемъ врачуютъ,
„Римскому народу любезны„.

„Естьли же кто думаетъ, что съ умер-
„шимъ Ликаоникомъ купно и всѣ свирѣпые
„судьи померли; тотъ на сіе согласія моего
„не возъимѣетъ. Ибо въ то время во всей Им-
„періи Римской одинъ только былъ Ликаоникъ;
„а нынѣ въ каждомъ городѣ имѣется ужѐ
„ихъ по три, или по четыре. Не могу удер-
„жаться отъ слезъ, когда подумаю, что въ
„тѣ времена, поелику всѣ судьи, отправляю-
„щіе должность правосудія, были милосерды,
„Ликаоникъ за лютость и свирѣпство находил-
„ся въ величайшей славѣ; нынѣ же, поелику
„всѣ суть свирѣпы, чудовищу подобно, ежели
„одинъ обрящется судія милосердный„.

„Въ лѣто отъ созданія города второена-
„десять Ромулъ перьвый Король разослалъ ко
„всѣмъ околичнымъ народамъ грамоты, дабы
„изъ отечества изгнанные, утѣсненные, бѣд-
„ные, и убогіе всѣ собирались въ Римъ, про-
„тивъ непріятеля оборону, и въ злоключе-
„ніяхъ помощь тамо получить имѣя: о кото-

 „ромъ

„ромъ милосердіи и благоволеніи, оказывае-
„момъ отъ Ромула въ городѣ, когда разошел-
„ся слухъ по всей Италіи, большее, естьли
„должно вѣрить лѣтописцамъ, число гражданъ
„въ Римѣ за десять, нежели въ Вавилонѣ и
„Карѳагенѣ за сто лѣтъ умножилось. О боже-
„ственный Ромуловъ разумъ, который сіе вы-
„думалъ изобрѣтеніе! о преславный языкъ,
„который сіе изрекъ повелѣніе! о счастливой
„Римъ, который основаніемъ имѣлъ кротость
„и милосердіе„!

„Нѣкогда нашелъ я въ Капитольскихъ
„архивахъ многія грамоты, къ Римскому Се-
„нату и народу, коихъ заглавіе, писано бы-
„ло слѣдующими словами: Мы Король Парѳ-
„скій въ Азіи, избраннымъ Сенаторамъ въ
„Римѣ, и щастливому Римскому народу въ
„Италіи, и всѣмъ союзникамъ Сената (кои
„именемъ Римляне, и прозваніемъ милосерд-
„ные нарицаются) здравія желаемъ, и мира
„и тишины вамъ равно какъ и самимъ себѣ
„отъ боговъ просимъ. Видишь, Антигонъ,
„коль славнымъ титуломъ милосердные пред-
„ки наши Римляне назывались, и какой всѣмъ
„будущимъ Императорамъ оставили примѣръ
„милосердія! коихъ ежели иноземные варвары
„милосердными именовали; не вѣроятно, чтобъ
„они къ подданнымъ и гражданамъ своимъ
„были свирѣпы. Поелику въ тѣ времена древ-
„ніе старалися, чтобъ отъ всѣхъ быть лю-
„бимыми; а нынѣ уже судьи жесточайшимъ
„образомъ свирѣпствуютъ, чтобъ быть всѣмъ
„страшными: то ежелибъ боги воскресили

„мер-

„ мертвыхъ, и представили имъ на судъ жи-
„ выхъ; такъ разсуждаю, осудилибъ; и такъ
„ провозглашаю, провозгласилибъ, что сіи суть
„ не сыны, но непріятели; ниже расшири-
„ тели общества, но похитители и разбойни-
„ ки ихъ милосердія. Въ тритцать седьмое
„ лѣто отъ рожденія, зимовалъ я на островѣ
„ Хетимѣ, именуемомъ нынѣ Кипромъ; гдѣ
„ на малой, но стремнинной и каменистой
„ горѣ, называемой Аркадіи, родится трава
„ Флавія, изъ которой по сорваніи, какъ гово-
„ рятъ древніе люди, течетъ кровь; и ежели
„ оною теплою кого намазать, то къ любви;
„ буде же холодною, то къ ненависти и про-
„ тивъ воли возбуждаетъ: о чемъ, дабы ты
„ не сомнѣвался, я самъ опытомъ удостовѣ-
„ ренъ, когда оною кровію помазалъ человѣка,
„ который лучше желалъ оставить жизнь, не-
„ жели отложить продолжаемую ко мнѣ лю-
„ бовь. На ономъ островѣ былъ нѣкоторый
„ Царь святостію житія и милосердія досто-
„ памятный: о имени коего ни изъ писемъ,
„ ни изъ слуху не могъ я освѣдомиться: то-
„ кмо оной положенъ въ мраморномъ гробѣ,
„ поставленномъ на четырехъ столбахъ, и въ
„ окружности гроба имѣлась Греческая надпись
„ древнѣйшей работы, кромѣ прочаго сіе со-
„ держащая „:

„ Съ того времени, какъ боги жизнь мнѣ
„ даровать благоволили, сей образъ хранилъ
„ я въ правленіи отечества. Сирѣчь: во всѣхъ
„ дѣлахъ предпочиталъ любовь страху, миръ
„ войнѣ, и прошенія угрозамъ. Ежели тай-

„ное наказаніе могло уврачевать злодѣевъ, ни „когда публичная казнь не предписывала имъ „ко обузданію предѣловъ. Коихъ можно было „мнѣ строгими увѣщаніями исправить, тѣхъ „мучительными орудіями терзать вмѣнялъ „за великое беззаконіе. Никто изъ преступ„никовъ не воспріимал̃ъ явныхъ наказаній, „ежели прежде многократно тайныхъ не по„лучалъ увѣщаній. Не давалъ я воли моему „языку никакой произносить лжи, и имѣлъ „уши заключенныя словамъ вредныхъ ласка„телей. Не возжелалъ сердцемъ моимъ чу„жаго богатства; но сладко было мнѣ жить, „довольствуясь собственнымъ жребіемъ. Какъ „съ неусыпнымъ прилѣжаніемъ старался утѣ„шать любезныхъ друговъ, такъ съ немень„шимъ раченіемъ и остерегался, чтобы изъ „нихъ не сдѣлать себѣ враговъ. Никогда въ „злоупотребленіи расточительна, и никогда „въ неправедномъ похищеніи сокровищъ сре„бролюбна не была моя десница. Никто за „тяжкую вину не претерпѣлъ достойнаго на„казанія, чтобы прежде не извѣстно было „мнѣ по крайности четыре раза. И сколь „прискорбно было мнѣ дѣлать справедливое „наказаніе, столь часто радостно было даро„вать прощеніе. Но какъ я былъ смертный, „и изъ смертнаго сѣмени рожденный; то из„сохшія нынѣ тѣла моего кости грызутъ чер„ви. А что между любящими добродѣтель „жилъ добродѣтельно; въ награду за сіе ны„нѣ духъ мой съ веселіемъ торжествуетъ „между богами „.

„Какова кажется тебѣ, Антигонъ, сія „надпись? Каковъ, думаешь, былъ Государь „сей? Истинно я безъ сомнѣнія утверждаю, „что весьма славная и похвальная была жизнь „его, коей даже до сего дня безсмертная па„мять пребываетъ. Кленусь честностію мо„ею, кленусь милостію боговъ! что меньше я „Помпею въ его Еліи, Семирамидѣ въ Индіи, „Киру въ Вавилонѣ, Каію въ Галліяхъ, и Сци„піону въ Африкѣ, нежели сему единому „Кипрскому Царю въ гробѣ завидую. Ибо „сей вящшую славу тамо на жестокихъ и „стремнинныхъ горахъ нынѣ мертвой имѣ„етъ, нежели оные въ гордомъ и великолѣп„номъ Римѣ живые имѣли„.

ГЛАВА II.

М. Аврелій Императоръ продолжаетъ начатую противъ свирѣпыхъ судей рѣчь, воспоминая похвальнѣйшія слова Нерона Цесаря, и изображая предписанныя отъ Августа Императора наставленія судьѣ, имѣющему отправиться въ Дацію.

„Ниже намѣренъ я или симъ писаніемъ, „или надгробной надписи Кипрскаго Царя „изъясненіемъ предстательствовать за безза„конныхъ, что бы они должнаго за злодѣйство „и безразсудство наказанія не воспріимали: по„неже больше бы я согрѣшилъ предстатель„ствомъ, нежели они злодѣяніемъ. Ибо ихъ

„ грѣхи отъ слабости начало имѣютъ; а мой
„ отъ злобы происходилъ бы. Но въ семъ
„ случаѣ я и всѣ здравымъ разсудкомъ одарен-
„ ные суть такого мнѣнія: понеже согрѣшать
„ человѣкамъ свойственно есть отъ природы;
„ а наказывать зависитъ отъ произволенія: то
„ Министрамъ правосудія въ исполненіи онаго
„ такъ поступать должно, дабы казалось,
„ что они все отъ любви къ обществу, а не
„ отъ жадности къ мученію дѣлаютъ; почему
„ бы виновные исправлять прешедшую погрѣш-
„ ность, а не отмщать настоящую обиду,
„ имѣли причину. Платонъ въ книгахъ о обще-
„ ствѣ говоритъ: Судьи должны сіи двѣ вещи
„ всегда предъ глазами своими полагать: си-
„ рѣчь, чтобъ въ дѣланіи приговоровъ о чу-
„ жихъ имѣніяхъ, отъ сребролюбія; и въ на-
„ казаніи лицъ отъ всякой жадности мщенія
„ быть чуждыми. Ибо тѣла̀ наказывать, а
„ не духъ терзать дана власть судьямъ „.

„ Неронъ Императоръ былъ какъ въ житіи
„ пребеззаконный, такъ и въ правосудіи пре-
„ лютѣйшій. Однако, хотя несказанно былъ
„ свирѣпой, когда въ нѣкоторой день о каз-
„ няхъ двухъ разбойниковъ осужденныхъ на
„ смерть, для обыкновеннаго подписанія, ему
„ докладывали; съ воздыханіемъ вскричалъ:
„ Сколь бы желалъ я не знать грамоти, чтобъ
„ избавился отъ тягости подписыванія при-
„ говора! И по истиннѣ Неронъ, въ ономъ пун-
„ ктѣ времени, произнесши сей толь благо-
„ родный голосъ, безсмертную память заслу-
„ жилъ; однако послѣ развратностію житія

„ толь

„толь достопамятное мнѣніе вовсе уничтожилъ. Понеже къ обезчещенію многихъ изрядныхъ словъ, довольно имѣетъ силъ и одно злое дѣйствіе. Сколь многія царства и области раззорились, не такъ злодѣйствъ ради беззаконными совершаемыхъ, какъ по причинѣ лютости Министровъ во отправленіи правосудія! Ибо они думая, что прешедшія погрѣшенія строгостью и суровостью ихъ исправлены быть могутъ, произвели неслыханные соблазны и претыканія„.

„Кто и каковъ былъ Августъ Цесарь, всѣмъ извѣстно, сирѣчь, всякими добродѣтельми преукрашенный: поелику онъ былъ щедролюбивый, мужественный, великодушный, мудрый, правдолюбивый, и паче всего милосерднѣйшій. Ибо, да умолчу о другихъ дѣлахъ его, милосердія и человѣколюбія, предписалъ законъ: Чтобъ Государь смертнаго приговора своею рукою не подписывалъ, и ни на чью казнь своими глазами не смотрѣлъ: который законъ по истиннѣ былъ какъ весьма благопристойной, такъ и къ чистотѣ и непорочности Императоровъ весьма нужной. Ибо похвальнѣе кажется Государямъ защищать области своимъ мечемъ, нежели смертное опредѣленіе подписывать своимъ перомъ„.

„Оный же добродѣтельнѣйшій Императоръ Августъ въ избраніи попечителей правосудія былъ весьма осторожень, и въ предписываніи имъ формы правленія общества крайне прилѣженъ; не токмо что дѣлать,

„на-

„научая; но чего и убѣгать надлежало, увѣ-
„щавая: коего дѣла ничто лучшее вздумано
„быть не можетъ. Ибо попечители право-
„судія какъ не дѣлая того, что должно; такъ
„и дѣлая то, чего не должно, погрѣшаютъ.
„Когда же въ Капуѣ Намѣстникомъ былъ
„Скавръ, судья хотя и справедливый, но нѣ-
„сколько суровый; то Августъ намѣревая по-
„слать его въ Дацію, для правленія той про-
„винціи, между прочимъ сіе ему памяти ра-
„ди предписалъ„:

„Послику я, другъ Скавръ, изъ Капуи
„тебя удалить, и правителемъ Даціи про-
„известь вознамѣрился, гдѣ бы ты засту-
„пилъ мое мѣсто: то должно тебѣ съ край-
„нимъ прилѣжаніемъ смотрѣть, чтобъ какъ
„я честь и богатство твое возвысилъ, такъ
„и ты жизнь свою исправилъ, и въ правосу-
„діи кротчае поступалъ: ибо до сего времени
„ты какъ во отправленіи правосудія былъ
„нѣсколько суровѣе, такъ и въ житіи безраз-
„суднѣе. Естьли я увѣщеваніемъ, проше-
„ніемъ, и повелѣніемъ могу что нибудь у-
„спѣть; то перемѣни образъ твоея жизни,
„и крѣпко помни, что и достоинство и честь
„моя тебѣ отданы. Ибо ты не безъизвѣ-
„стенъ, что Римскихъ Государей достоинство
„и благосостояніе отъ того зависитъ, ежели
„поставленные ими попечители правосудія
„суть или добрые, или злые„

„Естьли ты мою волю исполнить желаешь;
„то знай, что ни достоинство мое на вѣрность, ни
„долгъ правосудія во власть твою не препоручает-

„ся

„ся для того, чтобъ ты былъ или невинныхъ
„презрителемъ, или виновныхъ мучителемъ;
„но чтобъ одною рукою подкрѣплялъ добродѣ-
„тельныхъ, дабы утвердилися; а другою
„подымалъ беззаконныхъ, дабы воспали.
„Естьли же кратчайшаго изъясненія воли
„моей желаешь; то вѣдай, что для того я
„тебя посылаю, дабы ты былъ попечите-
„лемъ сиротъ, защитникомъ вдовъ, исцѣли-
„тельнымъ пластыремъ уязвленныхъ, посо-
„хомъ и подпорою слѣпыхъ, и наконецъ от-
„цемъ всѣхъ. Напослѣдокъ, чтобъ снисходи-
„тельствуя моимъ врагамъ, другамъ ласко-
„вость оказывая, немощныхъ подкрѣпляя,
„мужественнымъ доброжелательствуя, такъ
„всѣмъ все былъ, и ни съ кѣмъ спесивѣе не-
„поступалъ, дабы слухъ милосердія и под-
„данныхъ въ послушаніи удерживалъ, и ино-
„земныхъ къ повиновенію моему привлекалъ.
„Сими словами намѣстника Скавра снабдилъ
„Августъ Цесарь, внутрь коихъ ежели кто
„вникнетъ, то увидитъ, что хотя числомъ
„немногія, но весьма важныя и полезныя
„были: и да даруетъ Богъ, чтобъ наши
„судьи на сердцахъ своихъ оныя написали„!

„Впрочемъ ты пишешь, что судьи
„отъ Сената на тотъ островъ посланные,
„не весьма честны, и отъ подозрѣнія сребро-
„любія не вовсе чужды. О бѣдное обще-
„ство, коего судьи свирѣпы, безчинны, и
„сребролюбивы! Ибо что иное лютые судьи
„дѣлать могутъ, кромѣ убивства неповин-
„ныхъ? Что корыстолюбивые, кромѣ грабле-
„нія

„ нія убогихъ? Что безчинные, кромѣ собла-
„ зненія и огорченія добродѣтельныхъ? И-
„ стинно, я говорю, что безопаснѣе такому
„ нещастному обществу въ лѣсахъ, между
„ звѣрьми жить, нежели отъ толь злонрав-
„ ныхъ и неправедныхъ судей управляему
„ быть. Ибо левъ, лютѣйшій всѣхъ звѣрей,
„ ежели на землю падетъ предъ нимъ охот-
„ никъ; не токмо къ самому ему, но и къ
„ одеждѣ его не коснется. Хотя же нещастное
„ есть общество, которое такихъ судей тер-
„ питъ; можетъ быть ты, Антигонъ, ща-
„ стливымъ почитаешь Римъ, который ихъ
„ посылаетъ! Истинно, я хуждшими призна-
„ ваю Сенаторовъ, которые ихъ послали, не-
„ жели самихъ судей, кои туда поѣхали „.

„ Огорчительно благородному сердцу итти
„ просить помощи отъ того, который ни правды
„ не любитъ, ни правосудія не наблюдаетъ. Но
„ гораздо прискорбнѣе видѣть такого судью, ко-
„ торый надѣлавши много мучительствъ, и при-
„ чинивши премногимъ бѣднымъ несмѣтное чи-
„ сло обидъ, не святостію житія, которое прово-
„ ждаетъ; но властію и преимуществомъ до-
„ стоинства, которое имѣетъ, всѣхъ испра-
„ вить старается. Министръ или судья, ко-
„ его званіе есть, всѣхъ порочныхъ наказы-
„ вать, необходимо обязанъ самъ не имѣть
„ всѣхъ пороковъ: въ противномъ случаѣ от-
„ правляющій такое званіе, насиліемъ правосу-
„ діе зло употребляетъ; а защищающій его,
„ измѣнникомъ и предателемъ общества бы-
„ ваетъ. Статься не возможно, чтобъ кто ли-

„ бо

„ бо Министерское или судейское званіе от-
„ правлялъ благочинно, ежели достоинство
„ власти между случайными, а святость жи-
„ тія между главными и перьвыми вещьми не
„ полагаетъ „.

„ Конецъ, для коего въ провинціяхъ у-
„ чреждаются судьи есть сей, чтобъ они
„ разбирали сомнительные споры; чтобъ по-
„ чинивали обетшавшія стѣны городовъ, чтобъ
„ снабдѣвали покровительствомъ и заступле-
„ ніемъ слабѣйшихъ; и чтобъ удерживали въ
„ границахъ послушанія сильнѣйшихъ. Инако-
„ же нѣтъ ни единаго толь малаго общества,
„ котороебъ не могло вора стащить на ви-
„ сѣлицу, хотя бы и никакой Ценсоръ для у-
„ чиненія суда не пріѣжжалъ изъ Рима. Сколь
„ многіе нынѣ обрѣтаются въ Римѣ судьи,
„ кои премногихъ въ одной токмо татьбѣ по-
„ иманныхъ на смерть осудили; хотя сами
„ за ограбленіе всего народа никакого наказа-
„ нія не получаютъ! Но должны таковые вѣ-
„ дать безъ сомнѣнія, что хотя наказаніе
„ продолжается; однакъ для того татьба
„ ихъ не прощается. Ибо за тѣ преступленія,
„ кои въ жизни умолчеваютъ человѣки, въ
„ смерти наконецъ отмщаютъ боги. Великая
„ обществу польза, и немалая управляющему
„ онымъ Государю слава, когда Министръ или
„ судья толь въ житіи благочиненъ, и во от-
„ правленіи правосудія набоженъ; что ни въ
„ единомъ порокѣ, за которой другихъ нака-
„ зуетъ, самъ обличенъ или обвиненъ быть
„ не можетъ. Ибо вовсе превращается чинъ

„ правосудія, когда воръ вора на висѣлицу го-
„ няетъ.

ГЛАВА 12.

М. Аврелій продолжая начатое противъ судей письмо, воспоминаетъ достойную примѣчанія рѣчь къ Сенату Римскому нѣкотораго посланника, жалующагося на судей, кои управляли его отечествомъ.

„ Въ лѣто послѣ плѣненія отъ великаго
„ Помпея Еліи, которая инако называется Іе-
„ русалимъ, семдесятъ третіе, посланъ былъ
„ отъ Римлянъ, для правленія той страны,
„ Валерій Гракхъ, мужъ въ военныхъ и граж-
„ данскихъ дѣлахъ весьма искусный, и въ
„ житіи добродѣтельный, но въ обхожденіи паче
„ мѣры суровой, и въ правосудіи жестокой.
„ Когда же Іудеяне увидѣли, что они не точію
„ подвластны Римлянамъ; но и что Римляне
„ свирѣпо съ ними поступаютъ; то возна-
„ мѣрились отправить посольство въ Римъ,
„ дабы оное донесло Сенату, коль лютое и
„ немилосердное мученіе претерпѣваетъ
„ оная область; чего ради избрали въ послан-
„ ники нѣкотораго Іудеянина лѣтами стараго,
„ сѣдиною украшеннаго, и Еврейскому, Грече-
„ скому и Латинскому языкамъ изрядно обу-
„ ченнаго. Ибо Евреяне отъ природы къ на-
„ укамъ весьма способны, а къ оружіямъ не-
„ склонны. И такъ сей Евреянинъ, пришедъ
„ изъ

„ изъ Іудеи въ Римъ, говорилъ слѣдующую
„ рѣчь въ Сенатѣ „ :

„ Понеже такъ судьбинъ вашихъ, избран-
„ ные Сенаторы и блаженной родъ, щастіе
„ восхотѣло, или, справедливѣе сказать, мы
„ отъ Бога нашего оставлены, что Іерусалимъ,
„ всѣхъ Азіатскихъ городовъ повелитель и об-
„ ладатель, и всѣхъ въ Палестинѣ Евреянъ
„ родитель нынѣ порабощенъ подъ власть и
„ данничество Римлянамъ: то сей случай ни
„ намъ ко удивленію, ни вамъ къ своевольству
„ и гордости причину подавать не долженъ.
„ Ибо чѣмъ выше суть дерева̀, тѣмъ жесто-
„ чае колеблются отъ вѣтровъ. Величайшія
„ были воинства, отъ которыхъ мы подъ пред-
„ водительствомъ Помпея покорены; но гораздо
„ вящшіе были грѣхи, за которые мы отъ
„ Бога нашего оставлены. Ибо мы Евреяне
„ имѣемъ Бога, который не подвергаетъ насъ
„ власти добраго или худаго щастія; но упра-
„ вляетъ насъ милосердіемъ и правосудіемъ.
„ И такъ желаю я, дабы вы одну вещь отъ
„ меня выслушали; которую, лучше желалъ
„ бы я, дабы вы самимъ опытомъ искусили;
„ сирѣчь: мы имѣемъ толь милосерднаго Бога,
„ что ежелибъ между пятью десятьми тыся-
„ чами беззаконныхъ, десять токмо тысячь
„ было изъ насъ добродѣтельныхъ, увидѣ-
„ либъ вы, Римляне, равнымъ образомъ, какъ
„ видѣли Египтяне, колико единъ Богъ нашъ
„ всѣхъ боговъ вашихъ силою и могуществомъ
„ превосходитъ „.

„Мы Евреяне единаго токмо Бога имѣ-
„емъ, единому покланяемся, во единаго вѣ-
„руемъ, единому буде не служимъ, служить
„однакожъ желаемъ; и естьли бы мы съ то-
„ликимъ благоговѣніемъ его почитали, чтобъ
„никогда не прогнѣвляли; толь благъ и мило-
„сердъ есть, что ни рукъ своихъ жестокости
„испытать, ни въ плѣнъ народъ нашъ от-
„вести, такъ какъ нынѣ, не попустилъ бы.
„Ни Богъ нашъ насъ обмануть, ни Писаніе
„наше ни въ единой вещи солгать не можетъ;
„сирѣчь: сколь долго мы согрѣшать не пре-
„станемъ столь долго, власти вашей пора-
„бощены пребудемъ; и доколѣ Еврейскаго Бога
„гнѣвъ продолжится, дотолѣ и держава Рим-
„ская продолжаться имѣетъ. Ибо не яко
„заслужившимъ, или яко законнымъ наслѣд-
„никамъ бѣдное царство наше Богъ вамъ
„предалъ; но дабы вы грѣховъ нашихъ были
„мучители и наказатели„.

„А какъ воля Бога нашего удовлетворит-
„ся, и гнѣвъ его укротится, и мы грѣхъ
„нашъ покаяніемъ очистимъ, и онъ окомъ
„милосердія своего на насъ призритъ; то и
„мы утраченное возвратимъ, и вы неправедно
„пріобрѣтенное погубите: и можетъ статься,
„что какъ мы нынѣ повелѣнія ваши испол-
„няемъ; такъ пріидетъ время, въ которое
„и вы намъ послушаніе приносить будете.
„Но понеже въ семъ обстоятельствѣ иное Евре-
„яне, и иное Римляне полагаютъ; слѣдова-
„тельно ни я отъ васъ привлеченъ быть не
„могу, чтобъ покланялся многимъ богамъ;

„ни

„ни въ моихъ силахъ не состоитъ принудить „васъ, чтобъ вѣровали во единаго Бога; то „возлагаю все сіе на Бога, Творца всего ве„щества, который всемогуществомъ своимъ „насъ создалъ, и благостію своею нами упра„вляетъ „.

„Но да приступлю къ причинѣ моего по„сольства; извѣстно вамъ, что даже отъ древ„нѣйшихъ вѣковъ Римъ всегда имѣлъ миръ съ „Іудеіею, и Іудеія была союзница Риму, такъ „что и мы въ войнѣ вамъ помогали, и вы въ „мирѣ насъ защищали. Хотя же нѣтъ ни„чего вожделѣннѣе всѣмъ, какъ миръ; и нѣтъ „ничего достойнѣе ненависти, какъ война; „однако мы и собственными глазами видимъ, „и отъ предковъ изъ книгъ слышимъ, что „непрерывные между человѣками были смя„тенія, и никогда не имѣлось тишины и по„коя. Ибо видимъ мы, что хотя многіе съ „воздыханіемъ желаютъ мира; гораздо одна„кожъ множайшіе упражняются въ брани. „Ежели бы вы тѣхъ, кои ненависть вашу на „насъ возбуждаютъ, отъ себя удалили; а мы „предводителямъ бунта и измѣны не вѣрили; „то ни Римъ толь свирѣпъ на Іудеію не былъ „бы, ни Іудеія толь упорною ненавистію на „Римъ не враждовала „.

„Истребленіе возмутителей тишины, най„вящшій есть знакъ и твердость мира. Ибо „часто угашаются союзы, и возбуждаются бра„ни, не столько по причинѣ пользы обѣихъ „сторонъ, сколько не искусства и безразсуд„ства ради ходатаевъ мирныхъ. Когда нѣ-

 „ко-

„ которое общество востаетъ противъ друга-
„ го; то статься не возможно, чтобъ долго-
„ временно продлились вражды, ежели хода-
„ таи мира разумны бываютъ. Естьли же
„ посредственникъ въ ходатайствованіи мира
„ больше, нежели и самый непріятель, съ ко-
„ торымъ идетъ дѣло, страстямъ сообра-
„ жается; то, по моему мнѣнію, такой боль-
„ ше ко взливанію на огонь елея, нежели ко
„ утушенію онаго воды, способствуетъ „.

„ Сказалъ я сіе, Римляне, для того что
„ по отправленіи въ ссылку Архелая, сына
„ Великаго Ирода, вы на мѣсто его прислали
„ къ намъ Помпонія, Марка, Аннія Руфа,
„ и Валерія, дабы оные были начальниками
„ и судьями нашими; кои однакожъ суть че-
„ тырмя моровыми повѣтріями и смертоно-
„ сными язвами, изъ которыхъ и самомалѣй-
„ шей къ зараженію, не токмо бѣднаго Па-
„ лестинскаго царства, но и всего Рима бы-
„ лобъ довольно „.

„ Что безобразнѣе, какъ ежели судьи къ
„ истребленію злонравія беззаконныхъ изъ Ри-
„ ма присланные сами суть изобрѣтатели но-
„ выхъ пороковъ? Что укорительнѣе правосу-
„ дію, какъ ежели судьи, коихъ юношескія
„ погрѣшности исправлять надлежалобъ, сами
„ предводительствуютъ къ беззаконію людей
„ легкомысленныхъ? Что безчестнѣе городу
„ Риму, какъ ежели тѣ, кои въ правосудіи
„ прямостію линейкѣ совсѣмъ подобны быть,
„ и всѣхъ добродѣтелей примѣры прочимъ со-
„ бою подавать долженствовали, сами суть

„ вся-

„ всякаго непотребства руководители, и всѣхъ
„ безчиній изобрѣтатели? Которое явнѣйшее
„ есть нерадѣнія вашего и лютости ихъ сви-
„ дѣтельство, какъ повсемѣстно произносимая
„ пословица въ Азіи, что Іудейскихъ воровъ
„ Римскіе воры на висѣлицу гоняютъ? Кото-
„ рая вещь превратнѣе, какъ сія, что мы
„ ужѐ презираемъ разбойниковъ, кои въ ди-
„ кихъ лѣсахъ грабятъ; ежели сравнимъ ихъ
„ съ судьями, кои внутри городскихъ стѣнъ
„ домы наши ограбляютъ „.

„ О сколь сурова была къ намъ судьба
„ въ тотъ день, въ которой мы Римское иго
„ воспріяли. Ибо мы нынѣ ужѐ не разбойни-
„ ковъ, которые насъ на путяхъ ограбляютъ;
„ не огня, который имѣнія наши пожираетъ;
„ не тиранновъ, кои брань на насъ воздви-
„ гаютъ; не Ассиріянъ, которые страну на-
„ шу опустошаютъ; не воздуха испорченнаго,
„ который повѣтріе навлекаетъ; наконецъ,
„ нижѐ самой смертоносной язвы, которая
„ жизнь у насъ отнимаетъ, боимся; но лю-
„ тыхъ судей вашихъ, которые и общество
„ наше возмущаютъ, и честь нашу похища-
„ ютъ ужасаемся. Не напрасно называю я
„ ихъ возмутителями общества. Ибо они то,
„ что говорятъ, что дѣлаютъ, и что похи-
„ щаютъ, преходя молчаніемъ, дабы вкрасть-
„ ся въ довѣренность, не о добродѣтеляхъ,
„ каковы въ старѣйшихъ обрѣтаютъ; но о по-
„ грѣшностяхъ, каковы въ юношахъ усматри-
„ ваютъ, тотчасъ возвѣщаютъ Сенату: чего,
„ поелику вы Сенаторы, здѣсь слыша, самою

„ вещію не видите; то больше тому, кото-
„ рый за три мѣсяца прежде въ область прі-
„ ѣхалъ, нежели тѣмъ, кои ужѐ тридесятой
„ годъ сидятъ на правленіи общества, вѣрите„.

„ Вы Сенаторы, избраны въ Сенатъ, яко
„ мудростію, добродѣтеліею, искусствомъ и
„ разумомъ прочихъ превосходящіе. Но въ
„ семъ мудрость ваша паче всѣхъ возсіяетъ,
„ ежели не всякому будете вѣрить. Ибо хо-
„ тя премного и весьма различные суть наро-
„ ды, кои къ вамъ приходятъ; гораздо одна-
„ кожъ вящшее есть различіе совѣтовъ и на-
„ мѣреній, кои бесѣдуя съ вами за предметъ
„ себѣ полагаютъ. Клеветникомъ сочтенъ да
„ буду, ежели не толикое судьи ваши насиль-
„ ство правосудію учинили, и не такъ благочиніе
„ развратили, что новымъ Іудейское юноше-
„ ство родамъ беззаконій научили, кои ни отъ
„ предковъ нашихъ слышаны, ни въ книгахъ
„ читаны, ни въ нашемъ вѣкѣ видѣны не бы-
„ ли. Вы Римляне, уповая на силы и на власть
„ вашу, отъ слабыхъ и немощныхъ людей
„ совѣты принимать гнушаетесь; чего ни прі-
„ ятелямъ своимъ совѣтовать не долженство-
„ вали бъ. Ибо мудрость и богатство не всегда
„ вмѣстѣ быть обыкли„.

„ За толикое число совѣтовъ, кои Іудеяне
„ отъ Римлянъ воспріяли, нынѣ сей Римляне отъ
„ Іудеянъ да пріймутъ: сирѣчь, что премногія
„ царства, кои полководцы ваши кровь проливая,
„ стяжали; судьямъ вашимъ не кровь сурово про-
„ ливая, но побѣжденныхъ сердца милосердно
„ къ себѣ привлекая, сохранять должно. Со-

„вѣтуя, повелѣвая, прося, и увѣщевая, Рим-
„ляне, судей, коимъ вручаете правленіе ино-
„земныхъ областей, побуждайте, дабы они
„паче мысли къ пользѣ царства напряжен-
„ныя, нежели рукѝ умноженіемъ сокровища
„вашего объятыя имѣли: ибо въ противномъ
„случаѣ они тѣмъ, отъ коихъ посылаются,
„безславіе; а тѣмъ, коими управляютъ, поги-
„бель пріобрящутъ. Не иной ради причины
„судьямъ вашимъ и въ справедливыхъ дѣлахъ,
„послушаніе не приносится; какъ для той,
„что они прежде много неправедныхъ повелѣ-
„вали. Праведныя повелѣнія кроткими серд-
„ца̀ дѣлаютъ; а неправедныя смиренныхъ и
„кроткихъ человѣковъ въ свирѣпыхъ и жесто-
„кихъ превращаютъ. Толь жадна человѣче-
„ская злоба повелѣвать, и толь тягостна
„имъ необходимость повелѣнно исполнять,
„что мы и благосклонно повелѣвающимъ, со
„злобою и лютостію повинуемся. Естьлижъ
„сіе такъ есть; то для чего мы свирѣпо на-
„ми повелѣвающимъ; усердно повиноваться
„желаемъ„?

„Въ одномъ повѣрьте мнѣ, Римляне,
„безъ сомнѣнія; сирѣчь, что премногое въ
„судьяхъ легкомысліе, и недостаточная зрѣ-
„лость ума; малой въ подданныхъ страхъ,
„и премногое безстыдство и упорство родили.
„Всякой Государь, судейское званіе тому, ко-
„его къ должности оной неспособнымъ ви-
„дитъ, опредѣляющій не для того, яко бы
„онъ былъ ко отправленію правосудія доволь-
„но разуменъ; но понеже ко умноженію сокро-

„ вищѣ и доходовѣ искусенѣ; пусть извѣстнѣйше вѣдаетѣ, что вѣ самое то время, онѣ ниже думаетѣ, или опасается, чести своей повреждение, довѣренности утрату, богатства умаленіе и дому своего какимѣ нибудь знатнымѣ порокомѣ обезславленіе узритѣ „.

„ А поелику и о другихѣ дѣлахѣ еще остается говорить приватно; то вѣ заключеніе всего сказаннаго публично, сію рѣчи моей печать полагаю: Ежели царство наше, коего ради вы множайшія бѣдствія претерпѣли, сохранить желаете; то дѣлайте намѣ цѣлое и безпристрастное правосудіе, и мы должное вамѣ будемѣ отдавать почитаніе; повелѣвайте какѣ Римляне, и мы станемѣ вамѣ повиноваться какѣ Евреяне; дайте намѣ милосерднаго правителя, и будете спокойное имѣть все царство „.

„ Наконецѣ, ежели вѣ наказываніи погрѣшеній нашея слабости не будете жестоки; мы предписаніямѣ вашимѣ будемѣ послушнѣйшіе. Прежде нежели прикажете нами повелѣвать, удостойте насѣ просить и увѣщевать. Ибо не гордымѣ повелѣваніемѣ, но ласковымѣ прошеніемѣ любовь вѣ насѣ, какову родители вѣ дѣтяхѣ; а не вѣроломство, каково господствующіе вѣ рабахѣ своихѣ обыкновенно находятѣ, обрящете „.

ГЛАВА

ГЛАВА 13.

М. Амврелий заключая письмо противъ свирѣпыхъ судей, между прочимъ воспоминаетъ приключеніе Царя Бокха, и слова̀, которыя дѣдъ его сказалъ въ Сенатѣ.

„Когда говорилъ сіе оный Евреянинъ; то „не безъ величайшаго удивленія слушаемъ былъ „отъ всего Сената. О Римъ, неимѣющій ни„жѐ слѣда древняго Рима! что иное ты, кро„мѣ стѣнъ, нынѣ имѣешь, сдѣлавшись жи„лищемъ беззаконій? До чего ты дошелъ, „вопрошаю, когда чужеземецъ тебя посрамилъ, „и среди Сената гражданами твоими тебя „укорилъ? Древняя говорится пословица, что „за поврежденіемъ нравовъ слѣдуетъ утрата „вольности: чему свидѣтель есть Римъ. Ибо „къ Римлянамъ, кои прежде въ иноземныя „области для отмщенія обидъ своихъ ходили, „нынѣ изъ чужихъ странъ для посрамленія и „укоренія въ собственномъ ихъ домѣ прихо„дятъ. Ежелижъ въ самомъ городѣ такой „упадокъ правосудіе претерпѣло; то какимъ „мнится тебѣ, я оной тамо быть призна„ваю? Скажи мнѣ, Антигонъ, откуду, ду„маешь, толикія нынѣ въ народѣ происхо„дятъ беззаконія, и толикія въ правосудіи „неустройства? Я, естьли ты паче чаянія „неизвѣстенъ, и буде только выслушать же„лаешь, изъясню. Сирѣчь: такой въ дѣлахъ „порядокъ безъ всякаго порядка наблюдается;

„ что Государевы други ласкательствами склоняя,
„ а Государь не сопротивляясь; они обманывая,
„ а сей въ обманъ себя давая; они чрезъ сребролю-
„ біе, а сей чрезъ неискусство тѣмъ, у коихъ над-
„ лежало отнять, даютъ; и коимъ не надлѣжало
„ дать, у тѣхъ отнимаютъ: тѣхъ, отъ коихъ
„ обесчещаются, почтеніемъ снабдѣваютъ;
„ и тѣхъ, отъ коихъ почитаются, обесчеща-
„ ютъ: съ правосудными жестоко, и съ коры-
„ столюбивыми ласково поступаютъ; искусныхъ
„ презираютъ, и лукавымъ себя ввѣряютъ;
„ наконецъ, не достоинствамъ ли́ца, но лицамъ
„ достинства промышляютъ „.

„ Но послушай, Антигонъ, что я далѣе
„ говорить буду. Какъ только нещастные судьи
„ увидятъ, что они возведены на честь, или
„ украшены должностьми, коихъ во́все недостой-
„ ны были, и что гораздо большую силу и важ-
„ ность имѣетъ, достоиство званія, нежели
„ заслуга ихъ: то тотчасъ жестокостью суда
„ и казней страшными себя дѣлаютъ, бѣдныхъ
„ потъ употребляя во зло, за властителей се-
„ бя вмѣняютъ; недостатокъ разума злобою
„ наполняютъ; и, всего хуже, собственною
„ пользою чужую справедливость размѣряютъ „.

„ Кромѣ того сіи лютые судьи, усмотря,
„ что они вошли во внутренность различныхъ
„ дѣлъ, и за неимѣніемъ веслъ знанія, пару-
„ совъ разума, и якорей искусства, не могутъ
„ легкихъ вредностей врачевать; другія тяж-
„ чайщія возбуждаютъ и единственно для
„ приватной пользы публичную тишину воз-
„ мущаютъ; наконецъ, собственной вредъ о-
„ пла-

„ плакивая, о чужемъ благополучіи сокрушают-
„ ся. И по истиннѣ ничто справедливѣе быть
„ не можетъ, какъ сіе, дабы запутавшіеся въ
„ безполезныхъ себѣ должностяхъ, и противъ
„ воли собственные вредности претерпѣвали;
„ и такимъ образомъ одни за допущеніе къ
„ онымъ безславія, а другіе за усильное и-
„ сканіе погибель въ награду получали „.

„ Сверхъ того таковыхъ судей начáла,
„ бываютъ гордость и тщеславіе; средины,
„ зависть и злоба; концы, смерть и пагуба.
„ Ибо, гдѣ сухіе суть корни, тамъ никогда не-
„ будутъ зеленые листы. И для того въ семъ
„ случаѣ я не совѣтовалъ бы, таковыхъ судей
„ или Государямъ въ число друговъ прини-
„ мать, или Царскимъ другамъ въ покро-
„ вительствѣ содержать; но яко вредныхъ
„ публичному благу не токмо изъ общества,
„ но и изъ самой жизни истреблять. Подлин-
„ но, величайшее есть тѣхъ, кои въ Сенатѣ
„ чиновъ судейскихъ чрезъ холатаевъ ищутъ,
„ безстыдство; но гораздо вящшее есть Цар-
„ скихъ друговъ, которые или помогаютъ и
„ снисходительствуютъ, безразсудство и про-
„ дерзность; и мы о обоихъ можемъ под-
„ твердить, что они ни Божіимъ страхомъ
„ не отвлекаются, ни Царскимъ не обуздыва-
„ ются; ни стыдомъ не воспящаются; ни отъ
„ общества не удерживаются; наконецъ, ни
„ повелѣнію разума не повинуются, и ни
„ какимъ закономъ не укрощаются „.

„ Но буде выслушать желаешь, я изъ-
„ ясню порядокъ, которой въ распредѣленіи

„ чи-

„ чиновъ Сенаторы наблюдаютъ. Они инако
„ даютъ другамъ, аки мзду доброхотства;
„ инако рабамъ, аки цѣну услуги; и наконецъ
„ инако вседневнымъ просителямъ: токмо
„ чтобъ избавиться отъ скучныхъ побужденій
„ и обеспокоиствій. И такъ весьма мало
„ остается должностей, кои добродѣтель-
„ нымъ за единое преимущество добродѣтели
„ вручаются. Но вѣдай, другъ мой Антигонъ,
„ что для сохраненія чести го́рода, и добра-
„ го управленія общества, какое судіи къ
„ испрошенію отъ Сената чиновъ прилѣжаніе
„ употребляютъ; такое Сенаторы къ сниска-
„ нію добродѣтельныхъ мужей, коимъ бы тѣ
„ чины дать надлежало, стараніе прилагать
„ долженствуютъ. Ибо судейское званіе не
„ наиприлѣжнѣйше просящему; но наилучше за-
„ служивающему давать надлежитъ „.

„ Въ лѣто отъ созданія го́рода шесть сотъ
„ сорокъ второе, когда Римской народъ многія
„ въ одно и то же время по всей вселенной,
„ какъ то съ Ѳракіанами подъ предводитель-
„ ствомъ К. Целія, съ Сардійцами чрезъ Кн.
„ Карбона, его брата, съ Цимбрами чрезъ Іу-
„ нія Силана, съ Датчанами чрезъ М. Мину-
„ тія Руфа, съ Македонянами чрезъ Сервилія
„ Цепіона, и съ Нумидійскимъ Царемъ Югур-
„ ѳою чрезъ Марія Консула, полководцовъ про-
„ изводилъ брани; то сія послѣдняя война
„ прочихъ была и знаменитѣе и труднѣе. Ибо
„ хотя городъ многочисленное воинство для
„ покоренія Югурѳы содержалъ; однако Югур-
„ ѳа внутри го́рода великихъ друговъ на свою

„ спра-

„ страну склонилъ. Былъ тогда Мавритан-
„ скимъ Королемъ Бокхъ, другъ Югурѳинъ,
„ коего стараніемъ послѣ Югурѳа отъ Марія
„ побѣжденъ, и плѣненъ. Сихъ обоихъ Царей
„ Марій Консулъ привелъ въ Римъ, и торже-
„ ствовалъ надъ ними, гдѣ оные шествуя
„ предъ торжественною колесницею пѣши, имѣ-
„ ли шеи окованныя цѣпями, и проливали изъ
„ глазъ слёзы ручьями: который толь нещаст-
„ ный жребій какъ смотрящихъ гражданъ пре-
„ клонилъ къ слезамъ, такъ и слышащихъ
„ чужеземцовъ возбудилъ къ сожалѣнію „.

„ По прошествіи же тріумѳа опредѣлено
„ Сенатомъ, чтобъ въ ту ночь Югурѳѣ от-
„ сѣчь голову, а Бокха, хотя и съ лишеніемъ
„ царства, даровать жизнію; и сіе для той
„ причины, поелику Римляне ужè отъ мно-
„ гихъ предъ тѣмъ временъ обыкновеніе имѣ-
„ ли, чтобъ никого не наказывать смертію, не
„ посмотрѣвъ наиприлѣжнѣйше въ древнія
„ книги, сирѣчь для познанія, не оказалъ ли
„ кто изъ предковъ его городу знатнаго бла-
„ годѣянія, въ возблагодарность бы коего тотъ
„ бѣдной ихъ дарованъ былъ жизнію. Впро-
„ чемъ, нашли въ нѣкоторой книгѣ, храня-
„ щейся въ Капитоліи, что Бокховъ дѣдъ
„ былъ премудрѣйшій мужъ, и величайшій
„ другъ Римскаго народа; который пришедши
„ нѣкогда въ Римъ, многія въ Сенатѣ гово-
„ рилъ рѣчи, и кромѣ прочихъ достопамят-
„ ныхъ мнѣній, сіи во ономъ произнесъ сло-
„ ва „:

„Горе тому царству, гдѣ такъ живутъ,
„что ни отъ злыхъ добрые, ни отъ доб-
„рыхъ злые не распознаются „!

„Горе царству, которое всѣмъ невѣжамъ
„даетъ жилище, и всѣхъ мудрыхъ и ученыхъ
„людей посылаетъ въ изгнаніе „!

„Горе царству, гдѣ добрые боязливы, а
„злые продерзски бываютъ „!

„Горе царству, гдѣ миролюбивые въ презрѣ-
„ніи; а мятежные въ милости содержатся „!

„Горе царству, гдѣ пекущихся о его
„пользѣ убиваютъ; а старающихся о его
„вредѣ вѣнчаютъ „!

„Горе царству, гдѣ убогимъ гордыми; а
„богатымъ тираннами быть вольно „!

„Горе царству, гдѣ всѣ познаютъ зло,
„и никто не смѣетъ приниматься за добро!

„Горе царству, гдѣ толь мерзскія беззаконія
„совершаютъ явно, что въ другихъ никто
„не отваживается дѣлать ихъ и тайно „!

„Горе царству, гдѣ все, чего ни пожелается,
„ищутъ; чего ни ищутъ, достигаютъ; что ни
„вредное есть, помышляютъ; что ни помышля-
„ютъ, говорятъ; что ни говорятъ, могутъ;
„что ни могутъ, отваживаются; и наконецъ,
„что ни отваживаются, самимъ дѣломъ присту-
„паютъ: и при всемъ томъ нѣтъ ни одного до-
„бродѣтельнаго мужа, который бы имъ воспро-
„тивился! Сего толь бѣднаго царства, или толь
„нещастнаго народа всякъ пусть опасается
„быть гражданиномъ. Ибо вскорѣ или гнѣвъ
„боговъ, или ярость человѣковъ на него воста-
„нетъ; такъ что или вовсе лишится добродѣ-

„тель-

„ тельныхЪ мужей; или подвергнется вла-
„ сти свирѣпыхЪ тиранновЪ. Заключались вЪ
„ той рѣчи и другія многія слова, которыя
„ намѣренію моего письма не способствуютЪ.
„ Но кажется мнѣ, что весьма справедливо
„ было внуку даровать прощеніе заслугЪ ради
„ толь мудраго дѣда „.

„ Сіе письмо всѣмЪ МинистрамЪ и судьямЪ
„ вЪ Сициліи прочти; и когда прочтешь оное,
„ то предваривЪ напередЪ ихЪ тайнымЪ увѣща-
„ ніемЪ, обЪяви, что ежели они себя не исправятЪ,
„ мы публично ихЪ наказывать не оставимЪ „.

„ Что касается до твоей ссылки, я уже
„ прежде сего чрезЪ письмо обѣщалЪ тебѣ мое
„ вспоможеніе; и ты будь увѣренЪ, что я
„ для наслажденія прежнею дружбою, и ис-
„ полненія даннаго слова, не пощажу и самыя
„ жизни. П. Анкцію Секретарю моему пишу,
„ чтобЪ выдалЪ тебѣ, для облегченія убоже-
„ ства, двѣ тысячи червонныхЪ; и настоящее
„ письмо кЪ тебѣ посылаю, для утѣшенія
„ твоей печали. ВпрочемЪ, любезный Ан-
„ тигонЪ, желаю, дабы ты успокоился вЪ
„ благоволеніи боговЪ; тѣмЪ, что имѣешь,
„ наслаждался сЪ пріятностію, жилЪ отЪ
„ всѣхЪ досадЪ и горестей вЪ свободѣ; и веселил-
„ ся доброхотствомЪ друговЪ; а я избавленЪ
„ былЪ отЪ тѣлесныхЪ болѣзней, свирѣпыхЪ
„ враговЪ, и жестокой судьбины. ОтЪ Руфы
„ жены твоей Фавстину, которая нелицемѣр-
„ но ей доброжелательствуетЪ, супругу мою
„ я, сЪ равною нелицемѣрностію тебѣ до-
„ брожелательствующій, поздравилЪ; и за по-

„ клонЪ,

„ клонъ, принятой нами отъ тебя съ край-
„ нею радостію, обое благодареніемъ взаимно
„ отдаемъ наше почтеніе. Но престаю, не
„ преставая между тѣмъ желать, дабы ты
„ въ Италію; а лихорадка моя въ Сицилію
„ какъ наискоряе переселились. Прости„!

ГЛАВА 14.

Авторъ совѣтуетъ державнымъ Государямъ и Князьямъ, стараться о мирѣ, и убѣгать причинъ войны.

Отъ всѣхъ единогласно похваляется Октавій Августъ, вторый Императоръ Римскій, поелику толь былъ собою добродѣтеленъ, и толь въ Римской Имперіи любенъ, что по свидѣтельству Светонія Транквилла въ 59 главѣ, нѣкоторые изъ гражданъ умирая благодарили боговъ, что Августа въ живыхъ оставили; и сверьхъ того завѣщаніями предписали, дабы наслѣдники и дѣти ихъ ежегодно въ Капитолію отвозили жертвы неся предъ ними титулъ Августовъ, и молили боговъ о продолженіи жизни Государю. Сей то вѣкъ золотымъ, и сія земля счастливою могли назваться, когда Государь общество свое любилъ, и вопреки общество своего Государя едва не обожало. Ибо весьма рѣдко случается, чтобъ или одному всѣхъ услуги удовлетворили, или всѣмъ единаго правленіе понравилось.

Ниже

Ниже для другой причины Римляне паче добродѣтельнѣйшему Государю, нежели самимъ себѣ долговременной жизни желали, какъ точію, что онъ въ мирѣ и тишинѣ сохранялъ общество. Какъ же весьма похвальна есть добродѣтель Августа Цесаря; такъ не меньше достойна похвалы благодарность и доброхотство народа; поелику и оной столько заслужилъ, и сей къ заслужившему столь благодаренъ былъ. Ибо, естьли правду сказать, желаемъ, весьма рѣдкихъ найдешь, кои бы столь нѣжно и искренно другихъ любили, чтобъ любви ради ихъ, самихъ себя ненавидѣли. Нѣтъ ни одного столь подлаго человѣка, которой бы въ дѣлахъ касающихся до чести, всѣхъ предварить не желалъ: чего въ смерти не бываетъ, гдѣ каждый желалъ бы быть послѣднимъ: что оттуду явственно, понеже естьли въ нынѣшнее время Государь, или отецъ, или мать, или мужъ, или жена, или сынъ, или ближній родственникъ, или сосѣдъ умираетъ; всякъ чужую смерть великодушно сноситъ, ежели только собственная жизнь въ нерушимости пребываетъ. Подлинно, Государя кроткаго, терпѣливаго, великодушнаго, трезваго, цѣломудреннаго, благочиннаго, истиннаго и правосуднаго, любить, весьма справедливо: но ни кому иному вящшая и чувствительнѣйшая не дѣлается обида, какъ Государю, который въ цѣлости и нерушимости сохраняетъ общества своего тишину и миръ, ежели всѣ единодушно о продолженіи жизни его не возсылаютъ къ Богу моленій.

Что добраго можетъ имѣть общество, которое междоусобія и брани имѣетъ? Пусть всякъ говоритъ то, что хощетъ; а я утверждаю, что безъ мира никто богатствомъ своимъ наслаждаться, никто безпрепятственно вкушать пищу, никто спокойно почивать, никто безопасно путешествовать, и никто надежно сосѣду вѣрить не можетъ: словомъ, сколь долго нѣтъ тишины и мира, всякой день угрожаетъ намъ смертію, и всякой часъ кажется послѣднимъ нашея жизни.

Полезно есть, что Государь отъ разбойниковъ царства свои очищаетъ: ибо нѣтъ ничего неправеднѣе, какъ празднощатающимся убожить и наслаждаться трудомъ и потомъ убогихъ. Славно есть, что Государь клеветниковъ истребляетъ: ибо весьма неправедно тѣмъ отваживаться безчестить Царя небеснаго, которые не дерзаютъ оскорбить языкомъ своимъ и Царя земнаго. Похвально есть, что Государь изъ общества картежниковъ и игроковъ удаляетъ: ибо игра есть на подобіе вредительнѣйшей моли, которая и новую одежду изгрызаетъ и сухія бревна изъѣдаетъ. Полезно есть, что Государь изъ царствъ своихъ безмѣрную роскошность пированій, и чрезвычайную великолѣпность одеждъ искореняетъ: ибо люди много на ненужныя вещи расточая, до того доходятъ, что и на необходимыя нужды лишаются иждивенія. Но вопрошаю, какая польза, что Государь всѣ пороки изъ общества своего истребляетъ; ежели напротивъ того имѣетъ оное въ войнахъ запутаннымъ.

Цар-

Царскаго званія конецъ есть, слѣдовать добру, и уклоняться отъ зла. Но во время войны Государи ни пороковъ искоренять, ни порочныхъ воздерживать не могутъ.

О естьли бы разумѣли державные Государи и Князи, коликую они тучу бѣдствій и себѣ, и своимъ домамъ привлекаютъ въ тотъ день, въ которой поднимаютъ брани! Вѣрю, и смѣло утверждаю, что не токмо отъ начинанія ихъ воздержались бы, но и ни единому другу своему объ оныхъ воспоминать не позволялибъ; и ежели бы кто противное совѣтовалъ, съ тѣмъ по всякой справедливости, аки съ смертельнымъ непріятелемъ поступили бы. Тѣ, кои Государямъ совѣтуютъ искать, любить и хранить миръ, величайшую обиду претерпѣваютъ, ежели отъ оныхъ слушаніе, благосклонность и довѣренность имъ не выражается. Ибо совѣтникъ, который изъ маловажной причины всчинать войну совѣтуетъ Государю, по моему разсужденію, или свирѣпствомъ изобилуетъ, или совѣсти не имѣетъ.

Случается иногда, что Государь распаляется гнѣвомъ, и смущается сердцемъ, получа извѣстіе о отложеніи нѣкоторой провинціи, или о нападеніи на свою область другаго Государя: о чемъ когда онъ собираетъ совѣтъ, нѣкоторые совѣтники суть толь безразсудны, что такъ легко даютъ голосъ о немедленномъ разрушеніи мира; какъ легко другіе дали бы оной о окончаніи войны. Чего ради, естьли такъ случай позоветъ, что Го-

сударь востребуетъ незапнаго совѣта; не должно давать ему скоропостижнаго отвѣта. Ибо военныя дѣла съ крайнею осторожностію разсматривать, и съ прилѣжнѣйшимъ разсужденіемъ ограничивать должно.

Давидъ, по истиннѣ премудрый Царь, никогда не всчиналъ войны, пока прежде не пригласилъ въ совѣтъ Бога. Іуда Маккавей никогда не вступалъ въ сраженіе, пока прежде усердными молитвами не призвалъ Бога на помощь. Грекамъ и Римлянамъ никогда не было воли воевать съ непріятелями, пока прежде богамъ не заклали жертвъ, и не испросили совѣта отъ Оракуловъ и Пророковъ. Что до дѣлъ правосудія, увеселеній Государя, награжденія добродѣтельныхъ, наказанія беззаконныхъ, и изливанія щедротъ касается; оныя Государь нѣкоторому другу сообщать волю имѣетъ, но о дѣлахъ военныхъ прежде съ Богомъ, нежели съ другимъ кѣмъ либо совѣтоваться, и основаніе полагать долженствуетъ. Ибо никогда не одержитъ Государь совершенной побѣды надъ непріятельми, ежели прежде не принесетъ въ десницу Божію жалобы о своей обидѣ.

Тѣ, коихъ Государь совѣтуется въ дѣлахъ войны и мира, сіе правило пусть въ памяти всегда содержатъ, чтобъ такіе, когда находятся въ его чертогѣ, совѣты ему давали, какіе бы въ томъ страшномъ часу подали, когда бы послѣдней необходимости законамъ въ присутствіи быть чаяли. Ибо въ томъ послѣдній пунктъ времени, или ласкатель-

тельства произносить, или совѣсть обременять, есть крайнее беззаконіе. Когда разсуждается о войнѣ, то всякъ, присутствующій въ совѣтѣ, помышлять долженъ, что естьли послѣдуетъ неудача, или падетъ Государь; все бремя вредностей будетъ лѣжать на ихъ совѣсти; и ежели не достанетъ у нихъ богатства, коимъ бы могли удовлетворить; то имѣютъ бѣдную душу, которая все оное понесетъ. Такъ каждому надлежитъ любить миръ, и ненавидѣть войну, что, по моему мнѣнію, какое пріуготовленіе въ совѣсти своей дѣлаетъ Священникъ, имѣя отправлять божественную службу; такое всякъ въ совѣтѣ имѣющій предлагать голосъ о войнѣ, дѣлать долженствуетъ.

Что Государи, понеже суть человѣки, обиды по человѣчеству не терпятъ, и отмщать желаютъ, не дивно. Но сей ради причины пускай употребляютъ въ совѣтъ разумныхъ мужей, дабы волнованіе сéрдца ихъ унимали, и гнѣвъ укрощали. Ибо совѣтники никогда раздраженнымъ Государямъ не должны совѣтовать того, о чемъ они по утишеніи сéрдца справедливо сожалѣть могутъ.

Но да совершимъ предметъ нашъ воспоминаніемъ пользъ, которыя съ утратою мира, погубляются; и вредностей, которыя съ началомъ войны умножаются; по моему разсужденію, кромѣ прочихъ вредностей черезъ чуръ довольно можетъ быть и сего зла, что во время войны всѣ добродѣтели изъ отечества вонъ выгоняются, и всѣ богатства на

 оцѣн-

оцѣнку и продажу выставляются. Ибо главное и всеобщее есть сіе правило, что какъ только начнется война противъ непріятелей; тотчасъ пороки всѣхъ подданныхъ обременяютъ. Сколь долго Великіе Государи и Князи войну производятъ, хотя царствъ своихъ обладатели суть по закону; однако не суть по самому дѣлу: поелику въ то время больше властители трудятся, чтобъ рабовъ; нежели рабы, чтобъ властителей удовольствовать: дѣлая сіе для того, дабы отъ нихъ противъ непріятелей вспоможеніе, и денегъ заимообразное взиманіе получить могли. Государи въ обладаніи самими собою или похотѣніямъ чувствъ, или предводительству разума слѣдуютъ. Естьли желаютъ слѣдовать разуму; то много остается у нихъ избытковъ: естьлижъ желаютъ слѣдовать по хотѣнію чувствъ, то нѣтъ ничего, чтобы имъ удовлетворило. Ибо какъ воды изъ моря вычерпать не возможно; такъ равнымъ образомъ и всѣ сердечныя вожделѣнія исполнить трудно.

Ежели Государи воздвигаютъ брань для того, что изъ области ихъ нѣкоторая земля отнята, чего они безъ поврежденія совѣсти въ небреженіи оставить не могутъ; то пусть смотрятъ, дабы оная совѣсть ихъ не была погрѣшительна. Ибо нѣтъ ни единой въ свѣтѣ толь справедливой войны, чтобы изъ оной Государи не стяжевали нѣкотораго отягощенія совѣсти.

Ежели Государи всчинаютъ войну для единственнаго разширенія области и державы своея;

своея; то пусть вѣдаютъ, что надежда сія весьма тщетна. Ибо по большой части такъ утрачаются и истощаются единою войною, что послѣ чрезъ всю жизнь убытка наградить не могутъ.

Ежели Государи поднимаютъ войну для отмщенія нѣкоторой обиды; и сіе есть излишнее. Ибо многіе шествуютъ на брань, будучи токмо единою вещію оскорблены, и оттуда назадъ возвращаются уже многими уязвлены.

Ежели Государи воздвигаютъ брань токмо для снисканія чести; то и сей трудъ, по моему мнѣнію, есть безполезенъ. Ибо не столь надежна кажется мнѣ фортуна, чтобъ въ руки ея честь, богатство и жизнь ввѣрять надлежало.

Ежели Государи воздвигаютъ брань, для оставленія по себѣ будущимъ вѣкамъ нѣкоторой памяти; то не меньше сіе, какъ и оное, кажется мнѣ суетно. Ибо ежели вникнувъ въ Исторіи прешедшаго вѣка, оныя разсмотримъ и уважимъ; то гораздо множайшіе Государи изъ начатыхъ браней безславіе, нежели изъ полученныхъ побѣдъ славу себѣ стяжали.

Ежели Государь подниметъ войну, думая, что множайшими утѣхами и увеселеніями чужая, нежели своя земля изобилуетъ; то, по моему разсужденію, сіе помышленіе отъ недостатка искусства, а еще гораздо больше совѣсти происходитъ. Ибо нѣтъ ничего или срамнѣе или безбожнѣе Государю, какъ ежели

онъ для погруженія себя въ большемъ количествѣ пороковъ и роскошей воздвигаетъ брань на чужія царства.

Пусть не обманываются Государи, помышляя, что другія страны множайшими, нежели свои, вещьми изобилуютъ. Ибо даже до днесь нѣтъ ни единой земли, и ни единаго народа, гдѣ бы не имѣлось зимы и лѣта, ночи и дня, здоровыхъ и больныхъ, богатыхъ и убогихъ, печальныхъ и веселыхъ, друговъ и непріятелей, пороковъ и добродѣтелей, живыхъ и мертвыхъ: словомъ, я утверждаю, что въ цѣломъ свѣтѣ вездѣ все тоже; а однѣ токмо человѣческія склонности суть различны.

Желалъ бы я спросить державныхъ Государей и Князей, кои въ роскошахъ погружаться желаютъ, чего имъ въ царствахъ своихъ хотя бы и малыхъ, не достаетъ. Естьли желаютъ забавляться охотою, имѣютъ лѣса и горы: естьли желаютъ тѣшиться рыболовствомъ, имѣютъ рѣки и пруды; естьли желаютъ прохаживаться, имѣютъ берега; естьли желаютъ прохлаждаться, имѣютъ бани; естьли желаютъ увеселять сердце, имѣютъ музыкантовъ; естьли убираться, имѣютъ драгоцѣнныя одежды; естьли желаютъ изливать щедроты, имѣютъ сокровища, естьли желаютъ утолить похоть, имѣютъ женъ; естьли желаютъ пріятно прогуливаться, имѣютъ сады, аллеи и рощи; естьли упрѣваютъ отъ зноя, имѣютъ холодныя земли; естьли озябаютъ отъ стужи, имѣютъ теплыя страны; есть-

естьли желают вкушать пищу, конечно можетъ быть не имѣютъ трапезъ! Когда же все сіе кто съ миромъ имѣетъ въ собственной державѣ; то для чего съ войною идетъ искать того въ чужей области?

Часто человѣки изъ одной страны въ другую переѣжжаютъ не для того, чтобъ свободнѣе могли упражняться въ благочестномъ щедролюбіи или другихъ добродѣтеляхъ; но чтобъ вящшую имѣли вольность и способность погружаться въ порокахъ: коимъ послѣ такъ противу желанія все происходитъ, что ни стенаніями о томъ, что оставили; ни слезами о томъ, чего искали, не насыщаются. Толь рѣдкія суть вещи, кои совершенную въ семъ свѣтѣ подаютъ пріятность, что ежели кто гдѣ нибудь по случаю нѣкоторую вещь для своего увеселенія и найдетъ; должно опасаться ему, дабы проклятый демонъ обольщая не всѣялъ въ него мыслей, что онъ въ другомъ мѣстѣ еще радостнѣе и пріятнѣе жить имѣетъ. Ибо по всюду, гдѣ мы ни обращаемся, толикой есть недостатокъ увеселеній, и толикое изобиліе досадъ и огорченій, что утѣхъ, едва изо ста на одинъ годъ, а печалей и терзаній и на тысячу лѣтъ вездѣ обрѣтаемъ.

ГЛАВА 15.

Авторъ изъясняетъ выгодности мира, и показываетъ, какимъ образомъ многіе Государи изъ маловажнѣйшихъ причинъ жесточайшія воздвигали брани.

„Когда Тимонъ, древнѣйшій Понтскій „Царь, Философа, который при немъ находил„ся, спросилъ: поелику онъ здравіе, честь „и богатство имѣетъ, то естьли какая вещь, „которой бы ему сверьхъ того между человѣка„ми желать, или отъ боговъ въ сей жизни „просить оставалось? Отвѣтствовалъ Фило„софъ: истинно, я чего никогда не видалъ, „нынѣ вижу; и чего никогда не читалъ, „нынѣ слышу. Ибо здравіе, богатства и „честь весьма рѣдко одному отъ боговъ дают„ся; и естьли иногда сіи вещи въ нѣкоторыхъ „человѣкахъ купно сопрягаются, толь краткое „есть ихъ владѣніе, что оные справедливѣй„шую плакать, что лишились; нежели хва„литься, что ими владѣли, причину имѣ„ютъ. Я еще въ дополненіе сего говорю; „мало пользы, пресвѣтлѣйшій Царь, что все „сіе боги тебѣ даровали; ежели не даютъ, „чтобъ ты тѣмъ былъ доволенъ: чего, упо„вательно, они тебѣ ни дали, ниже дать „имѣютъ. Ибо въ раздѣленіи толь суть „справедливы и равновѣсны боги, что коимъ „даруютъ довольное своимъ сердце, тѣмъ „не даютъ богатства; и коимъ даруютъ бо-

„гат-

„ гатство, тѣмъ не даютъ довольнаго своимъ
„ сердца „. Сіе повѣствуетъ Плутархъ въ первой книгѣ политическихъ или гражданскихъ дѣлъ, не изображая имени Философа.

Особливое благодѣяніе и щедроту Богъ являетъ Великимъ Монархамъ и Князьямъ, даруя имъ здравіе, даруя честь: но ежели купно не даровалъ довольнаго своимъ се́рдца; я говорю, что съ дарованіемъ оныхъ, далъ имъ трудъ и бѣдствія. Ибо хотя большій есть трудъ убогаго, безконечно однакожъ вящшая есть тоска и скука богатаго, нежели убогаго. Понеже человѣки ни во что вмѣняютъ здравіе; то впадаютъ въ болѣзни: поелику презираютъ богатство; то впадаютъ въ нищету: и понеже не разумѣютъ, что есть честь; то доходятъ до того, что дѣлаются безчестными. Равнымъ образомъ неспокойные Государи дотолѣ не престаютъ гнушаться миромъ, доколѣ не возвратятся уязвлены бранію.

Вы, Государи, въ тотъ самой день, въ которой назначенную противъ непріятелей войну публично обнародывать повелѣваете; всѣмъ подданнымъ злонравными быть даете волю. Естьли же скажете, что вы во́все не желаете, дабы они были злонравными; соглашаюсь: но однакожъ даете имъ поводъ, чтобъ не были добродѣтельными. Расмотримъ же мы теперь, что есть война, и откроется, добро ли есть или зло слѣдовать брани. Дѣла́ браней сіи суть: умерщвлять людей, расхищать храмы, опустошать страны,

ны, ограблять невинныхъ, дать свободу ворамъ, разлучать пріятелей, возбуждать мятежниковъ: коихъ ни что безъ величайшаго нарушенія правды, и отягощенія совѣсти быть не можетъ.

Не могутъ оспорить мятежные человѣки, что ежели между двумя Государями война произойдетъ, хотя оба они жалуются, съ единаго токмо стороны бываетъ справедливость. И такъ Государь справедливую ли причину опровергаетъ, или несправедливую защищаетъ, никогда конецъ войны не сдѣлаетъ его невиннымъ. Ежели отъ винности свободенъ не будетъ; то осудится. Будетъ же сіе осужденіе такое, что за всѣ вредности, убивства, пожары, прелюбодѣйства, насильства и грабленія, въ обоихъ обществахъ учиненныя, затейщикъ неправедной войны отвѣтствовать долженъ: который хотя ни какого судіи не имѣетъ въ сей жизни, отъ коего къ отвѣту принужденъ былъ; будетъ однакожъ имѣть праведнаго судію, въ другой жизни, отъ коего наказаніе возпріиметъ.

Государь отмѣнно добродѣтельный, и Христіяниномъ считаться желающій прежде начатія войны, какую оттуда пользу или вредъ получитъ, разсуждать долженъ: сирѣчь, ежели воспослѣдуетъ неудача, теряются и богатство и достоинство: буде же счастливо удастся; то хотя бы и наипаче удовлетворилъ своему желанію, можетъ статься оное желаніе вредительно обществу, и что не должно

ему

ему желать, дабы единаго прихотѣніе всѣхъ пользѣ было предпочитаемо.

Когда Богъ Государей устроилъ, и подданные за властителей ихъ приняли; то невѣроятно, чтобъ или Богъ оное сіе узаконилъ, или человѣки утверждали; ежели бы думали, что Государи не за тѣмъ, къ чему обязаны; но за тѣмъ, къ чему склонны, слѣдовать будутъ. Ибо человѣки ежели послѣдуютъ предводительству вожделеній, всегда погрѣшать будутъ; естьли же покорятся правленію разума, всегда справедливо поступать имѣютъ. Чего ради, хотя бы и наипаче Государи отъ поднятія войны нарушеніемъ совѣсти, утратою богатства и потеряніемъ чести не отвлекалися; непремѣнно должны трогаться въ разсужденіи обязанности къ своему обществу, которое они въ мирѣ и правосудіи сохранять обязались. Ибо мы не правителей, которые бы враговъ намъ стяжевали; но Государей, кои бы беззаконныхъ изъ насъ истребляли, требуемъ.

Платонъ въ четвертой книгѣ и законахъ повѣствуетъ, что онъ будучи отъ нѣкотораго человѣка вопрошенъ: „Для чего толико Лидійцовъ похваляетъ, а Лакедемонянъ ругаетъ; „отвѣтствовалъ: я для того Лидійцовъ хвалю, „что они всегда упражняются въ земледѣліи; „а Лакедемонянъ по той причинѣ ругаю, „что ничему болѣе не научилися, кромѣ по„корять царства и народы. Ибо счастливѣе „кажется мнѣ то царство, гдѣ люди паче „рýки управленіемъ сохѝ измозоленныя, не„

„жели

„жели плечи бросаніемъ копьевъ разслаблен„ныя и истощенныя имѣютъ„. И по истиннѣ весьма справедливыя суть сіи слова Платоновы; и которыя, даруй Богъ, чтобы на воротахъ, или лучше въ сердцахъ Государей написаны были!

Плиній въ нѣкоторомъ письмѣ повѣствуетъ, что у Грековъ весьма употребительная была пословица: „Тотъ Царь есть, кто Ца„ря никогда не видалъ:„ Подобнымъ образомъ и мы сказать можемъ, что тотъ только вожделѣннѣйшимъ миромъ наслаждаться умѣетъ, который, что есть война, ни когда не отвѣдалъ. Никто не будетъ столь глупъ и несмысленъ, чтобы не призналъ счастливѣйшимъ того, которой полотенцо къ отиранію поту лица употребляетъ; нежели который оное для осушиванія крови текущей изъ головы раздираетъ.

Державные Монархи и Князи, жадные къ войнѣ пусть разсуждаютъ, что они не токмо всѣ сіи вообще, но наипаче добродѣтельнымъ суть вредительны. Причина извѣстная: ибо какъ сіи самопроизвольно ни разбоевъ, ни грабительствъ, ни бунтовъ, ни убивствъ не дѣлаютъ; необходимо должны собственныя обиды претерпѣвать, и свои убытки и утраты несть. Понеже въ нынѣшнее время никто къ войнѣ неспособенъ, кромѣ тѣхъ, которые жизнь за мало, а совѣсть еще за меньше ставятъ. Ежели бы брани токмо съ беззаконными, противу беззаконныхъ, и со вредомъ беззаконныхъ, происходили; мало бы

от-

оттуду тѣ, кои добродѣтельными считаться желаютъ, вреда получили. Но увы! добрые разоряются, обнажаются, умерщвляются: въ противномъ же случаѣ, естьли бы злые токмо, какъ сказано мною, съ злыми брань творили; малобъ намъ было нужды, которая бы изъ нихъ сторона побѣждала, и еще гораздо меньше, которая изъ нихъ побѣжденная оставалася.

Какуюжъ славу, какое достоинство, какую честь, какую побѣду, и наконецъ какое богатство войною пріобрѣсть можно, чтобъ не дороже надлежало цѣнить добродѣтельныхъ мужей, которые на оной пали? Толикой въ свѣтѣ добродѣтельныхъ недостатокъ, и толикая во оныхъ обществу нужда и необходимость имѣется, что естьли бы возможно было, паче со слезами изъ гробовъ воскресить; а не на войну такъ, какъ въ бойню, къ извѣстнѣйшей смерти весть ихъ должнобъ. Плиній и Сенека въ письмахъ повѣствуютъ, что когда просили нѣкотораго полководца, дабы онъ съ войскомъ своимъ не страшась и самой величайшей опасности подвергался, оттуда бы могъ ожидать величайшей славы, хотя бы изъ того общество и мало пользы получило; отвѣтствовалъ: „Я ни для какой причины, въ толикую „опасность не предамся, кромѣ чтобъ соблюсть „жизнь Римскаго гражданина. Ибо я лучше „многими добродѣтельными мужами окруженной въ Римъ, нежели великими богатствами „обремененной въ домъ возвратиться желаю„. Ежели Государя съ Государемъ, вѣру съ вѣ-

рою,

рою, и Христіянина съ идолопоклонникомъ сравнимъ; то безконечно дороже ставить должно душу Христіянина, нежели жизнь Римлянина. Понеже добраго Римлянина законъ былъ умереть на войнѣ; а добраго Христіянина правило есть, жить въ мирѣ.

Светоній Транквиллъ книги второй о Цесаряхъ въ двадесятой главѣ повѣствуетъ, что изъ всѣхъ Римскихъ Государей ни одинъ не былъ народу любезнѣе, и ни одинъ во всѣхъ войнахъ счастливѣе Августа. Ибо сей добродѣтельнѣйшій Государь никогда и ни какой войны не всчиналъ, чтобы къ поднятію ея не имѣлъ важнѣйщей причины. О сколь же многихъ не идолопоклоннических, но Христіянскихъ Государяхъ мы во́все противное слышимъ и читаемъ; сирѣчь, толь нерадившихъ о своей совѣсти, что ни единой никогда справедливой войны не всчинали! Чего ради я клятвенно имъ подтверждаю, ежели брань, которую они производили, была несправедлива; наказаніе, которое воспріимутъ, будетъ самое справедливѣйшее.

Ксерксъ Персидскій Царь, когда въ нѣкоторое время обѣдающему представили Аттическія смоквы, прекраснѣйшія видомъ и пріятнѣйшія вкусомъ, сидя за столомъ, клялся безсмертными богами, и свидѣтельствовался пепломъ своихъ предковъ, что не станетъ онъ продажныхъ ѣсть, доколѣ не покоритъ подъ свою державу той страны̀, которая ихъ раждаетъ. Что же Ксерксъ клялся словомъ, то исполнилъ и самимъ дѣломъ, отправясь не-

немедлѣнно къ завоеванїю всея Грецїи, для того токмо чтобъ насытиться ея смоквами: и такъ оную брань не точїю, яко легкомысленный Государь; но и яко прожорливый и невоздержный человѣкъ воздвигнулъ.

Т. Ливїй въ пятой книгѣ повѣствуетъ, что Галлы, отвѣдавъ Италїянскаго вина, не медлѣнно вооружились къ покоренїю Италїи, хотя и никакой другой малой ли, или великой къ поднятїю войны причины не имѣли. И такимъ образомъ Галлы на Италїянское вино собственную кровь промѣняли.

Антигонъ Царь нѣкоторою ночью во снѣ увидя Митридата Царя, серпъ въ рукѣ держащаго, и онымъ на подобїе жнеца всю Италїю пожинающаго; такъ бояться началъ, что вознамѣрился его умертвить какимъ нибудь образомъ. И такъ легкомысленный Царь вѣря суетнѣйшему сонному мечтанїю цѣлой свѣтъ возбудилъ ко оружїю.

Нѣкогда Лонгобарды обитая въ Паннонїи услышали, что Италїя сладкими овощами, жирными и сочными мясами, душистыми винами, красными женами, и различными рыбами изобилуетъ, и рѣдкїя стужи, и умеренные жары имѣетъ: и по полученїи сей вѣдомости, распалясь желанїемъ тѣхъ вещей, для завладѣнїя Италїи приняли оружїе. И такъ Лонгобарды, не для того чтобъ отмстить непрїятелямъ; но чтобъ имѣть изобильнѣйшую матерїю къ роскошамъ и порокамъ, пришли въ Италїю.

Между Карѳагенцами и Римлянами чрезъ весьма долгое время постоянной былъ союзъ. Но какъ только довѣдались, что въ Ишпаніи весьма богатыя золотомъ и сребромъ имѣютъся жилы; немедлѣнно къ жесточайшей восстали брани. И такъ сіи знамѣнитѣйшіе народы, чтобъ похитить чужее богатство, разорили и опустошили собственныя земли О всемъ вышесказанномъ повѣствуетъ Плутархъ, Павелъ Діаконъ, Версзъ, и Ливій.

О недовѣдомыя и неиспытанныя судьбы Бога сіе попускающаго! о неизмѣримая благость Господа сіе терпящаго! Ибо для единаго ли соннаго привидѣнія Государя почивающаго на ложѣ, похищенія ли ради богатствъ Ишпанскихъ, для избѣжаніи ли стужъ Унгарскихъ, питья ли ради винъ Италіянскихъ, для яденія ли смоквъ Греческихъ, огнемъ и мечемъ всю землю опустошать надлежало? Не язвитъ остроконечіе моего пера всѣхъ Государей, которые брани производятъ; но которые производятъ брани неправедныя. Ибо, какъ говаривалъ Траянъ, „праведная война „безопаснѣе подозрительнаго мира„. Я Государей прилѣжныхъ и мужественныхъ въ сохраненіи полученнаго отъ предковъ хвалю, превозношу и величаю. Ибо, ежели по случаю имъ, чтобъ не лишились владѣнія, съ другими Государями, ополчаться должно; равно нарушаетъ совѣсть тотъ, который общества своего не защищаетъ, какъ и самый непріятель, который чужее похищаетъ.

Весь-

Весьма нравится мнѣ слова Платоновы въ пятой книгѣ о законахъ: „ Не прилично намъ „ быть излишними въ хваленiи тѣхъ, кои „ миръ сохраняютъ; или неумѣренными въ „ порицанiи тѣхъ, кои брань производятъ. „ Ибо весьма легко статься можетъ, что который брань производитъ, для прiобрѣтенiя мира; и вопреки, который миръ сохраняетъ, для поднятiя войны то дѣлаетъ „. Чтожъ справедливѣе сего Платонова мнѣнiя? Однако лучше желать краткой войны для долговременнаго мира, нежели для долговременной войны краткаго мира.

Хилонъ Философъ будучи вопрошенъ, „ чѣмъ добраго и худаго правителя распознать „ можно? Нѣтъ ничего, отвѣтствовалъ, чтобы добраго или худаго человѣка больше изобличало, какъ то, о чемъ они спорятъ. Ибо „ тираннъ суетится о похищенiи чужаго; а „ добродѣтельный Государь трудится о защищенiи собственнаго „.

Искупитель мiра отлучаясь изъ сего свѣта, и восходя на небо, не сказалъ: „ Брань „ оставляю вамъ, брань мою даю вамъ; но „ миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ „. Чего ради истинному Христiянину надлежитъ паче отъ Христа толико возвеличенный сохранять миръ, нежели отмщенiя ради своей обиды воздвигать брани.

Ежели бы Государи званiе свое наблюдали, и въ семъ случаѣ мнѣ повѣрить восхотѣли; то по моему совѣту ни для какой временной вещи попускать имъ не должно про-

ливать

ливать человѣческую кровь: развѣ за того толчію, который свою кровь за насъ на крестѣ въ жертву принесть соблагоизволилъ. Ибо истинные Христіяне грѣхи свои оплакивать по долгу обязаны; а кровь непріятельскую проливать воли не имѣютъ. Напослѣдокъ всѣхъ Великихъ Монарховъ и Князей прошу, увѣщаваю и заклинаю, ради того, который есть Князь мира, миръ любить, о мирѣ стараться, миръ сохранять, и въ мирѣ жить. Ибо въ мирѣ и сами богатствомъ изобильны, и подданные ихъ счастливы будутъ.

ГЛАВА 16.

Начало письма М. Аврелія къ другу Корнелію, въ которомъ говоритъ о трудахъ войны и ищетъ побѣднаго тріумфа. Сіе письмо надлежитъ читать Государямъ, любящимъ войну, и презирающимъ миръ.

„ Маркъ Императоръ Римскій, вѣрному „ другу Корнелію здравія, и противу злой фор„ туны отъ безсмертныхъ боговъ счастливаго „ успѣха равно, какъ и себѣ желаетъ „.

„ Уже назадъ тому проходитъ пятый на„ десять день, какъ я по окончаніи войны „ возвратился изъ Азіи, о побѣжденіи кото„ рой торжествовалъ въ Римѣ; гдѣ вспомня, „ что ты нѣкогда былъ соучастникомъ тру„ довъ моихъ, немедленно отправилъ для при„ глашенія тебя съ тѣмъ намѣреніемъ, да„ бы

„ бы и ты моимъ тріумфомъ веселился. По-
„ неже благороднымъ сердцамъ вящшее удо-
„ вольствіе бываетъ изъ утѣшенія друговъ,
„ нежели изъ собственныхъ увеселеній. Хотя
„ же тягостно было тебѣ путешествовать,
„ когда я тебя повелѣлъ призвать; однако
„ ни мало не сомнѣваюсь, что ты отъ части
„ великую почерпнулъ радость, видя изобиліе
„ богатствъ, которыя мною изъ Азіи приве-
„ зены, и великолѣпное пріуготовленіе, съ ка-
„ ковымъ я принимаиъ въ Римѣ; а отъ части
„ не могъ удержаться отъ слезъ, зря толикое
„ различіе плѣнныхъ народовъ, которые предъ
„ торжественными колесницами шли обнажен-
„ ные, и кандалами, для вящшей славы по-
„ бѣдителямъ, и большаго безчестія побѣжден-
„ нымъ, обремененные.

„ Рѣдко видимъ мы день при самомъ бли-
„ стательномъ и безоблачномъ сіяніи солнца,
„ чтобъ или изобильная въ лѣтѣ роса, или
„ преступеный въ зимѣ иней не предварили.
„ Для чегожъ сіе мною говорено? Дабы пока-
„ зать, что изъ числа несчастій, какое чело-
„ вѣческое счастіе имѣетъ, есть и сіе, что
„ весьма рѣдкихъ случается видѣть счастлив-
„ цовъ въ свѣтѣ, коихъ бы счастіе не от-
„ туда происходило, что другіе были безсча-
„ стны и неблагополучны, на которыхъ бо-
„ гатства и чести они вступили. Когда одни
„ приходятъ до послѣдней нищеты, другіе
„ получаютъ изобильное богатство; когда одни
„ попадаютъ въ бѣдность, другіе достигаютъ
„ величайшаго счастія; когда одни горько пла-

„ чутъ, другіе громко смѣются: неиначе, какъ
„ въ водочерпальныхъ колесахъ, ежели вѣдра
„ поднятыя въ верьхъ не опустятся порожнія
„ къ низу, не могутъ взойти къ верьху тѣ,
„ которыя на днѣ воды полны.

„ Ежелижъ употребить въ совѣтъ чув-
„ ства; пріятенъ былъ бы зрѣнію твоему о-
„ ный день нашего тріумфа, когда изъ изо-
„ билія богатствъ, числа плѣнниковъ, разли-
„ чія звѣрей, преизящества полководцевъ, и
„ огромности машинъ, которыя мы изъ Азіи
„ привезли, и съ которыми въ городъ вошли,
„ легко поминать могъ трудъ и подвиги,
„ понесенные нами на брани. Ибо правду ска-
„ зать, толь жестокое съ обѣихъ сторонъ
„ сраженіе происходило, что мы за великое
„ счастіе поставляемъ, имѣя тѣла тяжко
„ уязвленыя, и всѣ жилы чуть только не до
„ послѣдней капли крови истощенныя. Вѣдай,
„ Корнелій, что Парѳы весьма храбры, и въ
„ военныхъ дѣйствіяхъ крѣпки и отважны, и
„ въ землѣ своей съ крайнимъ мужествомъ ка-
„ ждый обороняютъ свои домы. И кто вос-
„ противорѣчитъ, что они въ семъ случаѣ
„ не мудрыхъ мужей и не храбрыхъ воителей
„ званіе отправляютъ? Ибо ежели мы Ри-
„ мляне изъ тщеславія и безъ причины идемъ
„ отнимать чужее; весьма справедливо имъ
„ руководствомъ разума и правды защищать
„ собственое „.

„ По истиннѣ тотъ весьма злонравенъ и
„ безразуменъ, кто полководцу о тріумфаль-
„ номъ торжествѣ отъ Сената и народа Рим-

„ скаго

„ скаго данномъ завидуетъ. Ибо пусть бу-
„ дутъ извѣстны, кои не знаютъ, что за
„ одинъ почетной день, который даютъ пол-
„ ководцамъ, тысячу кратъ жизнь опасности
„ подвергается. Чтожъ еще скажутъ всѣ, коихъ
„ несчастный побѣдитель или въ походъ съ
„ собою ведетъ, или въ Римѣ оставляетъ,
„ суть неправедные судіи его чести. Ибо на-
„ родъ во осужденіи не на заслуги особы взира-
„ етъ; но на мнѣніи зависти утверждается.
„ Хотя я крайне терпѣливымъ, и весьма
„ кроткимъ почитаюсь, однако дѣдай, любез-
„ ный Корнелій, что ничье терпѣніе снесть,
„ и ничье сердце умолчать не можетъ въ чу-
„ жихъ тріумфахъ завидованія и хуленія пре-
„ многихъ гражданъ, кои, по самой сущей
„ справедливости, съ искреннимъ добросердечі-
„ емъ и великодушіемъ никогда за воинствомъ
„ слѣдовать не отважились. Ибо древній есть
„ сей завистливыхъ ядъ, злобно пересмѣхать
„ и охуждать то, чего сами за лѣностію и
„ малодущіемъ сдѣлать не осмѣлились „.

„ Хотя же и жизнь на войнѣ толико-
„ кратно опасности, и честь напослѣдокъ
„ хуленіямъ подвержена бываетъ, однако мы
„ толь глупы и безразсудны, и толь дорого
„ пустыя человѣческія о насъ мнѣнія поставля-
„ емъ, что паче для суетной молвы, нежели для
„ какой либо нашей пользы и честь свою и самихъ
„ себя трудамъ и бѣдствіямъ предавать, нежели
„ жизнію съ покоемъ наслаждаться желаемъ. Ибо
„ суетные человѣки для того только, чтобъ
„ у другихъ легкомысленныхъ человѣковъ въ

„ памяти пребывать, всякому труду и печали „ сами себя подвергаютъ „.

„ Клянусь безсмертными богами, любез„ный Корнелій, что я въ торжественный „ день, когда на тріумфальной колесницѣ „ былъ везенъ, въ сердцѣ своемъ помышлялъ, „ сколь легкомысленное есть всѣхъ въ настоя„щемъ вѣкѣ разсужденіе. Ибо хотя разумъ „ насъ увѣщаваетъ, понуждаетъ, и приглаша„етъ; однако мы отрицаемся его слушать. „ Напротивъ же того свѣтъ хотя насъ руга„етъ, обижаетъ и ненавидитъ; однако мы „ прилѣпляться и служить ему желаемъ. Или я „ обманываюсь, или глупыхъ человѣковъ счастіе, „ и добрыхъ судей недостатокъ причиною, „ что люди противу желанія всѣхъ паче вхо„дятъ въ чужіе домы, нежели съ покоемъ „ остаются въ собственномъ домѣ: понеже у„добнѣе было бы добродѣтелямъ слѣдовать и „ оныхъ достигать, нежели порокамъ преда„ваться и во оныхъ себя погружать. Ибо „ главное есть правило, что тѣ, кои во всемъ „ и чрезъ все свѣту угождать желаютъ, за„путываются въ безконечные труды и попе„ченія „.

„ О Римъ, Римъ, проклято да будетъ твое „ безуміе! да погибнетъ толикой въ тебѣ гор„дости начальникъ! Проклятъ да будетъ отъ „ человѣкъ, проклятъ да будетъ отъ боговъ, кто „ сіе въ тебѣ великолѣпіе выдумалъ! Ибо, кои „ онаго достигли, рѣдкіе; а кои его ради поги„бли, безчисленные были. Что глупѣе сказать, „ или тщетнѣе помыслить возможно, какъ

„ сіе,

„ сіе, что полководецъ Римскій, понеже разо-
„ рилъ царства, смутилъ миролюбивыхъ, о-
„ пустошилъ города̀, до основанія испровергъ
„ за́мки, ограбилъ убогихъ, набогатилъ тиранновъ,
„ истощилъ сокровища, премного пролилъ непо-
„ винной крови, безчисленныхъ женъ сдѣлалъ
„ вдовами, и наконецъ многихъ знаменитыхъ
„ мужей лишилъ жизни; за всѣ сіи вредности въ
„ награжденіе, съ торжественною славою и-
„ великолѣпіемъ пріемлется въ Римѣ? Не же-
„ лаешь ли, чтобы я сказалъ другое вящшее
„ безуміе? Нѣтъ: по истиннѣ сіе есть толи-
„ кое, что ни какое съ нимъ сравниться не
„ можетъ: когда безчисленные на брани пали;
„ и одинъ токмо славу себѣ присвояетъ: когда
„ тѣ несчастные нижѐ труповъ своихъ погре-
„ бенія не удостоились; и одинъ токмо полко-
„ водецъ чрезъ городъ съ тріумфомъ на тор-
„ жественной колесницѣ везется „.

„ Клянусь милостію боговъ! что въ самый
„ день моего тріумфа, въ чемъ я тебѣ какъ
„ другу открываюсь, когда съ торжественной
„ колесницы посмотрѣлъ на плѣнниковъ узами
„ обремененныхъ, и воззрѣлъ на богатства,
„ кои везены были, полученныя въ добычу,
„ многихъ неповинныхъ грабленія; и когда у-
„ слышалъ вопль несчастныхъ вдовъ оплакива-
„ ющихъ смерть мужей своихъ, и вспомнилъ
„ толикое число знатныхъ гражданъ, кои па-
„ ли въ Азіи; хотя наружно казалъ радость;
„ однако внутренно рыдая кровавыя пролилъ
„ слезъ капли. Ибо не есть изъ числа̀ человѣ-
„ ковъ, раждающихся въ свѣтѣ; но одна изъ

„ Фурій, обитающихъ во адѣ, кто о чужемъ
„ не счастіи радуется и веселится „.

„ Я не знаю, что должно сказать о томъ
„ Государѣ или полководцѣ, который возвра-
„ тясь изъ брани, требуетъ или проситъ се-
„ бѣ въ городъ торжественнаго входа. Ибо
„ ежели онъ такъ, какъ согласно съ разумомъ,
„ помышляетъ о ранахъ, которыя тѣломъ по-
„ несъ; ежели о деньгахъ, кои истощилъ;
„ ежели о городахъ кои выжегъ; ежели о тру-
„ дахъ и бѣдствіяхъ, кои претерпѣлъ; ежели
„ о вредностяхъ, кои сдѣлалъ; ежели о пре-
„ многихъ человѣкахъ, коихъ безъ всякой причи-
„ ны умертвилъ; ежели о другихъ, коихъ у-
„ тратилъ; ежели о врагахъ, коихъ пріоб-
„ рѣлъ; ежели о маломъ спокойствіи, коимъ
„ пользовался; и наконецъ ежели, сколько и
„ сколь многимъ долженъ, о семъ, говорю,
„ ежели помышляетъ: по моему мнѣнію со
„ стонами и воздыханіями ему принимату,
„ и между изобильнѣйшими тучами слезъ ве-
„ зену быть надлежало бы „.

„ Что касается до тріумфа, я ни Асси-
„ ріянъ не хвалю, ни Персіянамъ не завидую,
„ ни Македоняне мнѣ не удовлетворяютъ, ни
„ Халдеяне не нравятся; Троянъ же прокли-
„ наю, и Карѳагенянъ осуждаю, понеже они
„ не любленіемъ правды, но неистовствомъ
„ гордости побудясь, для достиженія тріум-
„ фовъ, и своимъ царствамъ премногія бѣд-
„ ствія навлекли, и намъ къ пагубѣ причину
„ оставили. О Римъ проклятый! проклятъ ты
„ былъ, проклятъ нынѣ, и проклятъ будешь!

„ Ибо

„Ибо ежели судьба не обольщаетъ, или мнѣ-
„ніе меня не обманываетъ, или фортуна ко-
„леса своего не задерживаетъ; каковы зрѣлища
„подали намъ прешедшія царства; такіяжъ
„и ты, Римъ, подашь будущимъ вѣкамъ:
„сирѣчь, какъ чрезъ насиліе сдѣлался Влады-
„кою Владыкъ; такъ чрезъ правосудіе сдѣ-
„лаешся рабомъ рабовъ.

„О Римъ не токмо безсчастный, но и
„безсчастнѣйшій! не могу удержаться, чтобъ
„не спросить тебя паки: скажи пожалуй мнѣ,
„для чего въ тебѣ нынѣ толикій недоста-
„токъ мудрости, и толикое изобиліе глупо-
„сти? Гдѣ суть древніе твои отцы, кои те-
„бя и основали и украсили; вмѣсто которыхъ
„нынѣ имѣешь тирановъ, кои тебя и разо-
„ряютъ и обезславляютъ? Гдѣ столько зна-
„менитостью и добродѣтелію сіяющихъ мужей,
„коихъ ты воспиталъ; вмѣсто которыхъ ны-
„нѣ имѣешь развратныхъ и беззаконныхъ?
„Гдѣ тѣ суть, кои за вольность твою пролили
„собственную кровь; на мѣсто которыхъ
„вступили тѣ, кои тебя покоряя утратили
„жизнь? Гдѣ суть тѣ храбрые полководцы,
„кои толикимъ тщаніемъ и неусыпностью
„стѣны твои распространили, и отъ непрія-
„телей защитили; которыхъ мѣсто заняли
„тѣ, кои и стѣны твои испровергли, и тебя
„пороками и порочными наполнили? Гдѣ суть
„верьховные жрецы, кои всегда во храмахъ
„молилися, и жертвами боговъ умилостивляли;
„на которыхъ мѣсто вступили тѣ, кои ниче-
„го, кромѣ обесчещать храмы, и злодѣйства-

„ми

„ ми своими раздражать боговъ, не знаютъ?
„ Гдѣ суть Философы и Ораторы, коихъ со-
„ вѣтами ты былъ управляемъ; на мѣсто ко-
„ торыхъ нынѣ толикое число глупыхъ и не-
„ смысленныхъ вступило, кои тебя беззаконі-
„ ями своими ни во что обращаютъ „.

„ Отняты у тебя, о Римъ, всѣ древніе
„ оные мужи; и на мѣсто ихъ вступили мы
„ нынѣ сущіе. Ахъ, ежелибъ было ты добро-
„ дѣтель ихъ позналъ, и нашу развратность
„ предъувидѣлъ; то въ самой тотъ день, ко-
„ гда они окончили жизнь, надлежало было
„ тебѣ себя разбить и раскопать, каждой ка-
„ мень стѣнъ своихъ въ прахъ разсыпавъ. Та-
„ кимъ бы образомъ поля оныя костьми добро-
„ дѣтельныхъ мужей пахли, а не трупами,
„ какъ нынѣ, беззаконныхъ мужей воняли „.

„ Или ты древнѣе Вавилова, прекраснѣе
„ Еліи, богатѣе Карѳагена, тверже Трои,
„ многолюднѣе Ѳивъ, крѣпчае Коринѳа, веселѣя
„ Тира, плодоноснѣе Византіи, пространнѣе
„ Камезаны, непреодолимѣе Аквилегіи, ширѣ
„ Кадикса, или о большемъ числѣ башней, не-
„ жели Капуя? Или на вышшемъ стоишь мѣ-
„ стѣ, нежели Кантабрія? Погибли сіи толь
„ знаменитые и славные городà, толикими
„ добродѣтельми процвѣтающіе, и отъ толь
„ храбрыхъ мужей защищаемые: и ты ли обѣ-
„ щаешь себѣ твердое постоянство, будучи
„ толикими беззаконіями погруженъ, и толь
„ многими беззаконными населенъ? Повѣрь
„ мнѣ, родительница Римъ, что, какая ны-
„ нѣ твоя есть, такая прежде ихъ была сла-

„ ва;

„ва; и что имъ, то самое и тебѣ погибель „ возпричинствуетъ. Ибо такъ свѣтъ круго- „ обращается, что какія бѣдствія мы о пре- „ шедшихъ нынѣ слышимъ, подобныя и о насъ „ будутъ провозглашать потомки „.

ГЛАВА 17.

М. Аврелій продолжая намѣреніе, изъясняетъ порядокъ, какой въ наборѣ воинства Римляне наблюдали, и притомъ говоритъ, сколь соблазнительное и злопримѣрное дѣло итти въ военной походъ женамъ и духовнымъ особамъ; воспоминаетъ такожъ погрѣшности полководцовъ и простыхъ солдатъ.

„ Теперь, любезный Корнелій, изъясню тебѣ порядокъ, какой мы въ наборѣ солдатъ „ имѣемъ; откуду узнаешь величайшее замѣ- „ шательство, происходящее нынѣ въ Римѣ. „ Ибо какъ предки наши ни въ чемъ, кромѣ „ военнаго благочинія, не были тщаливѣе и „ строжае, такъ нынѣ нѣтъ ничего нашихъ „ войскъ развратнѣе „.

„ Лишъ только пройдетъ слухъ, что Государь вновь войну начинаетъ; тотчасъ раз- „ личныя мнѣнія раждаются въ народѣ, „ который разнообразно о войнѣ разсуждаетъ; „ поелику одни говорятъ, что оная законна, „ и Государь, который ее поднимаетъ, спра- „ ведливъ; другіе сказываютъ, что неправед-

„ на,

„ на, и Государь, ее воздвигающїй, есть ти-
„ раннъ: убогїе и мятежные жадничая на чу-
„ жее добро оную похваляютъ; богатые и ми-
„ ролюбивые, напротивъ того желая наслаж-
„ даться своимъ, охуждаютъ. Такимъ сирѣчь
„ образомъ или въ утвержденїи или въ опро-
„ верганїи брани не на правдолюбїе; но на упо-
„ ванїе корысти или пользы, изъ онаго похода
„ ожидаемой, взирается „.

„ Я Императоръ Римскїй, когда повелѣваю
„ обявить о войнѣ указъ, по той причинѣ,
„ что нѣкоторый городъ или провинцїя отло-
„ жилась; обыкновенные обряды въ Римѣ совер-
„ шаются, сирѣчь, вопервыхъ приглашаются
„ жрецы, дабы немедлѣнно безсмертнымъ
„ богамъ молилися. Ибо Римскїй народъ никог-
„ да не выходилъ проливать непрїятельскую
„ кровь, пока прежде жрецы во храмахъ не
„ пролили слезъ. Потомъ всѣ Сенаторы соби-
„ раясь во храмѣ Юпитеровомъ торжествен-
„ ную дѣлаютъ присягу, что ежели непрїяте-
„ ли, противу которыхъ идутъ на брань, но-
„ ваго съ городомъ союза, или за учиненную
„ обиду прощенїя просятъ; они всякое мщенїе
„ презрѣвъ, милосердїе имъ оказать не отре-
„ кутся. Тогда Консулъ назначенный предво-
„ дителемъ войны, поѣхавъ въ Капитолїю, да-
„ етъ обыкновенный обѣтъ любимѣйшему бо-
„ гу, о поднесенїи ему дара, ежели помощїю
„ его съ брани побѣдителемъ возвратится; и
„ оное дароприношенїе или обѣщанїе въ какую
„ бы цѣну ни стало, исполнить весь народъ
„ обязуется „.

„ Послѣ

„ Послѣ орловое знамя на Марсовомъ полѣ „ поставляется; сирѣчь, дабы всѣ Римляне „ вѣдали, что никакого позорища и игры въ „ Римѣ, доколѣ граждане на войнѣ будутъ во „ отсутствіи, празновать не должно. Напослѣ- „ докъ одинъ нѣкто изъ Преторовъ взошедъ „ на Саларійскіе ворота, къ набору воинства „ на трубѣ играетъ походной маршъ, и изъ „ казенной палаты для врученія Трибунамъ „ вынимаются знамена. Тутъ по ужасно зрѣ- „ кію: Трибунъ получа знамя, думаетъ, что „ ужѐ всякой родъ беззаконія и безстыдства „ ему позволенъ; и вмѣняетъ ужѐ себѣ за по- „ хвалу грабленіе странъ, кои проходить дол- „ жно, и обманываніе людей, съ которыми „ какое нибудь имѣетъ дѣло „.

„ Какую же на брани вольность къ злодѣй- „ ству и беззаконію пріемлютъ себѣ Воеводы; „ изъ товарищества ихъ, которое они вкругъ „ себя имѣютъ, есть явственно. Ибо остав- „ ляютъ сыны родителей, слуги господъ, бро- „ саютъ ученики учителей, ремесленики заво- „ ды; покидаютъ жрецы храмы, питомцы „ опекуновъ; и сіе не для иной причины, „ какъ точію, дабы подъ предлогомъ воинской „ вольности, все, что ни захотятъ, могли „ дѣлать безъ наказанія „.

„ Я не знаю, любезный Корнелій, откуду „ воспріять начало тѣхъ дѣлъ, о которыхъ „ говорить намѣренъ; сирѣчь, въ сердцѣ на- „ шего воина, когда изъ города выйдетъ, „ нѣтъ ни страха къ богамъ, ни почтенія къ „ храмамъ и священнымъ особамъ; нѣтъ ни-

„ ка-

„ какого послушанія къ родителямъ; нѣтъ
„ никакой стыдливости къ людямъ, нѣтъ ни-
„ какого опасенія судебныхъ правительствъ,
„ нѣтъ никакаго милосердія къ отечеству; нѣтъ
„ никакого воспоминовенія о самомъ себѣ, что
„ онъ гражданинъ Римскій; нѣтъ напослѣ-
„ докъ никакого помышленія о неизбѣжномъ
„ въ нѣкоторое время окончаніи жизни: но
„ отложа всякой стыдъ, любятъ неправедную
„ праздность, и ненавидятъ праведный трудъ„.

„ Но послушай еще больше. Ибо хотя я
„ говорю много; однако весьма малое есть
„ число въ разсужденіи того, что они дѣла-
„ ютъ; сирѣчь, иные ограбляютъ храмы,
„ другіе поднимаютъ смятеніе; сіи выламы-
„ ваютъ двери, тѣ крадутъ платья; сіи ло-
„ вятъ свободныхъ, тѣ разрѣшаютъ неволь-
„ никовъ; ночь провождаютъ въ играхъ, день
„ иждиваютъ въ клеветаніяхъ и сквернослові-
„ яхъ; сперьва бьются на подобіе львовъ, по-
„ томъ вдругъ обращаются въ бѣгство на по-
„ добіе зайцовъ; иные зажигаютъ противъ
„ Трибуновъ бунты, другіе перемѣтываются
„ къ непріятелямъ; напослѣдокъ ко всякому
„ добру негодны, и ко всякому злу, паче не-
„ жели малолѣтные дѣти, склонны бываютъ.
„ Чтожъ скажу о ихъ беззаконіяхъ, о которыхъ
„ стыдно мнѣ писать? Они оставляютъ соб-
„ ственныхъ женъ, и уводятъ чужихъ; рас-
„ тлѣваютъ благородныхъ отроковицъ, и об-
„ манываютъ простодушныхъ дѣвъ; не мину-
„ ютъ ни одной гражданки, которуюбъ не-
„ подговорили; не пропускаютъ ни одной хозяй-

„ ки,

„ки, которуюбъ не изнасильствовали; разрушаютъ старой бракъ, и ищутъ повсегодно новаго супружества. Такимъ то образомъ дѣлаютъ они, что угодно; и ничего напротивъ того не дѣлаютъ, что должно. Что? Мало ли, думаеть, любезный Корнелій, городу вредностей изъ того происходитъ, что толикія толпы безстыдныхъ женъ съ арміею въ походъ ѣдутъ? Понеже сихъ ради мущины раздражаютъ боговъ, измѣняютъ отечеству, отрекаются кровныхъ родственниковъ, впадаютъ въ крайнее убожество, живутъ въ безславіи, крадутъ чужое имѣніе, расточаютъ собственное богатство, не имѣютъ никогда спокойной жизни; и не обрѣтается никогда во устахъ ихъ истинны. Наконецъ ихъ ради часто воздвигаются брани, и многіе добродѣтельные лишаются жизни„.

„Но оставимъ мы доказательства, и приступимъ къ исторіямъ. Ты не безъизвѣстенъ, что большая часть Азіи господствованіемъ Амазонокъ, нежели прочихъ какихъ либо варварскихъ народовъ была объята. Поръ, Индійскій Царь, юноша храбрый и мужественный, за недостаткомъ мущинъ и множествомъ женщинъ побѣжденъ отъ великаго Александра. Аннибалъ, страшный Карѳагенскій полководецъ, толь долго пользовался владѣніемъ Италіи, сколь долго не допускалъ быть ни единой женщинѣ въ арміи; а какъ только плѣнился любовію дѣвицы Кампаны, тотчасъ показалъ тылъ Римля-

„ намъ. Ежели бы Сципіонъ Африканскій отъ „ женскаго невоздержанія не очистилъ матерей „ Римскихъ; никогда бы съ землею несравнена „ была непобѣдимая Нумантія. Силла полко„ водецъ на брани Митридатской, и муже„ ственный Марій на войнѣ Цимбрской, поне„ же никакимъ беззаконнымъ женамъ не доз„ волили быть въ арміяхъ, толикія одержа„ ли надъ непріятельми побѣды „.

„ Во время Императора Клавдія Маркелла „ такія смертельныя между Капуанцами и „ Тарентинцами произошли вражды, что съ „ обѣихъ сторонъ выведены были войска на „ брань. Когда же по случаю нѣкоторымъ днемъ „ въ обозахъ Капуанскихъ два Трибуна, лю„ бя одну женщину, сдѣлали смятеніе, и весь „ лагерь приведенъ былъ въ замѣшательство; „ то напали на нихъ Тарентинцы; и такъ „ по причинѣ одной беззаконной женщины по„ бѣждена Капуя „.

„ Я на сей войнѣ шестнатцать тысячь „ конницы, восемдесятъ тысячь пѣхоты, и „ и тритцать пять тысячь женщинъ имѣлъ; „ которая вещь поелику къ величайшему замѣ„ шательству подавала причину, для того я „ супругу Фавстину, и нѣсколько Сенаторовъ „ своихъ женъ въ домы отослать принуждены „ были, дабы оныя тамо присматривали „ стариковъ, и воспитывали дѣтей. Нѣкогда „ предки наши важивали въ Армію женъ для „ того, чтобы они варили пищу здоровымъ, „ и лѣчили раны уязвленнымъ. Мы же нынѣ „ возимъ ихъ на тотъ конецъ, чтобъ мало-

„ душ-

„ душнымЪ былЪ случай кЪ развращенію,
„ а храбрымЪ кЪ разслабленію. Ибо непрія-
„ тели голову поражаютЪ; а жёны сердце
„ уязвляютЪ „.

„ Что скажу, Любезный Корнелій, когда
„ жрецы Цибельскіе Цибелю, Вулканскіе Вул-
„ кана, Марціальскіе Марса, Діальскіе Юпи-
„ тера, боговЪ своихЪ презирая страхЪ, оста-
„ вляя пустые храмы, отметая честныя ри-
„ зы, не памятуя священныхЪ служеній, и
„ нарушая обѣты, безчисленные за военными
„ обозами слѣдуютЪ гдѣ еще и прочихЪ срамнѣй-
„ шую жизнь провождаютЪ? Ибо извѣстная есть
„ вещь, что кои прежде жили уединенными и
„ стыдливыми, тѣ единожды отложа стыдЪ,
„ дѣлаются всѣхЪ свирѣпѣйшими, мятежнѣй-
„ шими и безстыднѣйшими. Не точію весь-
„ ма укорительно, но и крайне бѣдственно,
„ священныхЪ особЪ принимая всякую службу,
„ вести на брань. Ибо должность ихЪ пове-
„ лѣваетЪ слезами умилостивлять боговЪ, а
„ не оружіями поражать человѣковЪ. Естьли
„ же скажутЪ Государи, что полезно имѣть
„ вЪ лагеряхЪ священниковЪ для приношенія
„ жертвЪ богамЪ; я отвѣтствую, что храмы
„ опредѣлены кЪ молитвѣ, а лагери кЪ бою.
„ Понеже боги вЪ иномЪ мѣстѣ страха, и вЪ
„ иномЪ поклоненія и жертвы себѣ требу-
„ ютЪ „.

„ Лѣта отЪ созданія города триста пя-
„ тоенадесятЪ, вЪ Азіатской походЪ противу
„ ПалестинцовЪ, кои отложилися отЪ РимлянЪ,
„ будучи посланЪ ВіетрЪ КонсулЪ, на пути

„ заѣхалъ во храмъ Дельфской; гдѣ когда пространною молитвою просилъ Аполлона, дабы ему открылъ, возвратится ли онъ побѣдителемъ изъ Азіи; отвѣтствовалъ Оракулъ: „ Ежели, Віетръ, побѣдителемъ возвратиться „ желаешь; то отошли назадъ священниковъ, „ коихъ ты увелъ отъ нашихъ храмовъ. Ибо „ мы боги не благоволимъ, чтобъ вы мужей, „ избранныхъ нами токмо къ нашему служенію, отводили къ суетамъ свѣтскимъ. „ Ежелижъ сіе правда есть, какъ въ самомъ „ дѣлѣ есть истинна, что Аполлонъ отвѣтствовалъ Консулу; то несправедливо кажется мнѣ допускать священниковъ, дабы они, „ оставя санъ свой ѣздили въ военные походы. „ Понеже безконечно вящшая есть, какъ и „ ты извѣстенъ, любезный Корнелій, обида, „ которую они дѣлаютъ Богу идучи себя погубить; нежели служеніе, которое приносятъ „ Государю, желая оружіемъ непріятеля разить„.

„ Но оставляя священниковъ для моленія „ во храмахъ, посмотримъ, какимъ образомъ „ избираются полководцы; что обыкновенно „ дѣлается такъ: въ тотъ день, когда нѣкоторый Дворянинъ полководцемъ отъ Сената назначается, долженъ показать примѣръ „ Кавалерскаго ристинія не Амфитеатрѣ; послѣ чего немедленно отъ Консула ведется „ въ Капитолію; гдѣ возлагается на грудь одѣяніе съ клейнодомъ орла; потомъ накладывается на плечи пурпуроваго цвѣту Генеральскій плащъ; наконецъ выдаются изъ

„ ка-

„ казенной полаты деньги; оттуду толикая „ вдругъ раждается гордость, что забывъ „ прежнюю нищету, какъ только возвратится „ изъ походу, помышляетъ быть Императо„ромъ Римскимъ. Ибо извѣстнѣйшая есть „ вещь, что люди посредствомъ счастія, изъ „ подлаго званія будучи возведены на высокой „ достоинства степень, много о себѣ дума„ютъ: и хотя очень мало разумѣютъ, еще „ гораздо меньше могутъ; однако ежели высо„комыслію ихъ соотвѣтствовала равенствомъ „ слабость силъ, одного былобъ довольно не „ токмо къ побѣжденію непріятелей, но и къ „ покоренію премногихъ царствъ „.

„ Нынѣ обычай ввели Римскіе полковод„цы, который, сказываютъ, изобрѣтенъ „ отъ Мавровъ, что бороду переплетаютъ, „ головные волосы въ кудри завиваютъ, рѣчи „ громкимъ голосомъ выговариваютъ, одежду „ перемѣняютъ, забіячливыми людьми себя „ окружаютъ, наибольшую часть времени во„оруженные ходятъ, и о томъ, чтобъ ихъ „ боялись, стараются; словомъ: быть любез„ными ни во что вмѣняютъ; а страшными „ за славу себѣ поставляютъ. Посмотри же, „ дражайшій Корнелій, съ коликою горячно„стію желаютъ они быть страшными. Нѣ„когда въ Пентаполѣ мой Трибунъ, когда я „ самъ слушалъ, но отъ него усмотренъ не „ былъ, по той причинѣ, что на квартирѣ „ не все по желанію было ему дѣлать вольно, „ такъ хозяйкѣ сказалъ: Вы крестьяне еще „ не узнали воинскихъ полководцовъ: вѣдай же,

„ естьли не знаешь, мать, что никогда не
„ трепещетъ земля, развѣ нѣкотораго Рим-
„ скаго полководца грозностію устрашенная;
„ и никогда не мещутъ боги ужасныхъ громо-
„ выхъ стрѣлъ, кромѣ гдѣ намъ отрицает-
„ ся послушаніе. Вотъ, что сказалъ: послу-
„ шай же теперь его храбрости. Когда я въ
„ Аравіи жесточайшее производилъ сраженіе,
„ Трибунъ оный одинъ оставя знамя убѣ-
„ жалъ; и поелику сдѣлано сіе отъ него въ
„ томъ пунктѣ времени, чуть было меня
„ не победили: чего ради по окончаніи бою ве-
„ лѣлъ я ему отрубить голову. Ибо въ са-
„ момъ начальномъ пунктѣ сраженія съ не-
„ пріятелемъ больше одинъ убѣгающій по
„ враждаетъ, нежели двѣ тысячи бьющихся
„ пользуютъ.„

„ Часто изъ устъ Траяна Императора
„ Государя моего я слышалъ, что кои во вре-
„ мя мира суть крайне свирѣпы, тѣ, когда
„ война требуетъ рукъ, весьма робки. Мно-
„ гія дѣла или преизяществомъ краснорѣчія,
„ или тщанія, или напряженіемъ прилѣжа-
„ нія, или щедрымъ расточеніемъ денегъ, изъ
„ которыхъ сіе послѣднее въ Римѣ во отправле-
„ ніи дѣлъ наибольше господствуетъ, обыкно-
„ венно совершаются. Напротивъ того военныя
„ дѣла, кои наипаче оружіемъ отправлять дол-
„ жно, не въ шумѣ словъ, произносимыхъ
„ въ собраніи друзей; но въ смѣломъ нападе-
„ ніи на непріятелей, въ бою, заключают-
„ ся. Словомъ сказать: гдѣ премного рѣчей,

„ тамъ

„ тамъ почти всегда наименьше мужествен-
„ наго се́рдца бываетъ. „

„ Чтожъ скажу, Корнелій, о обидахъ,
„ причиняемыхъ отъ полководцовъ землямъ,
„ кои проходятъ? Что о беззаконіяхъ, ка-
„ кія совершаются ими въ провинціяхъ,
„ чрезъ которыя шествуютъ? Не толикой,
„ повѣрь мнѣ, червоточина дереву, моль оде-
„ ждамъ, искра пакли, саранча пашнямъ,
„ крыса житницамъ; коликой воинскіе полко-
„ водцы народамъ вредъ дѣлаютъ. Ибо
„ они не оставляютъ ни одной скотины, что-
„ бы не закололи; ни саду, чтобы не опусто-
„ шили; ни вина, чтобы не выпили; ни
„ улья, чтобы неподрѣзали; ни храма, что-
„ бы не ограбили; ни звѣря, чтобы не изло-
„ вили; ни смятенія, коегобъ не воздвигли;
„ ни злодѣйства, къ которомубъ не покусились.
„ Но дѣлаютъ сверьхъ того еще и другое,
„ чего вовсе терпѣть не должнобъ. Ибо
„ ѣдятъ даромъ, денегъ не заплатившии; а
„ военную службу отправлять инако не хо-
„ тятъ, развѣ за пребогатое жалованье: и
„ всего хуже, буде оное выдадутъ, вскорѣ
„ роскошью и игрою иждиваютъ; естьли же
„ не выдается, тотчасъ крадутъ, или бунтъ
„ поднимаютъ: такъ то сирѣчь въ убоже-
„ ствѣ будучи недовольны, въ богатствѣ жи-
„ вутъ беззаконно. „

„ Наконецъ, дотолѣ распростерлось по-
„ врежденіе нравовъ, и только нынѣ развра-
„ тилось въ Римѣ воинское благочиніе, что
„ всякъ изъ Трибуновъ не иное быть кажет-

 „ ся,

„ ся, какъ точію предводитель смертоубійцъ,
„ начальникъ бунтовщиковъ, врагъ добродѣ-
„ тельныхъ, поощритель всѣхъ беззаконныхъ,
„ глава воровъ, и властитель разбоиниковъ;
„ словомъ, не кажутся, но самою вещію суть
„ добродѣтельныхъ мучители, и злодѣевъ все-
„ общее убѣжище. Подлинно, лучше бы я же-
„ лалъ умолчать; но не могу удержаться, чтобъ
„ не изъяснить. Ибо такъ все превратно
„ дѣлается, и такое во всемъ замѣшатель-
„ ство происходитъ, что сіи несчастные,
„ хотя суть домашніе наши други, однако
„ ни отъ какого Государя укрощены, ни отъ
„ правительства наказаны, ни страхомъ от-
„ влечены, ни закономъ обузданы, ни сты-
„ домъ удержаны, ни отъ коего либо род-
„ ственника исправлены, ни достойнымъ ка-
„ раньемъ переказнены, нижѐ отъ самой смер-
„ ти истреблены быть не могутъ: чего ра-
„ ди мы какъ отчаянныхъ больныхъ не сы-
„ тую жажду утолять ихъ оставляемъ."

ГЛАВА 18.

М. Аврелій оканчивая посьмо, сѣтуетъ и продолжаетъ восклицанія, что Римляне воздвигли брань на Азію; и показываетъ, коликія къ подданнымъ проистекаютъ вредности, ежели Государи ихъ всчинаютъ съ иноземными державами брани.

„ О бѣдной Римъ! ты не обыкъ быть такъ
„ несчастнымъ. Но чѣмъ далѣе проходишь
„ въ

„ въ глубину лѣтъ, тѣмъ вижу я тебя не-
„ счастнѣйшимъ. Ибо мы и въ книгахъ чи-
„ таемъ, и собственными глазами видимъ,
„ что поколику съ начала или городъ, или
„ нѣкоторая особа была счастливѣе; пополи-
„ ку въ старости суровѣйшую имѣетъ форту-
„ ну. Истинно въ древніе времена и въ слав-
„ ные тѣ вѣки, сирѣчь когда отъ подлинныхъ
„ Римлянъ ты былъ обитаемъ, не такъ
„ какъ нынѣ, когда только имѣешь незакон-
„ ныхъ дѣтей; не меньше скромны и благаго-
„ чинны были выступающіе изъ тебя воин-
„ ства, какъ происходящіе изъ Греческаго у-
„ чилища Философы. Ежели не лгутъ Грече-
„ скія писанія, Филиппъ Македонскій Царь для
„ того такъ славенъ въ исторіяхъ, и сынъ его
„ великій Александръ по той причинѣ такъ
„ счастливъ былъ въ войнахъ, понеже имѣли
„ войска толь благоустроенныя и кроткія,
„ что казались быть паче Сенатомъ, кото-
„ рый повелѣвалъ, нежели расположеннымъ
„ арміи строемъ, который воевалъ „.

„ Сколько можемъ мы изъ Т. Ливія и
„ другихъ писателей усматривать, еще отъ
„ Диктатуры Квинтія Цинцинната даже до
„ знаменитѣйшаго М. Маркелла, времена,
„ кои видѣла Римская Имперія, были пресча-
„ стливѣйшія. Ибо прежде того Римъ отъ
„ Королей терзаемъ, а послѣ отъ тиранновъ
„ былъ утѣсняемъ. Въ оныя же толь благо-
„ получныя времена, изъ величайшихъ, ка-
„ кія имѣлъ Римъ, счастій было то, что
„ строжайше наблюдалось воинское благочиніе,

„ и тогда Римъ упадать началъ, когда воин-
„ ства наши мало помалу отъ прежнихъ от-
„ личаться начали. Ибо ежели воинъ союзъ
„ имѣетъ съ пороками, не возмогутъ гражда-
„ не мира имѣть съ добродѣтельми „.

„ Проклята буди Азія, и проклятъ день,
„ въ которой мы для завладѣнія тобою ору-
„ жія воспріяли! Ибо какую мы изъ того прі-
„ обрѣли пользу, даже до нынѣшняго дня еще
„ не оказалось; а сколько отъ тебя почерпну-
„ ли вреда, никогда Римъ оплакивать не пре-
„ станетъ. О проклятая Азія! мы иждили на
„ тебя свои богатства; а ты обогатила насъ
„ своими пороками, и вмѣсто храбрыхъ и до-
„ бродѣтельныхъ мужей прислала намъ свои
„ сластолюбія и роскоши: мы разорили твои
„ города; а ты побѣдила наши добродѣтели:
„ мы разрыли и съ землей сравняли твои крѣ-
„ пости; а ты испровергла и искоренила на-
„ ши нравы: мы завоевали твои царства; а
„ ты мечемъ посѣкла нашихъ друговъ: мы
„ воздвигли на тебя кровавую брань; а ты
„ отняла у насъ вожделѣнной миръ: ты не
„ хотя намъ покорилась, а мы нынѣ само-
„ хотно твои подвластные; мы неправедные
„ обладатели твоихъ богатствъ, но правед-
„ ные рабы твоихъ пороковъ: словомъ: ты,
„ Азія, нынѣ плачевный Рима гробъ, и ты,
„ Римъ, смрадный Азіи афедронъ „.

„ Когда древніе отцы наши довольство-
„ вались единымъ Римомъ; то для чего мы
„ ихъ чада Римомъ купно и Италіею будучи
„ недовольны, пришли въ Азію для завладѣ-

„ нія

„ нія оной, гдѣ и достоинство наше опасно-
„ сти подвергаемъ, и всѣ богатства наши иж-
„ дивaемъ? Ежели оные древніе Римляне, му-
„ жи сирѣчь въ житіи толь благочинные и до-
„ бродѣтельные, въ наблюденіи мира толь
„ великодушные и постоянные, въ произвожде-
„ ніи войны толь храбрымъ и геройскимъ
„ сердцемъ одаренные, въ повелѣваніи толь
„ благоразумные и премудрые, во владѣніи
„ имѣній толь скромные и умѣренные, тѣ-
„ сными тѣми довольны были предѣлами; то
„ для чего мы ни въ чемъ съ ними сравнить-
„ ся недолженствующіе, и богатымъ и весе-
„ лымъ царствомъ недовольны „?

„ Я не знаю, какое ослѣпило насъ безу-
„ міе, чтобъ мы шли покорять Азію, и не
„ довольны были Римомъ. Ибо и Италія не
„ столь была скудна богатствами, ни столь
„ неизобильна городами, ни столь немного-
„ людна обитателями, ни столь пуста са-
„ дами, ни столь незорана пашнями, ни
„ столь недостаточна наилучшими овощами,
„ чтобъ мы всего сего не больше имѣли, не-
„ жели сколько или предки наши имѣли, или
„ мы ихъ потомки имѣть заслужили. Что
„ до меня принадлежитъ; я сказалъ бы, что
„ или отъ слабости разсудка; или отъ свое-
„ вольства спеси происходитъ, естьли мы пред-
„ ковъ нашихъ, съ коими въ дѣлахъ и заслу-
„ гахъ равенства не имѣемъ, господствова-
„ ніемъ превзойти желаемъ „.

„ Я никакого въ предкахъ моихъ не об-
„ рѣтаю недостатка кромѣ, что они паче

„ мѣры

„ мѣры были гордые и неспокойные: въ чемъ „ мы родныя дѣти ихъ быть кажемся, бу- „ дучи не токмо гордые и неспокойные, но „ еще сребролюбивые, жадные, и завистливые: „ въ томъ же, что касается до добродѣте- „ лей, гораздо далече ими назади оставлен- „ ные, а въ непозволенныхъ дѣйствіяхъ мно- „ гими милями ихъ предваряющіе „.

„ Гдѣ суть величайшія побѣды, которыя „ въ Азіи предки наши одержали? Гдѣ не- „ смѣтное число золота, которое они изъ той „ страны̀ похитили? Гдѣ множество неволь- „ никовъ, коихъ они на брани плѣнили? Гдѣ „ лютость звѣрей, коихъ они въ Италію при- „ слали? Гдѣ оныя богатства, которыя всякъ „ въ свои домы привезъ? Гдѣ оные пресиль- „ ные Цари, въ походахъ тѣхъ плѣненные? „ Гдѣ позорища и тріумфы, съ которыми они „ торжествуя въ Римъ везены были? Что бы „ на сіе сказать, любезный Корнелій, инаго „ не имѣю, кромѣ, что всѣ начинатели вой- „ ны суть мертвые; всѣ, сколько ни поѣхало „ въ Азію, мертвые; всѣ, кои землю оную „ защищали, мертвые; всѣ, кои съ торже- „ ственнымъ тріумфомъ входили въ Римъ, „ мертвые. Словомъ: и сокровища и тріум- „ фы, кои отъ предковъ нашихъ изъ Азіи „ получены, въ скоромъ времени конецъ воз- „ имѣли; напротивъ же того порокамъ и ро- „ скошамъ мы никакого конца не видимъ „.

„ О когда бы разумѣли мудрые Государи, „ что за вещь, воздвиженіе браней въ ино- „ земныхъ царствахъ! Коликія они себѣ при-

„ вле-

„ влекаютъ труды, коликія сердцамъ своимъ
„ попеченія, коликія подданнымъ безпокой-
„ ства, коликое сокровищамъ своимъ расточе-
„ ніе, коликую другамъ нищету, коликое вра-
„ чамъ веселіе, коликой добродѣтельнымъ
„ вредъ, коликую беззаконнымъ вольность;
„ и наконецъ, какую иностраннымъ подаютъ
„ рѣчей матерію! Словомъ, они въ наслѣд-
„ ныхъ царствахъ всѣхъ вредностей дѣлаютъ
„ сѣвъ, и собственнымъ наслѣдникамъ оста-
„ вляютъ прелютѣйшій ядъ. Повѣрь мнѣ,
„ ежели бы Государи то же, что я, чувство-
„ вали; естьли бы такъ же, какъ я, то
„ искусили; и естьли бы тотъ же, что я,
„ опытъ учинили; не токмо насильно съ про-
„ литіемъ крови царствъ не покорялибъ, но
„ и добродѣтельно со многими слезами вру-
„ чаемыхъ не пріималибъ. Ибо, ежели воль-
„ но сказать правду, неприлично разумнымъ
„ Государямъ, для единственнаго завладѣнія
„ чужимъ, собственное подвергать опасности„.

„Вопрошаю нынѣ: какую пользу Римъ
„ изъ покоренной Азіи получаетъ? Пусть и
„ заподлинно онъ въ шествіи на нее былъ от-
„ важенъ, въ наступаніи мужественъ, въ вое-
„ ваніи жестокъ, и въ покореніи счастливъ;
„ но будетъ ли и въ удержаніи ея такимъ
„ же счастіемъ одаренъ? Истинно, я безъ
„ всякаго медлѣнія утверждаю, и о сказанномъ
„ не жалѣю, что плѣнить Азію, есть возмо-
„ жное; но о удержаніи ея обѣщать себѣ, нѣ-
„ которую основательную надежду, весьма глу-
„ пое дѣло. Ибо не величайшее ли есть бе-

„ зу-

„ зуміе увѣрять себя о удержаніи Азіи, есть-
„ ли никогда и ни о единой побѣдѣ не возвѣ-
„ щается, которая бъ не была преддверіемъ
„ другаго бою? И на продолженіе оной войны
„ не вся ли истощается Италія? Въ Азіи
„ наши иждиваются богатства; въ Азіи наши
„ погибаютъ чада; въ Азіи наши пали роди-
„ тели; для Азіи возлагаются на насъ дани;
„ Азія губитъ наилучшихъ коней; въ Азію
„ наши отвозятся припасы; въ Азіи всѣ вскар-
„ мливаются тати; изъ Азіи всѣ приходятъ
„ мятежники; въ Азіи всѣ погибаютъ добро-
„ дѣтельные; Азія присылаетъ намъ всѣ по-
„ роки. Словомъ, въ Азіи всѣ наши расточа-
„ ются сокровища, въ Азіи всѣ умираютъ Рим-
„ скіе герои. Естьлижъ Азія сію мзду воз-
„ даетъ Риму; то для чего Римъ Азіатскую
„ брань продолжать желаетъ„?

„ Другіе Государи прежде насъ Азію вое-
„ вали, покоряли, и обладали; но наконецъ
„ усмотря свойство сея земли, гдѣ ни страхъ
„ боговъ, ни власть Государей, ни сила зако-
„ новъ не имѣли никакого уваженія и успѣха,
„ оставить оную вознамѣрились, искусствомъ
„ будучи увѣрены, что Азіатскихъ народовъ
„ ни тѣлъ браньми въ изнеможеніе привесть,
„ ни сердецъ благодѣяніями въ любовь при-
„ влечь не можно. Не было намѣренія у тѣхъ
„ Государей Азію сухимъ путемъ сохранять;
„ и мы думаемъ моремъ ей пособлять? Они
„ оставили ее, будучи въ близи по сосѣдству;
„ и мы желаемъ изъ далеча ее удержать?
„ Истинно, по моему мнѣнію, Азія есть та-

„ кая

„кая земля, гдѣ всѣ мудрые отвѣдали своего
„разума; гдѣ всѣ глупые испытали своего бе-
„зумія; гдѣ всѣ гордые искусили своея спеси;
„въ которую всѣ насильно вошли Государи,
„и ради которой всѣ жизнію жертвовали ти-
„ранны: но напослѣдокъ ни воля, ни разумъ,
„ни сила кого либо изъ нихъ воспользовали„.

„Я не знаю, можетъ ли кто Азіи до-
„брохотствовать, Азіи благопріятствовать,
„объ Азіи хорошо говорить, или за Азію
„вступаться; когда оная изобильнѣйшую днемъ
„рѣчей, а ночью воздыханій и слезъ еже-
„часно подаетъ намъ матерію. Естьли бы
„возможно было человѣкамъ проникнуть ту
„тайну, чтобъ разумѣть, съ какими судь-
„бами Азія отъ боговъ создана; то не тру-
„дились бы столько они о ея покореніи. Ибо
„оная съ такимъ жребіемъ отъ боговъ устроена,
„чтобъ была общею пажитью, гдѣ бы всѣ жиро-
„вали; общимъ торжищемъ, гдѣ бы всѣ прода-
„вали; общею гостинницею, гдѣ бы всѣ убѣжи-
„ще имѣли; общею лотереею, гдѣ бы всѣ игра-
„ли; общимъ домомъ, гдѣ бы всѣ жили; и
„наконецъ общимъ отечествомъ, гдѣ бы всѣ
„обитали: откуду происходитъ, что премно-
„гіе обладанія Азіи желаютъ, но рѣдкіе
„достигаютъ. Ибо, какъ она есть общее
„отечество; всякъ ее въ собственность себѣ
„привлечь старается„.

„Можетъ быть ты думаешь, Корнелій,
„что я всѣ Азіятскія вредности пересказалъ;
„но вотъ новую запрядаю нить жалобъ.
„Ибо въ разсужденіи множества бѣдъ, каки-

„ми

„ми Римъ отъ Азіи одолженъ, времени прежде къ писанію, нежели матеріи къ рѣчамъ
„ мнѣ не достанетъ. Не безъ слезъ говорю
„ то, что говорить намѣреваю, сирѣчь; ни
„ одинъ Римскій полководецъ не истребилъ
„ десяти тысячь Азіатцовъ оружіями, кои
„ вывезъ изъ Рима, чтобъ не погубилъ сто
„ тысячь Римлянъ пороками, кои привезъ
„ въ Римъ изъ Азіи: и такъ оные со славою отъ
„ непріятельской рукѝ умерщвлены; а мы съ
„ безславіемъ, отъ пороковъ испровержены и
„ побѣждены „.

„ Скажи пожалуй, кто изобрѣлъ, чтобъ
„ мы обѣдали въ публичныхъ галлереяхъ;
„ чтобъ ужинали въ тайныхъ рощахъ; чтобъ
„ женщины на театрахъ одѣвались въ мущинское
„ платье; чтобъ Янусовы жрецы покрывали лицо маскамиі; чтобъ мущины въ банѣ по подобію
„ женщинъ мазались масломъ; чтобъ Сенаторы въ присутствіи нюхали благовонныя ароматы; чтобъ Государи противъ древняго
„ закона облекалися порфирою; чтобъ дважды
„ въ день вкушали пищу; какъ Діонисій тиранъ, чтобъ сверьхъ законной жены̀ имѣли
„ наложницъ, какъ дѣлаютъ Тиріяне; и
„ чтобъ говорили на боговъ хулы, каковыхъ
„ никогда въ Имперіи слышано не было?

„ Сій десять Азіатскихъ пороковъ Азія
„ Риму въ подарокъ прислала. Ибо, когда восточныя страны жесточайшей пылали браніею; десять храбрѣйшихъ полководцовъ
„ сіи десять пороковъ ввезли въ Римъ: коихъ
„ щадитъ мое перо, не изображая имянъ, да-

„ бы

„бы славу отправленныхъ ими дѣлъ гнусныя „не помрачили пятна. Пока не всчиналъ Римъ „Азіатскаго похода, мы богаты, спокойны, „трезвы, благоразумны, благочины, и, что „все сіе превосходитъ, каждый своимъ доволь„ны были; но съ того времени до днесь „толь прилѣжны въ отвыканіи отъ благочи„нія предковъ, и во обученіи Азіатской ро„скоши, что нынѣ такъ въ Римѣ вольно пе„ренимать всякіе пороки, какъ въ Греціи „слушать всѣ науки. Изъ сего, выше ска„заннаго, да признаютъ бранноносные Госу„дари, какую они изъ покоренія иноземныхъ „царствъ пользу пріобрѣтаютъ „.

„Но оставя пороки, коими чрезъ войну „обогащаемся, такожъ добродѣтели и добро„дѣтельныхъ мужей, коимъ пагубу наносятъ „брани, станемъ говорить о богатствахъ, „которыхъ Государи съ толикимъ трудомъ „ищутъ, и которыя съ толикою горячностію „любятъ. Здѣсь я утверждаю, что ника„кой Царь, и никакое царство въ крайнюю „скудость не приходятъ, ежели съ инозем„нымъ царствомъ не всчинаетъ кровопролит„ной брани. Развѣ не видалъ ты, любезный „Корнелій, что Государи волею паче нежели „необходимостью свои деньги расточать, чу„жія похищать; за недостаткомъ собствен„ныхъ церковныя богатства грабить; вели„кую сумму въ долгъ сбирать, безчеловѣчныя „дани вымышлять, матерію рѣчей иностран„нымъ подавать въ ненависть своихъ впадать;

„ наконецъ своихъ подданныхъ просить, и не-
„ пріятелямъ кланяться принуждены были „?

„ Изъяснивъ доселѣ вредности войны, по-
„ кажу теперь ея начало. Ибо статься не
„ возможно, чтобъ Медикъ приличное боль-
„ ному давалъ лѣкарство, ежели не разумѣ-
„ етъ, изъ котораго сока нестройности или
„ порчи болѣзнь происходитъ. Государи, по-
„ елику и раждаются изъ человѣковъ, и воспи-
„ тываются между человѣками, и совѣтуют-
„ ся человѣковъ, и живутъ съ человѣками, и
„ наконецъ сами суть человѣки; то за изли-
„ шествомъ гордости, то за недостаткомъ
„ совѣта, какъ сами помышляютъ, такъ и
„ отъ прочихъ слышатъ, что они хотя и
„ много имѣютъ, однако въ разсужденіи дру-
„ гихъ Государей мало могутъ. Слышатъ
„ также, что когда великія суть ихъ богат-
„ ства; гораздо вящшая должна быть ихъ
„ слава, что доброму Государю полученное на-
„ слѣдство отъ предковъ надлежитъ за весь-
„ ма малое ставить въ разсужденіи того, ко-
„ торое сами съ гораздо вящшею обширностію
„ дѣтямъ оставить долженствуютъ: что ни
„ одинъ Государь никогда не оставилъ славной
„ по себѣ памяти, кромѣ точію знаменитую
„ брань воздвигая: что когда изберется Импе-
„ раторомъ Римскимъ, имѣетъ власть всю все-
„ ленную покорить подъ свою державу „.

„ И такъ Государи послушавъ сихъ ни къ
„ чему годныхъ совѣтовъ, когда фортуна ихъ
„ подлая, и замыслы высокіе, тотчасъ на не-
„ пріятелей объявляютъ войну, тотчасъ от-

„ кры-

„ крываютъ сокровища, тотчасъ набираютъ
„ великія войска. Напослѣдокъ же когда ду-
„ маютъ чужимъ завладѣть попущеніемъ бо-
„ говъ, собственное иждиваютъ и погубляютъ.
„ Я не вижу, кто васъ ослѣпляетъ, Государи,
„ ри, что вы, хотя въ мирѣ богатыми быть
„ можете, въ брани убогими быть желаете:
„ что вы, хотя любезными быть и долженствуете
„ ствуете и можете, ненависти добровольно
„ ищете: что вы, хотя спокойною и безопасною
„ сною жизнію наслаждаться можете, въ сомнительной
„ мнительной выигрышъ фортуны себя ввергаете:
„ гаете: что вы собственное, хотя и многое,
„ малымъ; а чужее, хотя и малое, великимъ
„ считаете: что вы, хотя васъ всѣ требуютъ,
„ ютъ, такъ поступаете, что сами всѣхъ
„ требуете „.

„ Вѣдай, Корнелій, что хотя бы Государь
„ дарь остротою разума и тщаливостью попеченія
„ печенія всѣхъ, кои ни были прежде его въ
„ Римѣ, превзошелъ: статься однакожъ не
„ возможно, чтобъ во всемъ счастливая на брани
„ удача ему послѣдовала. Ибо въ самомъ
„ пунктѣ отправленія дѣлъ или лишается денегъ,
„ негъ, или оставляется отъ подданныхъ,
„ или имѣетъ противныя времена, или удерживается
„ живается трудными дорогами, или утѣсняется
„ ся недостаткомъ припасовъ, или претерпѣваетъ
„ пѣваетъ бунтъ Трибуновъ, или присылаются
„ ются къ непріятелямъ вспоможенія: отъ чего
„ го несчастный въ толикое замѣшательство
„ приходитъ, что жесточае сердце его отъ

 „ соб-

„ собственныхЪ помышленій, нежели область
„ отЪ непріятелей терзается „.

„ ЕстьлижЪ бы Государь не иной ради
„ причины отЪ войны отвращался, какЪ то-
„ чію, дабы свободенЪ былЪ отЪ своевольства
„ военнослужителей; то должнобЪ быть до-
„ вольно, и сей единой причины ко убѣганію
„ брани. Ибо какое, любезный Корнелій, или
„ Царской особѣ досажденіе, или царству его
„ разореніе причинить могутЪ непріятели;
„ чтобЪ или равнаго, или и вящшаго не при-
„ чинили собственныя войска? Непріятели
„ большею частію ограбляютЪ границы; а на-
„ ши войска ограбляютЪ цѣлое государство.
„ непріятелямЪ и смѣемЪ и можемЪ проти-
„ виться; а своимЪ не токмо противиться,
„ но и говорить не смѣемЪ. Непріятели по
„ большой части единождЫ вЪ мѣсяцЪ грабе-
„ жами свирѣпствуютЪ, и потомЪ уходятЪ;
„ а наши повседневно разбиваютЪ, и всегда
„ вЪ одномЪ мѣстѣ остаются. Непріятели
„ страхомЪ непріятелей обуздываются; а на-
„ ши ни страхомЪ непріятелей, ни любовію
„ друговЪ не трогаются. Непріятели, чѣмЪ
„ долѣе медлятЪ, тѣмЪ слабѣе и малолюднѣе
„ дѣлаются; а наши, чѣмЪ долѣе медлятЪ,
„ тѣмЪ больше и свирѣпство и число ихЪ умно-
„ жается. И такЪ не знаю, какая можетЪ
„ быть жесточае война, какЪ сія, ежели Го-
„ судари держатЪ войска во внутренныхЪ пре-
„ дѣлахЪ царства. Ибо оныя, какЪ самое
„ искусство увѣряетЪ, и предЪ богами быва-
„ ютЪ весьма виновны, и ГосударямЪ досад-

„ ны

„ны, и народу тягостны; и однимъ словомъ
„ сказать, ко всѣхъ вреду, и ни къ чьей
„ пользѣ живутъ „.

„Клянусь, милостію и споспѣшествова-
„ ніемъ въ бранехъ Марса, что множайшія
„ жалобы въ Сенатѣ о грабѣжахъ и хищеніяхъ
„ полководцовъ моихъ въ Иллиріи, нежели о
„ всѣхъ Римскаго народа непріятеляхъ мнѣ
„ докладываются. Чего ради по причинѣ сихъ
„ обстоятельствъ, кои говорю, и гораздо мно-
„ жайшихъ, кои умалчиваю, я больше опа-
„ саюсь знамя ста солдатъ основать, нежели
„ жесточайшимъ сраженіемъ съ тритцатью
„ тысячами ополчаться. Ибо сіе въ одинъ
„ часъ или хорошо, или худо фортуна совер-
„ шаетъ; а съ оными и чрезъ всю жизнь не
„ могу управиться „.

„Естьлижъ бы сказалъ ты, Корнелій;
„ поелику я Императоръ Римскій, то для че-
„ го сихъ вредностей не врачую, будучи о
„ всемъ совершенно извѣстенъ: ибо на самаго
„ Государя, который молчаніемъ преходитъ
„ и сноситъ чужую вину, не иначе какъ соб-
„ ственную по достоинству возлагать должно?
„ Отвѣтствую: не состоитъ въ моихъ силахъ
„ уврачевать сего вреда, чтобы изъ самаго
„ врачеванія другій тяжчайшій вредъ не ро-
„ дился: и понеже ты самъ никогда Государе-
„ ремъ не былъ, то и не можешь того, что
„ я говорю, постигнуть. Ибо Государи мно-
„ гія вещи мудростію своею познаютъ, ко у-
„ врачеванію коихъ силы не имѣютъ. Такъ
„ было, есть, и будетъ; такъ я нашелъ,

 „имѣю,

„ имѣю, и оставлю; такъ въ книгахъ читалъ,
„ глазами видѣлъ, и отъ предковъ моихъ слышалъ; такъ, однимъ словомъ сказать, выдумали отцы наши, такъ мы, сыны ихъ
„ хранимъ, такъ и сами наслѣдникамъ нашимъ, ко вреду ихъ, оставимъ „.

„ Одно тебѣ скажу, въ чемъ, кажется,
„ не много ошибаюсь, сирѣчь: уважа премногой вредъ, и наималѣйшую пользу, которыя
„ обществу нашему воинство приноситъ; думаю,
„ что оное набирать и содержать, есть или
„ безуміе человѣковъ, или бичъ боговъ. Ибо
„ нѣтъ ничего справедливѣе, какъ попущеніемъ боговъ терпѣть въ собственномъ домѣ
„ то, что дѣлаемъ, дабы чужіе домы оплакивали „.

„ Сіе къ тебѣ, любезный Корнелій, писалъ я не для того, что въ знаніи онаго
„ ты имѣешь нужду; понеже изъясненіемъ
„ таковыхъ обстоятельствъ сердце мое успокоивается. Ибо сундуки и сердца̀, какъ,
„ говаривалъ Алкивіадъ, другамъ всегда отверзты быть должны. П. Аниціий мой
„ Секретарь посланъ отъ меня посѣтить ту
„ провинцію, которому я сіе къ тебѣ письмо
„ вручилъ съ пути. Посылаю тебѣ двѣ лошади, которыя, уповательно, тебѣ понравятся: ибо онѣ Лузитанскія. Оружія и добычи
„ взятыя у Пароовъ ужѐ всѣ я роздалъ; однако посылаю тебѣ изъ оныхъ двѣ кореты.
„ Кланяется тебѣ Фавстина, и дочери твоей
„ посылаетъ многоцвѣтное зеркало, такожъ

„ се-

„сестрѣ твоей ожерелье изъ драгихъ бисе-
„ровъ. Впрочемъ, молю боговъ, да дару-
„ютъ тебѣ добрую жизнь, а мнѣ добрую
„смерть. Маркъ Императоръ„.

ГЛАВА 19.

Авторъ увѣщаваетъ Великихъ Государей и Князей, что они, поколику больше обогащаются лѣтами, потолику вящше обязаны оскудѣвать пороками.

А. Геллій книги девятой Аттическихъ ночей въ пятойнадесять главѣ говоритъ, что у древнѣйшихъ Римлянъ обыкновеніе имѣлось, по которому старики въ крайней чести и величайшемъ почтеніи находилися; и оный законъ толь между ими былъ святъ и ненарушимъ, что хотя бы нѣкто или знатностію рода, или изобиліемъ богатства, или славою побѣдъ преимуществовалъ; однако сѣдинами украшеннымъ старикамъ не предполагался; поелику старѣйшіе отъ младолѣтнѣйшихъ едва не по подобію Бога и родителей почитаемы были. Кромѣ прочаго въ сихъ почестяхъ старики преимущество имѣли, что на перахъ они въ первомъ мѣстѣ засѣдали, въ тріумфальныхъ церемоніяхъ они напереди шествовали, во храмахъ только одни они сиживали, въ Сенатѣ они первые голосъ давали, въ одеяніи одни токмо они два платья употребляли, въ пищѣ одни то-

точію они имѣли волю кушать уединенно, и въ свидѣтельствахъ однимъ токмо словамъ ихъ вѣрить надлежало: наконецъ во всѣхъ вещахъ старика почитали и ни въ чемъ не оскорбляли.

Но какъ Римскій народъ въ Азіи воевать на́чалъ; то тотчасъ добрые Римскіе обычаи ослабѣли, по сей сирѣчь причинѣ; что, понеже, за упадкомъ премногаго воинства на брани, нужно было городу дѣторожденіе; Римляне уставили законъ, дабы всѣ юноши, дѣвицы, вдовы, вдовцы, свободные, и рабы въ бракъ вступали, и какая старѣйшимъ до толѣ честь отдавалась, такая пото́мъ женатымъ, хотя и младщимъ была отдаваема. И такъ вящшая честь не тому, кто отрожденія больше лѣтъ, но кто больше дѣтей имѣлъ, выражалась. Сей законъ за немногіе годы прежде первой Пинской брани, которую Римляне съ Карѳагенцами производили, изданъ; и продолжалось оное обыкновеніе, чтобъ женатые предъ стариками въ чести первенство имѣли, даже до Августа, который толико ненавидѣлъ новости, что стѣны городскія новыми камнями починилъ, а въ общество всѣ добрые древніе обычаи аки правомъ войны возвратилъ.

Ликургъ въ законахъ, данныхъ Лакедемонянамъ, предписалъ, чтобъ старикамъ мимоидущіе юноши всякое почтеніе выражали; чтобъ гдѣ ни говорили старики, тамъ молчали юноши; чтобъ, ежели по случаю старикъ лишась имѣнія впадетъ въ крайнее убожество, пи-

питаемъ былъ публичнымъ коштомъ, да еще такъ, чтобы не токмо нужнаго прокормленія ему было довольно; но и со излишествомъ оставалось.

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что Катонъ Ценсоринъ, осматривая предѣлы города, нашелъ внѣ дому у воротъ старика всхлипывающаго, и изобильныя слезы изъ глазъ проливающаго, который будучи вопрошенъ отъ Катона: „Какое ему несчастіе приключилось и для чего онъ толь горько пла„четъ? отвѣтствовалъ: Боги тебя, Ка„тонъ, во всѣхъ злоключеніяхъ да утѣшатъ, „что ты въ толь печальное мое время меня „утѣшилъ! Ибо утѣшенія духа, о чемъ и „ты извѣстенъ, суть такъ какъ лѣкарст„ва тѣла, кои, благовременно прилагаемыя „здравіе возвращаютъ, неблаговременно же у„потребляемыя болѣзнь умножаютъ. Поелику „ты человѣкъ разумной, и притомъ видишь „ру́ки мои на подобіе граблей искорченныя, „но́ги опухлыя, ротъ беззубой, лице сморщен„ное, бороду сѣдую, голову плешивую; то „могъ бы оставить трудъ моего вопрошенія, „для чего пла́чу. Ибо находящіеся въ тако„выхъ лѣтахъ, въ каковыхъ я нынѣ нахо„жусь, хотя по причинѣ малаго достатка, „которой имѣютъ, не плачутъ; по причинѣ „многаго времени, которое живутъ, не пре„рывно плакать и воздыхать должны „.

„Ибо кто лѣтами обремененъ, болѣзнь„ми измученъ, отъ непріятелей оскорбленъ, „отъ друговъ забвенію преданъ, отъ несча-

„ стій утѣсненъ, ненавистію и нищетою о-
„ круженъ; не вѣдаю, для чего бы тотъ же-
„ лалъ долгой жизни. Понеже ничемъ свирѣ-
„ пѣе учиненныхъ нами грѣховъ, боги от-
„ мстить не могутъ; какъ множествомъ и дол-
„ готою лѣтъ, кои намъ даруютъ. Ежели
„ бы я, какъ нынѣ старъ, такъ былъ мо-
„ лодъ, и получилъ отъ юноши обиду; то не-
„ смерти, но долгой жизни ему отъ боговъ
„ просилъ бы. Ибо тому, кто долго живетъ,
„ тягостно слышать о прешедшемъ „.

„ Вѣдай, Катонъ, что я живу семдесятъ
„ седмый годъ, и въ сіе разстояніе времени
„ отца, мать, и одну бабушку, двухъ те-
„ токъ, пятерыхъ дядей, потомъ девяте-
„ рыхъ сестръ, и одиннатцатерыхъ братьевъ,
„ такожъ трехъ женъ, и пятерыхъ служа-
„ нокъ, коими я веселился, сверьхъ того че-
„ тырнатцатерыхъ дочерей уже взрослыхъ,
„ и семерыхъ замужнихъ похоронилъ; и какъ
„ еще смерть не насытилась, тритцать семь
„ внуковъ, и пятнатцатерыхъ внучекъ по-
„ гребенію предалъ: всего же печальнѣе, предалъ
„ гробу друговъ, изъ которыхъ одинъ обиталъ
„ въ Капуѣ; а другой имѣлъ жилище здѣсь въ
„ Римѣ: коихъ смерть огорчительнѣе мнѣ
„ была, нежели всея фамиліи и кровныхъ
„ родственниковъ кончина. Ибо нѣтъ тяжчай-
„ шей утраты въ свѣтѣ, какъ потерять то-
„ го, котораго сердечно любилъ, и отъ ко-
„ его сами искренно любимы бываемъ „.

„ Когда же долженствовала свирѣпая судь-
„ ба довольною быть, что толиками домъ мой

„ бѣд-

„ бѣдствіями обогатила; то вмѣсто того аки „ въ довершеніе прибавила къ прочимъ и сіе, что „ и внука мнѣ проклятаго, дабы оный, на„ слѣдникомъ имѣнія былъ, и самаго меня „ оставила, дабы я несчастную жизнь мою „ оплакивалъ. И для того я свидѣтельству„ юсь тобою, и именемъ безсмертныхъ бо„ говъ тебя прошу, Катонъ, поелику ты и „ гражданинъ отмѣнныя добродѣтели, и пра„ ведный судія народа, сдѣлать одно изъ „ сихъ: то есть, чтобъ или внукъ оный мнѣ „ повиновался и служилъ, или я такъ наи„ скоряе жизни лишенъ былъ. Ибо нѣтъ ни„ чего горестнѣе мнѣ, какъ подверженнымъ „ быть гоненію живыхъ, когда я ужѐ сорокъ „ второй годъ погружаюсь въ единственномъ „ оплакиваніи мертвыхъ„.

„ Катонъ выслушавъ жалобу старикову, „ когда по распросѣ и испытаніи нашелъ, „ что онъ доноситъ правду: призвалъ къ себѣ „ юношу, и говорилъ ему слѣдующимъ обра„ зомъ: Ежели бы ты, сынъ, наблюдалъ свое „ званіе; то и меня отъ соболѣзнованія, и „ самаго себя отъ печали избавилъ бы. Но „ понеже сіе дѣло такъ въ самой вещи есть; „ то терпѣливно все, чтобы я ни повелѣлъ „ прими, и безъ сомнѣнія себя увѣрь, что я „ ничего правосудію противнаго не опредѣлю. „ Ибо юношамъ такимъ, какъ ты, беззакон„ нымъ, больше учиненныхъ злодѣйствъ сты„ диться, нежели объ опредѣленномъ наказаніи „ сѣтовать должно. И такъ вопервыхъ пове„ лѣваю публично сѣчь тебя розгами, понеже

„ въ

„ вЪ глупости и нечистотѢ содержишь дѢда:
„ во вторыхЪ повелѢваю, отправить тебя вЪ
„ дальные отЪ города предѢлы вЪ заточеніе,
„ понеже ты юноша порочный; напослѢдокЪ
„ повелѢваю лишить тебя наслѢдства всѢхЪ, кои
„ получилЪ, имѢній, понеже дѢду не повинуешся. Причина же сего толь строгаго осужденія
„ есть та, чтобЪ какЪ впредь юноши не дерзали
„ быть противу стариковЪ неучтивыми и непослушными; такЪ и нынѢ тѢ, коимЪ богатое досталось наслѢдство, не думали,
„ что они имѢютЪ вольность быть другихЪ
„ беззаконнѢйшими „.

ФаларидЪ кЪ нѢкоторому другу старику пишетЪ сіи слова, Философу паче, нежели тиранну приличныя: „ И удивительно и огорчительно мнѢ, другЪ ВертЪ, что ты будучи лѢтами старЪ, дѢйствіями подобишся
„ младому юношѢ. Хотя же я не скорблю,
„ что честь твоя умаляется вЪ училищахЪ.
„ Однако весьма соболѢзную, когда помышляю, что по причинѢ твоей старики преимущество, какое вЪ Греціи имѢть обыкли,
„ потеряютЪ: сирѢчь, что всѢ разбойники,
„ воры, клятвопреступники, и человѢкоубійцы
„ безопаснѢе были, когда прикасались кЪ сѢдинѢ стариковЪ, нежели когда прибѢгали кЪ
„ жертвенникамЪ храмовЪ „. АхЪ, коликой добродѢтели, коликой непорочности, коликой мудрости, коликому благочинію, и коликому незлобію стариковЪ вЪ древніе вѢки быть надлежало; естьли у РимлянЪ на подобіе боговЪ

„ ихЪ

ихъ почитали, и въ Греціи сѣдины ихъ такъ, какъ храмы, вмѣсто убѣжищъ имѣли.

Плиній къ Фабату въ письмѣ повѣствуетъ, что нѣкоторый Философъ Пирру Епирскому Царю, въ коего свитѣ находился, на вопросъ: „Какой городъ въ свѣтѣ есть наилучшій; отвѣтствовалъ, наилучшій городъ „въ свѣтѣ Молерда, который былъ мѣстечкомъ Ахейскимъ о двухъ стахъ дымовъ. „Ибо стѣны его изъ черныхъ камней составлены; а правительства сѣдыми головами „украшены. Потомъ примолвилъ: горе Риму! горе Карѳагену! горе Нумантіи! горе „Аѳинамъ! горе Александріи! кои пять городовъ наилучшими во всѣмъ свѣтѣ быть „мнятся: однакожъ я противное сему разсуждаю. Ибо они похваляясь, что имѣютъ „бѣлыя стѣны; не стыдятся, что видятъ „въ Сенатѣ младолѣтныхъ Сенаторовъ„. Весьма изрядно сказалъ Философъ, и я думаю, не сыщется никто, ктобы въ семъ со мною согласенъ не былъ. Отъ имени Сенексъ, коимъ означается старый или многолѣтный, производится названіе Сенаторовъ, каковымъ въ Римѣ правительствовавшіе Магистратами нарицалися. Ибо Ромулъ первый Король сто стариковъ избралъ къ правленію общества, а прочее юношество все опредѣлилъ къ войнской службѣ.

По изъясненіи, какая честь старикамъ въ древніе вѣки была выражаема, самая вещь требуетъ сказать, въ которомъ году житія за стариковъ почитались, дабы старческою честію могли пользоваться. Ибо законодавцы

какъ почести, кои старикамъ выражать, положили; такъ и съ котораго дня и года оные начинать, ограничили.

Многие изъ древнихъ Философовъ съ того времени, въ которое кто рождается, доколѣ умретъ, шесть возрастовъ положили; сирѣчь, младенчество, которое до седьмаго; отрочество, которое до седьмагонадесять; юношество, которое до тридесятаго; мужество, которое до четыредесятаго; старость, которая до семдесять осьмаго года; и престарѣлость, которая даже до смерти продолжается. И такъ старикомъ называли съ того времени, когда исполнилось кому сорокъ лѣтъ. А. Геллій книги десятой въ главѣ двадцать осьмой повѣствуетъ, что Серьій Туллій Король Римскій, сдѣлалъ переписки для свѣдѣнія о числѣ старыхъ и молодыхъ въ народѣ: и когда о томъ, кому отроками, юношами или стариками называться должно, не малой между Римскими Философами быхъ споръ; то напослѣдокъ отъ Короля и Сената опредѣлено, чтобъ тѣ, кои были меньше семнатцати лѣтъ, отроками считались; съ того же времени даже до сорокъ шестаго года юношами, а свыше онаго стариками нарицались. И такъ ежели достойно хранить Римскіе законы, знаемъ уже мы теперь, съ котораго времени мущинъ за стариковъ вмѣнять и почитать долженствуемъ.

Впрочемъ, нужно и старикамъ знать, къ какому благочинію, и къ какимъ добродѣтелямъ они обязаны, дабы по достоинству, и нелицемѣрно почитаемы были. Ибо, еже-

ли

ли правду сказать желаемъ, когда обязанности между собой сравнятся; больше къ добродѣтели старики, нежели къ повиновенію юноши суть обязаны. Никто не воспротиворѣчитъ, что изъ всѣхъ чиновъ и состояній, и изъ всѣхъ народовъ, первые и послѣдніе, старые и младые къ храненію добродѣтели обязаны. Однакожъ другихъ въ семъ случаѣ вящшая есть винность. Ибо ежели юноша погрѣшаетъ, отъ недостатка искусства; естьли же старикъ погрѣшаетъ, отъ избытка злобы часто происходитъ.

Сенека въ нѣкоторомъ письмѣ говоритъ: „Вѣдай, любезный Луцилій, что я весьма „негодую и жалуюсь не на друга или врага; „но на самаго себя; и сіе по той причинѣ, „понеже я себя лѣтами стараго вижу, а пороками младаго юношу быть чувствую; такъ „что очень малое есть то служеніе, которое „я отдалъ богамъ; и еще гораздо меньшая „польза, которую принесъ человѣкамъ. Кто „старикомъ себя величаетъ, продолжалъ онъ, „и старческой чести желаетъ, тотъ въ пищѣ умѣренъ, во одѣяніи скроменъ, въ питіи трезвъ, въ словахъ справедливъ, въ совѣтахъ благоразуменъ; и наконецъ въ печаляхъ, коими утѣсняется, терпѣливъ; и „отъ пороковъ, коими искушается, весьма „чистъ быть долженствуетъ „. По истиннѣ, великую похвалу заслуживаетъ Сенека, сіи слова произносящій: но вящшую заслужатъ старики, ежели дѣйствія своихъ по онымъ исправлять будутъ. Понеже естьли бы мы

ста-

стариковъ непричастныхъ противнымъ порокамъ, и украшенныхъ сими добродѣтелями увидѣли; конечно, оставя имъ повиноваться, началъ ихъ обожать.

ГЛАВА 20.

Авторъ увѣщаваетъ Великихъ Государей и Князей, дабы они ужѐ старѣясь, въ пищѣ умѣренны, въ питіи тверды, во одѣяніи скромны, и паче всего въ словахъ справедливы были.

И такъ по правилу Сенеки, старикамъ въ пищѣ весьма умѣренными быть должно, не токмо для сбереженія чести; но и для сохраненія жизни. Ибо прожорливые и ненасытные старики какъ собственнымъ болѣзнямъ, такъ и постороннихъ людей предосужденіямъ подвержены. То, что кушать старики имѣютъ (о благородныхъ и добродѣтельныхъ особахъ говорю) чисто и хорошо приготовляемо: и паче всего въ удобное и приличное время предлагаемо быть должно, въ противномъ же случаѣ и многое и многихъ вещей ядѣніе юношамъ болѣзни, а старикамъ смерть приключаетъ. И естьли юноши не весьма чисто, много и жадно, и говоря ядѣтъ; не можемъ мы имъ не смолчать; но ежели старики много, ежели нечисто, ежели скороспѣшно, наконецъ ежели болтая ѣдятъ, по достоинству заслуживаютъ отъ насъ порицаніе.

нїе. Ибо неменьшую важность должны употреблять старики кушая за столомъ, аки бы сидѣли они въ судебномъ мѣстѣ, подавая голосà за зерцаломъ.

Нѣтъ намѣренія моего совѣтовать старикамъ слабымъ, чтобы мало ѣли; но увѣщавать ихъ, чтобы не больше, какъ надобно, кушали. Мы не запрещаемъ имъ изрядныхъ кушаньевъ; но увѣщаваемъ, остерегаться излишнихъ: мы не совѣтуемъ, чтобъ они отъ той пищи, которой необходимость требуетъ, воздержались; но чтобъ отъ всякой неумѣренности убѣгали. Ибо старикамъ, хотя даже до сытости наѣдаться позволено; однако даже до рвоты нажираться весьма срамно и предосудительно.

Истинно, я стыжусь писанія, но многїе больше стыдитьсябъ должны самаго дѣла; сирѣчь, кои богатство отъ себя прїобрѣтенное, или отъ предковъ въ наслѣдство полученное, прожорствомъ и пьянствомъ все иждили, такъ что ни дому не выстроили, ни винограднаго саду не купили, ни дочери въ замужство не отдали; но по наступленіи старости, бѣдненькія дочери по карчмамъ и трактирамъ, а нищїе родители по богодѣльнямъ и церьквамъ шатаются. Ежели кто приходитъ въ нищету по той причинѣ, что или домъ пожаромъ сгорѣлъ, или корабль въ морѣ потонулъ, или чрезъ тяжбы имѣнїе утратилъ, или на ссору съ врагомъ великія иждивенія положилъ, или другой несчастной случай претерпѣлъ: всѣ, кажется, обязаны ему по-

 мо-

могать, и всякой не безъ крайняго огорченія и соболѣзнованія на такого можетъ взирать. Но кто имѣніе свое дѣланіемъ великолѣпнѣйшихъ одеждъ, изыскиваніемъ дражайшихъ напитковъ, и ядѣніемъ коштовнѣйшихъ пищей расточилъ; такого терпимое имъ убожество весьма справедливо обременяетъ, и, по моему мнѣнію, такой всякихъ укоризнъ достойнѣйшимъ бываетъ. Ибо всѣхъ печалей печаль есть лютѣйшая, ежели кто тѣ, кои терпитъ несчастія, самъ себѣ возпричинствовалъ.

Во вторыхъ, по совѣту Сенеки, должно наблюдать старикамъ не токмо въ пищѣ умѣренность, но и въ питіи трезвость; и сіе какъ для сохраненія здравія, такъ и для соблюденія чести и достоинства. Ибо естьли вѣримъ древнимъ врачамъ, больше ослабѣваютъ, и въ безсиліе приходятъ человѣческія тѣла̀ отъ неумѣреннаго питья, нежели отъ излишней пищи. Ежели бы я старикамъ совѣтовалъ отъ употребленія вина воздержаться; то моглибъ они тотъ совѣтъ назвать не Христіянскимъ. Но пускай и заподлинно положимъ, что они его пить должны, и ничьею властію воздерживаться отъ него не обязаны: однакожъ я ихъ увѣщаваю, прошу и молю, дабы и не многое количествомъ, и весьма смягченное раствореніемъ пили. Ибо излишнее и неумѣренное питье юношъ только пьяными а стариковъ и пьяными и глупыми дѣлаетъ. Ахъ коликой чести и важности ущербъ претерпѣваютъ почтенные и старые мужи, кои въ питіи не воздержны!

что изъ того явственно, понеже человѣкъ, виномъ упоенный, хотя бы всѣхъ въ свѣтѣ превосходилъ мудростію, безуменъ былъ бы тотъ, кто бы въ совѣтъ его употребилъ.

Плутархъ въ книгѣ о счастіи Римлянъ повѣствуетъ, что нѣкоторый старикъ въ Сенатѣ Римскомъ громко кричалъ, якобы толикую отъ юноши понесъ обиду, что оный за сказанныя ему укорительныя слова достоинъ былъ смертной казни. Когда же призвали юношу для оправданія въ томъ, что говорилъ: то оный отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: „Хотя я вамъ, высокопо-„чтенные Сенаторы, кажусь юношею; одна-„ко я не столько молодъ, чтобъ не зналъ „сего старика отца, который былъ гражда-„нинъ весьма добродѣтельный, и кровнымъ „родствомъ мнѣ сопряженный. Видя же я, „что отецъ его и богатство и славу воен-„ными подвигами пріобрѣлъ; а сей старикъ „прожорствомъ и питьемъ все имѣніе расто-„чаетъ, нѣкоторымъ днемъ такъ его увѣ-„щевалъ:

„Весьма соболѣзную я, господинъ свой-„ственникъ, слыша, что противъ чести твоей „ей говорится въ народѣ; но гораздо вящше „соболѣзную, видя, что дѣлается въ твоемъ „домѣ; сирѣчь, что въ столовой залѣ, гдѣ „прежде пятьдесятъ человѣкъ за одинъ часъ „вооружалися, теперь сто шутовъ и тунеяд-„цовъ повседневно пьяные шумствуютъ, и „что хуждшее; какъ отецъ твой приходя-„щимъ въ домъ его знамена, на войнѣ имъ

„ взятыя, показывалъ, такъ ты нынѣ вхо-
„ дящимъ въ домъ сто бочекъ вина показы-
„ ваешь. Жаловался на меня мой свойствен-
„ никъ; но я въ семъ случаѣ могу судіею из-
„ брать самого того, который на меня доно-
„ ситъ. И даруй боги, чтобъ не жесточай-
„ шаго онъ за дѣлà, нежели я за словà, на-
„ казанія былъ достоинъ! который, ежелибъ
„ былъ разуменъ, увѣщаніе, произшедшее
„ отъ меня на единѣ, принялъ бы за благо,
„ и срамныхъ своихъ дѣлъ не восхотѣлъ бы
„ быть проповѣдникомъ въ Сенатѣ „.

Сенатъ выслушавъ жалобу старика и опрявданіе юноши, такой учинилъ приговоръ: „ Чтобъ у старика отнять право своего до„ мостроительства, приставя опекуна, кото„ рый бы и самимъ имъ и фамиліею его у„ правлялъ, и сверьхъ того повелѣлъ опеку„ ну, чтобы не давалъ ему ни капли вина, „ поелику онъ пьянствомъ себя опорочилъ „: которое Сенатское осужденіе было весьма справедливое. Ибо пьяному старику учитель не меньше, какъ отроку; и опекунъ не меньше, какъ безумному, потребенъ.

Лаерцій написалъ книгу о Философскихъ пиршествахъ, гдѣ повѣствуетъ нѣкоторые древніе пиры, на коихъ собирались славные Философы для трапезы. Хотя же пищи простыя; однако гости премудрые были. Ибо они не для пированія сходились; но для того, чтобъ о какомъ нибудь важномъ пунктѣ ученія, о которомъ между Философами былъ споръ, положить нѣчто основательное. Понеже

неже въ то время, за множествомъ Стоиковъ и множествомъ Перипатетиковъ, Философы на разныя секты раздѣлены были. Колико кратно же пировали Философы, по истиннѣ ни яденіемъ, ни питьемъ не преступали мѣры; но происходило между учителями и учениками, между юношами и стариками пріятное словопрѣніе; сирѣчь, кто изъ нихъ нѣкоторую тайну Философіи, или нѣкоторое тонкое и важное мнѣніе собранію предложитъ.

О блаженные пиры! о блаженные пирователи! Но увы! нѣтъ теперь ни пировъ ни гостей прежнимъ онымъ подобныхъ. Ибо нынѣ пиры учреждаются не отъ Философовъ, но отъ пьяницъ и мотовъ; не для словопрѣнія, но для ссоры и брани; не для истолкованія сомнительныхъ вещей, но для хуленія чужихъ житій; не для утвержденія старыхъ дружбъ, но для начатія новыхъ враждъ; не для познанія нѣкотораго ученія, но для отвѣданія нѣжной пищи: и что хуждшее, ежели когда при столѣ старики съ юношами спорятъ; споръ ихъ бываетъ не о томъ, кто важнѣйшія скажетъ мнѣнія; но кто множайшіе и огромнѣйшіе выпьетъ стаканы.

Павелъ Діаконъ въ Лонгобардской исторіи повѣствуетъ, что четыре старые Лонгобарды приготовили пиръ, на которомъ другъ до дружки за лѣта̀, столько имѣли отъ рожденія, пили такимъ образомъ: Два соперника расположились противъ двоихъ, и изчисливши каждаго лѣта̀, чтобъ всякъ столько стакановъ выпилъ, сколько имѣетъ лѣтъ тотъ, съ которымъ спорилъ. А

 какъ

какъ изъ гостей самый меньшій былъ пятидесяти осьми, вторый отъ него шестидесяти трехъ, ближній подлѣ него осьмидесяти шести, а послѣдній девяноста двухъ лѣтъ: то мало ли или много на томъ пирѣ они ѣли, не знаю; но только сіе заподлинно извѣстно, что который пилъ наименьше, пятьдесятъ восемь стакановъ вина выпилъ. Сіе злое обыкновеніе Готѳамъ подало причину предписать законъ, которой многіе читали, но рѣдкіе разумѣли, сирѣчь: „Ежели кто изъ „стариковъ къ другому при столѣ за лѣта „свои пить станетъ, такой смертію казненъ да будетъ„. Сдѣланожъ сіе для того, понеже большее число они стакановъ вина пили, нежели кусковъ хлѣба ѣли. Чего ради Великимъ Государямъ и Князьямъ, когда уже состарѣлися, въ питіи весьма воздержными быть надлежитъ; естьли только желаютъ они отъ юнѣйшихъ нелицемѣрнаго почтенія. Ибо, ежели справедливо, а притомъ и вольно сказать, побѣжденному виномъ старику больше надобенъ юноша, для того, чтобъ на раменахъ своихъ въ домъ его отнесъ, нежели чтобъ снявши шляпу учтиво къ нему говорилъ.

Сверьхъ того пускай смотрятъ Великіе Государи и Князи, чтобъ, когда уже старѣются, во одѣяніи не опорочили себя именемъ юношескаго легкомыслія. Ибо хотя они нося великолѣпное и модное платье, ни богатѣйшимъ, ни скуднѣйшимъ общества не дѣлаютъ; однако никто не оспоритъ, что сія

скро-

скромность къ собственному ихъ достоинству и чести премного касательна и полезна. Понеже различіе и модность одеждъ, есть великимъ доказательствомъ легкомыслія.

Что къ различію возрастовъ надлежитъ принаравливать и различіе одеждъ, явственно есть изъ того; понеже иной образъ одѣянія дѣвицы, иной замужнія жёны, и иной вдовы употребляютъ. Равнымъ образомъ, по моему мнѣнію, надлежитъ быть иному одѣянію отроковъ, иному юношъ, и иному стариковъ; и сему послѣднему всѣхъ скромнѣйшему и постояннѣйшему быть должно. Ибо мужамъ, имѣющимъ ужѐ голову покрытую сѣдинами, не въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, но въ честныхъ дѣйствіяхъ достоинство полагать приличествуетъ. Мы не запрещаемъ, чтобъ старики, а наипаче высоковластные и знаменитые, чисто или хорошо одѣтые, или съ честнымъ провожаніемъ слугъ не ходили; но говоримъ, что презъ чуръ чистое щегольствомъ, украшенное златошвействомъ, великолѣпное видомъ, модное манеромъ, и паче всего удивительное различіемъ пестротъ одѣяніе токмо однимъ глупымъ (не въ обиду и съ позволенія стариковъ говорю) юношамъ свойственно. И такъ, одно есть доказательствомъ честности, а другое знакомъ легкомыслія.

Срамно говорить, но гораздобъ срамнѣе дѣлать, что нерѣдкіе старики въ нашемъ вѣкѣ премного труда и попеченія полагаютъ, украшая сѣтками голову, брѣя повседневно

 бо-

бороду, сыскивая притворные желтые волосы, вѣшая на шеѣ складки и ожерелья, застегивая золотыми петлями шапки, вымышляя часто новые роды прикрасъ, обременяя драгоцѣнными кольцами персты, нюхая благовонныя ароматы, и изобрѣтая новыя платьевъ моды. Напослѣдокъ говорю; что хотя лице ихъ морщиноватѣе изюмной ягоды; однако не могутъ они ни единаго на кафтанѣ терпѣть сгиба и морщины.

Многіе Историки порицаютъ К. Гортенсія, что онъ, дабы хорошо одѣтымъ выти, смотрѣлся въ зеркалѣ; гдѣ взирая на себя такъ принаравливалъ къ тѣлу кафтанъ, что не случайные, но нарочнымъ пристегиваніемъ сдѣланные сгибы наономъ были. Сей нѣкогда во время своего Консульства идучи по щогольски одѣтъ, позвалъ товарища за обиду въ судъ, что оный встрѣтясь съ нимъ въ тѣсномъ переулкѣ, случайною ошибкою стройность одѣянія испортилъ, и судилъ достойнымъ быть смертной казни за то, что на рамѣ его сгибъ тропулъ съ мѣста, какъ Макровій книги третьей о Сатурн, вѣк. во второй надесять главѣ повѣствуетъ.

Или я обманываюсь, или могу сказать, что все оное излишнее попеченіе, которое прилагаютъ старики, чтобъ цвѣтно, модно, великолѣпно, уборно, чисто и опрятно ходить, не къ иному чему либо простирается, какъ точію къ тому, что они, кажется, старость ложью обличаютъ, и право на юность себѣ присвояютъ. Что не достойнѣе, какъ видѣть премно-

многихъ стариковъ, по подобію смоквъ зрѣлости ради упадающихъ? Что напротивъ того удивительнѣе, какъ видѣть ихъ, младолѣтными юношами себя дѣлающихъ? И такъ ежечасто приходитъ мнѣ на мысль желать, дабы они пороки, коими изобилуютъ, а не лѣта, кои имѣютъ, ненавидѣли и отметали. По сей причинѣ я Великихъ Государей и Князей, коимъ по Божіему благоволенію случилось достигнуть старости, прошу и увѣщаваю, дабы они не стыдилися, и собою не гнушалися, что лѣтами стары. Ибо, правду сказать, кто не охотно казаться старикомъ желаетъ, тотъ свободно въ юношескихъ легкомысліяхъ жизнь провождаетъ. Сверьхъ того съ прилѣжаніемъ должны наблюдать почтенные мужи, чтобы, когда состарѣются, не были къ другамъ не искренными; но старались какъ отъ друговъ, какъ и отъ враговъ признаваемы быть за справедливыхъ. Ибо ложь въ устахъ юности ничто иное есть, какъ токмо ложь; въ устахъ же старческихъ есть лютѣйшая клевета. Великіе Государи и Князи, а наипаче когда достигли старости, инако въ дяніи, и инако въ словопроизношеніи пускай поступаютъ. Понеже добрымъ Государямъ слова̀ на вѣсъ продавать; а щедроты безъ мѣры изливать приличествуетъ.

Часто жалуются старики, что сообщеніемъ ихъ гнушаются младые юноши. Но естьли въ семъ какая погрѣшность бываетъ; то оная большею частію имъ принадлежитъ. Ибо ежели когда для свиданія и препровожденія времени

собираются, и по случаю болтливый старикЪ началЪ сказывать нѣкоторую басню; не знаетЪ повѣствованію своему конца и мѣры, такЪ что иногда разумный человѣкЪ лучше пѣшкомЪ шесть миль итти, нежели три часа болтливаго старика слушать желаетЪ. Естьли же мы толь прилѣжно совѣтовали старикамЪ быть во одѣяніи скромными; то никогда не дадимЪ воли имЪ, быть вЪ словопроизношеніи развратными. Ибо премного разнствуетЪ, излишнею заботою вЪ платьѣ, и злословіемЪ вЪ рѣчахЪ быть опорочену. Потому что ношеніе драгоцѣнныхЪ одеждЪ рѣдкихЪ повреждаетЪ; а произношеніе укорительныхЪ словЪ премногихЪ досадою уязвляетЪ.

МакровійвЪ первой книгѣ на сонЪ СципіоновЪ, воспоминаетЪ Философа Критона, который жилЪ сто пять лѣтЪ, и даже до пятидесятаго года былЪ вовсе злыхЪ и развратныхЪ нравовЪ. Но по обремененіи уже лѣтЪ, толико вЪ пищѣ и питіи былЪ воздерженЪ, и вЪ словахЪ остороженЪ и скроменЪ, что никакого и никогда не видѣли за нимЪ предосудительнаго дѣла, и никакого никогда не слышали отЪ него порицанія достойнаго слова. По сему примѣру многимЪ бы мы дали волю до пятидесятаго года быть младолѣтными юношами, токмо чтобы послѣ они такЪ какЪ старики одѣвались, такЪ какЪ старики ходили, такЪ какЪ старики говорили, и тѣмЪ, что они старики, довольны были. Но увы! вся весна вЪ цвѣтахЪ, и вЪ самомЪ начинаніи (такЪ сказать) зрѣнія ягодЪ

про-

проходитЪ; и потомЪ прежде зрѣлости кЪ собиранію, гнилые и смрадные во гробы упадаютЪ.

Жалуются также старики, что молодые ихЪ не совѣтуются; но легкое есть оправданіе, понеже они вЪ разговорѣ черезЪ чурЪ скучны и досадны. Ибо ежели какого старика совѣтуются о нѣкоторомЪ дѣлѣ, тотчасЪ гремѣть и повѣствовать начинаетЪ: За жизни такого та, или такого та блаженныя памяти Царя или Князя, то или то дѣлалось; то или то учреждено. ТакимЪ образомЪ сирѣчь, когда юноша совѣта проситЪ, какЪ должно поступать сЪ живыми; старикЪ начинаетЪ ему повѣствовать житіе всѣхЪ мертвыхЪ. Причиною же болтливости вЪ старикахЪ есть сіе, что, поелику они ужѐ за старостію ни видѣть, ни ѣсть, ни спать не могутЪ; которое время тѣлесные уды вЪ отправленіи своихЪ должностей упражняться обыкли, то самое языкомЪ вЪ воспоминаніи прошедшихЪ временЪ провождать желаютЪ. И такЪ не остается ничего инаго сказать, кромѣ что довольны бы мы были, ежели бы старики, какЪ плоть истощенную трудами имѣютЪ, такЪ языкЪ свой утомленной рѣчами имѣли.

Хотя же вообще мерзско много говорить, и сверьхЪ того весьма злопримѣрно и соблазнительно правды не наблюдать; гораздо однакожЪ гнуснѣйшій есть сей порокЪ вЪ состарѣвшихЪ ГосударяхЪ, и другихЪ знаменитыхЪ особахЪ, коихЪ званіе не точію правду любить, но и враговЪ ея наказывать повелѣваетЪ.

ваетъ. Въ противномъ же случаѣ не мало почтенія знаменитыхъ и высоковластныхъ мужей убудетъ; естьли на головахъ ихъ ничего, кромѣ сѣдинъ, не является, и вопреки на языкахъ ничего, кромѣ лжи и клеветъ, не обрѣтается.

ГЛАВА 21.

Письмо М. Аврелія Императора къ Клавдію и Клавдикѣ, которыхъ жестоко укоряетъ, что они будучи стары лѣтами, живутъ на подобіе младыхъ юношъ.

„ Маркъ Императоръ Римскій, рожденный на Целійской горѣ, Клавдію и Клавдикѣ супругамъ, гражданамъ, и сосѣдямъ своимъ здравія, и жизни исправленія желаетъ.

„ Между тѣмъ временемъ, какъ я отсутствую въ Азіатскомъ походѣ, и вы всегда сѣдите въ Римѣ, хотя мы не скоро оттуда новыя вѣсти получаемъ; а равнымъ образомъ думаемъ, что не меньше поздо и туда письма наши приходятъ: однако чрезъ всѣхъ отъѣзжающихъ я обыкновенно къ вамъ поздравенія посылаю, и всѣхъ пріѣзжающихъ о вашемъ здравіи и поведеніи спрашиваю. Въ коликой же и сколь истинной любви я васъ содержу, о томъ не иными, какъ точію собственными вашими сердцами свидѣтельствуюсь, кои буде почитаютъ меня не

„ искре-

,, искреннимъ другомъ, я осужденіе сіе признаваю за справедливое.

,, Естьли паче чаянія сердце ваше признается, что я васъ люблю, когда въ самомъ дѣлѣ ненавижу; или умышляетъ, что я васъ ненавижу, когда въ самой вещи люблю, по истиннѣ такое сердце я вырвавши изъ утробы, повергъ бы лютымъ звѣрямъ на пожреніе: ибо нѣтъ вреднѣйшаго обмана, какъ ежели кто самъ себя обманываетъ. Ежели обманываетъ меня чужестранецъ, то должно скрывать; ежели врагъ, то должно спасительныхъ средствъ искать; ежели я самъ себя обманываю, то какая ужѐ тутъ остается отрада и утѣха? Ибо никакое терпѣніе снесть не можетъ, когда въ нѣкоторой вещи обманывается сердце, по той причинѣ, что не прилѣжно оную разсмотрѣло, и несовершенно проникнуло.

,, Естьли же паче надежды вы меня спатете винить, что я объ васъ не печалюсь, и нижѐ единаго письма къ вамъ чрезъ толикое время не прислалъ; то въ такомъ случаѣ отвѣтствую, что не на лѣность мою, но отъ части на дальнее разстояніе мѣстъ, а отъ части на великое множество дѣлъ, коими Азія насъ обременяетъ, вину возлагать должно: ибо кромѣ прочихъ вредностей, война и сіе зло имѣетъ, что сладкаго зрѣнія отечества насъ лишаетъ. Истинно, я всегда вашимъ другомъ и пріятелемъ быть желалъ, да и нынѣ никому больше не благопріятствую, какъ вамъ: и какъ вы

,, во

„ во мнѣ по желанію вашему всегда непремѣн-
„ ную дружбу испытали, такъ и я въ васъ всегда
„ равное доброхотство искусилъ. Ибо я никогда
„ и никого не видалъ, который бы столько имѣлъ
„ богатства, силы, знанія, и наконецъ толи-
„ кимъ одаренъ былъ могуществомъ, чтобъ
„ временемъ не востребовалъ подпоры вѣрныхъ
„ друговъ.

„ Божественный Платонъ говорилъ, да и
„ въ самой вещи весьма справедливо, что, кто
„ искреннимъ сердцемъ друга любитъ, тотъ
„ ни въ отсутствіи его не забываетъ, ни въ
„ присутствіи не презираетъ, ни въ счастіи
„ участникомъ быть не жадничаетъ, ни въ
„ нещастіи не оставляетъ; ни для собствен-
„ ной прибыли услуги не дѣлаетъ, ниже для
„ своей корысти услуги любитъ; наконецъ
„ дружескую пользу и имѣніе не иначе, какъ
„ собственныя вещи и самаго себя охраняетъ.

„ Для чего же друговъ снискивать должно,
„ о томъ разныя были древнихъ Философовъ
„ мнѣнія; но большая часть для четырехъ
„ только причинъ избираніе друговъ положили.

„ Первое, надобно имѣть друговъ, для
„ пріятнаго съ ними житія и обращенія. Ибо
„ въ различныхъ претыканіяхъ и горестяхъ
„ сея жизни, никакое время пріятнѣе не про-
„ вождается, какъ то, которое иждивается
„ въ обхожденіи съ вѣрнымъ другомъ.

„ Второе, для открыванія имъ своихъ
„ мыслей и печалей. Ибо наивящшее есть у-
„ тѣшеніе прискорбному сердцу, объявлять

„ дру-

„ другу свои бѣдствія, и видѣть его не лицемѣрнымъ участникомъ оныхъ.

„ Третіе, должно искать и избирать друговъ, дабы они были помощниками въ несчастіяхъ нашихъ. Ибо мало пользы сердцу, ежели открываемое мною бѣдствіе другъ со слезами слушая, послѣ для вспомоществованія моего ниже съ мѣста ноги не трогаетъ.

„ Четвертое и послѣднее, должно искать и содержать друговъ, дабы они не токмо имѣнія наши охраняли, но и погрѣшности исправляли. Ибо истиннаго друга долгъ есть, не меньше отъ пороковъ, кои меня обезславляютъ, отвлекать; какъ и отъ непріятелей, кои умерщвляютъ, защищать.

„ Сказанныя обстоятельства изчислилъ я на тотъ конецъ, дабы вы достоинство и честь мою защищали, равнымъ образомъ и чтобъ, ежели найдете въ семъ письмѣ грубое и жестокое слово, (хотя приличнѣе вашей старости увѣщанія подавать, нежели самой увѣщаваемой быть) оное великодушнымъ сердцемъ приняли, помышляя, что и любовь, въ которой я васъ содержу, говорить понуждаетъ; и вѣрность, которую вамъ долженствую, молчать не дозволяетъ. Ибо многія слова отъ друговъ, хотя бы они и въ правду говорили, сносить должно, коихъ ни малѣйшей части отъ постороннихъ, хотя бы и въ шутку ихъ сказывали, терпѣть не надлежалобъ.

„ Но да приступлю къ самому дѣлу; да даруютъ боги, чтобъ не больше было, не-

„ жели

,, жели сколько мнѣ возвѣщено, или еще и
,, меньше, нежели сильно я подозрѣваю! К.
,, Фурій толикою мнѣ дружбою, коликою вамъ
,, кровностію сопряженный, путешествуя въ
,, Палестинскія царства и Іерусалимъ, заѣхалъ
,, ко мнѣ для посѣщенія въ Антіохію, и привезъ многія изъ Италіи и города новыя и
,, неупованныя вѣсти. Изъ оныхъ одну я особливо затвердилъ въ памяти, которая сперва у меня, когда слушалъ, превеликой возбудила смѣхъ; но послѣ, когда прилѣжнѣе
,, разсудилъ, непосредственное воспламенила
,, соболѣзнованіе. Ибо сколь многія вещи мы
,, сперва за шутку принимаемъ, которыя потомъ, со вниманіемъ уважа, въ превеликой
,, печали погружаемся!

,, Адріанъ Императоръ, Государь мой, имѣлъ нѣкотораго шута, именемъ Велфа,
,, юношу забавнаго и остроумнаго; но весьма
,, злонравнаго, каковъ сей родъ людей обыкновенно бываетъ. Когда же нѣкоторые Германскіе посланники съ Императоромъ крайне пріятно и весело ужинали; то оный обдальщикъ и тунеядецъ на каждаго изъ кушающихъ особъ нѣсколько язвительныя насмѣшки, кои подавали знакъ лукаваго человѣка, произносить началъ. Напротиву чего
,, Императоръ усмотря, что онъ ими однихъ
,, въ оскорбленіе, другихъ въ негодованіе, а
,, иныхъ и въ самый гнѣвъ приводитъ, сказалъ: Естьли ты, Велфъ, меня любишь,
,, то пожалуй воздержись за столомъ отъ хитрыхъ и досадительныхъ шутокъ, кото-

,, рыхъ

„ рыхъ послѣ тончайшее изслѣдованіе на по-
„ стелѣ ночь непріятною намъ сдѣлаетъ.

„ Когда же К. Фурій мнѣ столько неу-
„ стройствъ учиненныхъ по Италіи, столько но-
„ востей приключившихся въ городѣ, столько пе-
„ ремѣнъ сдѣланныхъ въ Сенатѣ, столько ссоръ
„ произшедшихъ въ гражданствѣ, и столько
„ легкомыслій явившихся въ обоихъ васъ, пе-
„ ресказалъ, такъ что привелъ меня въ из-
„ умленіе, и я стыжусь объ нихъ и говорить;
„ то изъясненіе его всячески было бы мнѣ
„ сносно, естьли бы онъ не оказалъ толикаго
„ въ сихъ своихъ рѣчахъ неискусства; помыш-
„ ляя сирѣчь, что какъ онъ безъ всякой до-
„ сады исчислялъ, такъ и я безъ соболѣзно-
„ ванія слушалъ; хотя въ самой вещи каждое
„ произносимое имъ слово, было острою стрѣ-
„ лою, сердце поражающею. Ибо часто нѣ-
„ которыя слова намъ неумышленно говорятъ,
„ кои внутренность прободаютъ, и сердце
„ болѣзнію пронзаютъ.

„ Подлинно вы по общему всѣхъ разсуж-
„ денію очень стары; но по собственному ва-
„ шему мнѣнію весьма младолѣтны себѣ ка-
„ жетесь: потому что такъ щогольски укра-
„ шаетесь и убираетесь, какъ будто бы нынѣ
„ еще только въ свѣтъ родились; и ничего съ
„ вящшимъ негодованіемъ не пріемлете, какъ
„ ежели называютъ васъ стариками. Кромѣ то-
„ го на театры, гдѣ комедіанты играютъ, и на
„ поля, гдѣ звѣрей травятъ, не между по-
„ слѣдними приходите: къ сему нѣтъ ни
„ одной въ городѣ игры, и ни одного рода

 „ легко-

„ легкомыслія, которое бы въ вашемъ домѣ
„ не прежде вносилось въ записныя книжки;
„ Наконецъ вы такъ всецѣло увеселеніямъ се-
„ бя предали, что никакихъ и никогда не-
„ опасаетесь печалей, могущихъ васъ постиг-
„ нуть.

„ Клянусь именемъ великаго Юпитера,
„ что я вашего, Клавдій и Клавдика, стыжусь
„ безстыдства, отъ вашего краснѣюсь безо-
„ бразія, и паче всего вашимъ терзаюсь по-
„ грѣшеніемъ: ибо вы въ самое то время, ко-
„ гда отъ свѣта честное увольненіе восприять
„ могли, вновь въ безчестное плѣненіе ему
„ себя предаете. Много дѣлаютъ преступле-
„ ній человѣки, кои хотя важными кажутся;
„ приносимое однакожъ ими оправданіе дѣла-
„ етъ ихъ легчайшими. Но да открою мои мы-
„ сли; ко оправданію вашихъ легкомысленныхъ
„ дѣлъ и погрѣшностей нижѐ единой обрѣтаю;
„ а ко обвиненію и шестьсотъ причинъ на-
„ хожу.

„ Солонъ Саламинскій въ законахъ, Аѳи-
„ нянамъ данныхъ, юношу, который погрѣ-
„ шитъ, легко словами увѣщавать, и жестоко
„ дѣлами наказывать, потому что крѣпокъ;
„ а старика легко наказывать, и жестоко увѣ-
„ щавать, потому что слабъ тѣлесною силою,
„ предписалъ. Напротивъ того Ликургъ въ
„ законахъ, Лакедемонянамъ данныхъ устано-
„ вилъ, младолѣтнаго за проступокъ легко на-
„ казывать, и жестоко увѣщавать; потому
„ что онъ погрѣшаетъ отъ невѣдѣнія; а ста-
„ раго легко увѣщавать, и жестоко наказы-

„ вать,

„ вать, поставляя за резонъ, что онъ погрѣ-
„ шаетъ отъ злонравія.

„И понеже въ оныхъ древнихъ вѣкахъ
„ толикая была сихъ обоихъ законодавцевъ
„ слава, и толь важные суть обоихъ законы
„ и мнѣнія; то весьма безразсудное было бы
„ дѣло нѣкоторыхъ изъ нихъ не принять. Но
„ дабы ни того не принять, ни другаго не
„ похулить; я такъ разсуждаю, что и къ
„ оправданію младолѣтныхъ невѣдѣніе, и ко
„ обвиненію старыхъ искусство, великую и-
„ мѣютъ важность. И такъ да паки повто-
„ рю, простите мнѣ, любезные други, и не
„ гнѣвайтесь, что я переступаю границы
„ стыдѣнія въ рѣчахъ; когда и вы то же са-
„ мое дѣлаете въ житіи. Ибо жизни вашей
„ черность подаетъ (такъ сказать) перу
„ моему чернилы.

„Слышалъ я, помнится, что ты, Кла-
„ вдій во младости былъ изряденъ и доро-
„ денъ тѣломъ; да не меньше и ты, Клавди-
„ ка, въ младолѣтствѣ была красива и при-
„ гожа, такъ что твоей, Клавдій, храбрости
„ премногіе завидовали; а на твою, Клавди-
„ ка, красоту всѣ вожделѣніемъ пылали.
„ Нѣтъ у меня желанія симъ письмомъ вамъ,
„ пріятели и сосѣди, на память приводить,
„ сколь изрядно ты, Клавдій, силы свои въ
„ пользу общества употребилъ; и коликое ты,
„ Клавдика, за красоту почтеніе имѣла: по-
„ елику многими украшенные дарованіями
„ обыкновенно опорочиваются жестокими по-
„ грѣшеніями. Однако тѣ, кои съ тобою,

 „ Клав-

„Клавдій, въ борбѣ перевѣдывалися, и ко-
„ихъ самъ ты на поединки вызывалъ, ужѐ
„померли: и тѣ, кои тебѣ, Клавдика, рабо-
„лѣпствовали, кои въ присутствіи твоемъ
„воздыханія испускали, и кои тебя наигоряч-
„нѣйше любили, ужѐ послѣдній день свой о-
„кончали. Когда же и сами они померли, и
„легкомыслія ихъ исчезли: то думаетель,
„что и вамъ и вашему сумазбродству смерть
„не угрожаетъ? Теперь вопрошаю одного о мла-
„долѣтствѣ, а другаго о красотѣ: Изъ оныхъ
„веселостей, изъ оныхъ утѣхъ, изъ онаго
„изобилія, изъ оной пріятности, изъ оныхъ
„сладострастій свѣтскихъ, и изъ оной пре-
„шедшей суеты, что вы у себя нынѣ имѣе-
„те? И что изъ всѣхъ оныхъ вещей въ тѣ-
„сной гробъ съ собою взять уповаете?

„О безуміе! о нерадѣніе человѣческое!
„Такъ проходитъ жизнь, что мы нижѐ жить
„не научаемся! Ибо не въ долготѣ или крат-
„кости жизни; но въ знаніи добродѣтельнаго
„и полезнаго ея препровожденія блаженство
„полагать должно. О сыны земли! о ученики
„суеты! теперь ужѐ напослѣдокъ разумѣете,
„что улетаетъ время, не распростирая
„крыльевъ; убѣгаетъ жизнь, не поднимая
„ногъ; поражаетъ счастіе, не воздвигая рукъ;
„требуетъ увольненія свѣтъ, не произнеся
„нижѐ слова; обманываютъ человѣки, не от-
„верзая устъ; исчезаетъ плоть, не давая ни-
„кому въ знакъ примѣты; умираетъ сердце
„не находя помощи ни отъ какихъ врачеваній;
„наконецъ проходитъ слава наша такъ, аки

„бы

„ бы никогда ее не бывало; и нападаетъ на
„ насъ смерть, не толкая нижѐ въ двери!
„ Сколь бы глупъ или безуменъ тотъ или
„ другой ни былъ, никто не станетъ о семъ
„ спорить, что статься не возможно, чтобъ
„ во глубинѣ морской возгорѣлся огнь, чтобъ
„ на крутыхъ и превысокихъ стремнинахъ
„ ровная настлалась дорога, чтобъ изъ жидкой
„ крови сдѣлались жилы, и чтобъ изъ мяг-
„ кихъ и нѣжныхъ жилъ родились твердые
„ кости: подобнымъ образомъ невозможно ка-
„ кажется мнѣ, чтобъ во время старости нѣ-
„ когда не увянулъ цвѣтъ зеленѣющей юно-
„ ности.

ГЛАВА 22.

Императоръ продолжая намѣреніе, совѣтуетъ Клавдію и Клавдикѣ, чтобы они, поелику ужѐ стары, свѣту и сластолюбіямъ своимъ не вѣрили, и въ обманъ не отдавалися.

„ Сказанное доселѣ, больше ко увѣщанію
„ младолѣтныхъ, нежели къ наученію ста-
„ рыхъ принадлежитъ. Ибо вы весну отро-
„ чества, лѣто юности, осень мужескаго воз-
„ раста, ужѐ давно перешли, и нынѣ ужѐ въ
„ зиму старости вступили; гдѣ весьма непри-
„ стойно, чтобъ голова сѣдинами бѣлѣла, а
„ безуміемъ по подобію юношъ тучнѣла. Не-
„ дивно, что юноши погружаются въ сластолю-

„ біяхъ, понеже они не разумѣютъ, что бу-
„ детъ нѣкогда конецъ ихъ юности; но ста-
„ рики, коимъ ужè сего обмана опасаться не
„ должно, для чего паки порабощаютъ себя
„ порокамъ?

„ Ахъ свѣтъ! поелику ты свѣтъ, и по-
„ елику толь малы суть силы наши, и то-
„ ликая есть слабость наша; то ты по сво-
„ ей волѣ и нашему несопротивленію въ наи-
„ опаснѣйшій заливъ насъ отводишь, въ пре-
„ густыхъ терновникахъ насъ скрываешь, къ
„ распутіямъ весьма сомнительнымъ насъ при-
„ влекаешь, по дорогамъ очень каменистымъ
„ насъ водишь; сирѣчь, на крутомъ холмѣ
„ величайшаго благопріятства поставляешь,
„ чтобы подставя ногу, во мгновеніи ока от-
„ туда низвергнуть. О свѣтъ, по истиннѣ
„ ты ничто иное, какъ точію свѣтъ! Ужè
„ нынѣ пятдесятъ второй годъ, какъ ты
„ меня раждающагося воспріялъ, и я во все то
„ время ни одиножды отъ тебя правды не
„ слыхалъ, но въ десяти тысячахъ лжи при-
„ мѣтилъ; никогда отъ тебя ничего не по-
„ просилъ, чего бы ты дать не обѣщалъ, но
„ никогда ты мнѣ ничего не обѣщалъ, чтобъ
„ оное далъ; никогда съ тобою ни единаго со-
„ общенія не имѣлъ, чтобы обманутъ не
„ былъ; никогда съ тобою въ дружбу не всту-
„ палъ, чтобы не погибалъ: наконецъ, ниче-
„ го въ тебѣ никогда не видалъ, за чтобъ лю-
„ бить тебя было должно; но что въ тебѣ
„ ни видѣлъ, все презрѣнія и ненависти было
„ достойно.

„ Есть

,, Естьлижъ сіе такъ есть; то я не знаю,
,, что или ты у себя имѣешь, или чего у
,, насъ твоихъ любителей недостаетъ; сирѣчь,
,, хотя ты насъ ненавидишь, мы тебя не-
,, навидѣть не можемъ; хотя ты насъ ру-
,, гаешь, мы молчимъ; хотя ты насъ нога-
,, ми попираешь, мы терпимъ; хотя ты
,, насъ жезлами ударяешь, мы сносимъ; хотя
,, ты насъ гоненіемъ утѣсняешь, мы жало-
,, ваться не хотимъ; хотя ты собствен-
,, ное наше у насъ отнимаешь, мы не
,, отъискиваемъ; хотя ты насъ обманы-
,, ваешь, мы обманомъ назвать не хощемъ;
,, и что всего хуждшее, хотя ты изъ дому
,, своего насъ выгоняешь, мы выйти отре-
,, каемся. Чтожъ сіе есть за вещь, откуда
,, происходитъ, и какое изъ нея слѣдствіе
,, будетъ, я не могу отгодать: сирѣчь, свѣтъ,
,, который насъ ненавидитъ, любимъ; и бо-
,, говъ, которые насъ любятъ, ненавидимъ.
,, Часто я въ мысляхъ моихъ проведенныя
,, лѣта разсматриваю, и иногда книги мои
,, разгибаю, желая узнать, что дѣлалъ, и
,, что читалъ; а временемъ и у друговъ про-
,, шу здраваго совѣта, не на иной конецъ,
,, какъ точію, дабы то, что сказалъ, могъ
,, постигнуть, и то, что говорить намѣре-
,, ваю, могъ разумѣть.

,, Когда въ Родосѣ на иждивеніи Государя
,, моего Адріана преподавалъ я Риторику въ
,, тритцать второе лѣто отъ рожденія: то
,, какъ былъ слабъ и нѣженъ плотію, во вре-
,, мя той весны младолѣтства осиротѣвши,

„ чрезъ сиротство и вольность обонялъ свѣтъ,
„ коего запахъ какъ только услышалъ, началъ
„ за нимъ гоняться, гоняясь настигъ, на-
„ стигши поималъ, поимавши отвѣдалъ, от-
„ вѣдавши почувствовалъ горесть, почувствова-
„ вши горесть, возненавидѣлъ и оставилъ;
„ но оставленный возвратился, и я возвраща-
„ ющагося паки принялъ. Словомъ, свѣтъ ме-
„ ня приглашая, и я не отрекаясь, чрезъ
„ пятдесятъ два года одинъ хлѣбъ ѣли, и въ
„ одномъ домѣ жили.

„ Желаете знать, какимъ образомъ свѣтъ
„ и я въ одномъ домѣ жили, или справедли-
„ вѣе сказать, въ одномъ сердцѣ обитали?
„ Словомъ скажу, ежели согласитесь выслу-
„ шать. Когда я свѣтъ разгнѣванной усма-
„ тривалъ, то ему раболѣпствовалъ; когда
„ онъ меня печальнаго зрѣлъ, то мнѣ ласка-
„ тельствовалъ; когда я свѣтъ щастливой ви-
„ дѣлъ, то о чѣмъ нибудь у него домогался;
„ когда онъ меня веселаго зрѣлъ, то обманы-
„ валъ; когда я чего желалъ, то онъ въ до-
„ стиженіи мнѣ помощникомъ былъ; но въ
„ самое то время, когда я наипаче наслаждал-
„ ся, вдругъ отнималъ; прискорбнаго посѣщалъ,
„ щастливаго забывалъ, упадшаго, руку да-
„ вая, поднималъ, стоящаго видя, ногу,
„ чтобъ упасть, подставлялъ: наконецъ,
„ сколько я о себѣ ни мечталъ, что хотя
„ малую частицу чего нибудь имѣю, все,
„ что ни имѣетъ свѣтъ, сонъ быти усмот-
„ рѣлъ.

„ Пусть

„Пусть и заподлинно почтется важнымъ „то, что я о свѣтѣ сказалъ; но гораздо важнѣе то, что о самомъ себѣ сказать намѣреваю: сирѣчь, безконечно вящшее есть мое „безуміе, нежели его злоба: естьли я толико кратно будучи обманутъ, за обманщикомъ гоняюсь. Ахъ свѣтъ, свѣтъ! ты „столько постояненъ въ своемъ непостоянствѣ, что всѣхъ насъ испровергаешь. „Одной вещи я весьма удивляюсь, о которой „ничего основательнаго сказать не могу, что „мы не надѣясь ни малѣйшей пользы, когда „можемъ перейти чрезъ мостъ, бродъ сыскивая обходимъ; когда обрѣтаемъ мѣлкой „бродъ, глубокую пучину преходя добровольно опасности себя подвергаемъ; когда сухой „предлежитъ путь, чрезъ болота шествуемъ; когда въ рукахъ имѣемъ здоровыя „трапезы, смертоноснаго яду ищемъ; когда „можемъ себя сохранить, пагубы желаемъ; „наконецъ безъ всякаго чаянія корысти преступленіе дѣлаемъ, хотя слѣдующее за „нимъ наказаніе видимъ. Разумные мужи съ „крайнею осторожностію, прилѣжаніемъ и „вниманіемъ должны разбирать, что дѣлаютъ; разсуждать, что говорятъ; уважать „что предпринимаютъ; разсматривать, къ „кому себя присоединяютъ; и познавать, „кому себя ввѣряютъ. Ибо разумъ нашъ толь „слабъ, что обмануть насъ и одинъ довольно силъ имѣетъ, а избавить отъ заблужденія и десять тысячь человѣкъ не могутъ. Толикое и свѣтъ къ обольщенію, и плоть къ

„привлеченію стараніе прилагаютъ, что хо-
„тя предлежитъ весьма тѣсная дорога, ры-
„твенная стезя, далекой путь, и краткая
„жизнь; однако никогда тѣла наши пороками
„не обременены, и никогда сердца наши
„попеченіями не наполнены не бываютъ.
„Многимъ вещамъ въ свѣтѣ я удивлялся; но
„сіе меня наипаче оскорбляетъ, что хотя
„нѣкоторые суть добродѣтельны, мы всѣхъ
„увѣряемъ, что они злонравны; и хотя са-
„ми злонравны, другихъ увѣрить желаемъ,
„что мы добродѣтельны; и для того толь-
„ко, чтобъ за добрыхъ насъ почитали. Въ цѣль
„(такъ сказать) добродѣтелей мѣтимъ, и въ про-
„странное поле пороковъ стрѣлы водружаемъ.

Въ одномъ признаюсь дѣлѣ, открытіе
„коего, вѣдаю, что мнѣ нанесетъ стыдъ;
„но разумному человѣку, уповаю, что при-
„несетъ пользу. Чрезъ пятдесятъ два года,
„прожитыхъ мною въ свѣтѣ, желалъ я от-
„вѣдать всѣхъ пороковъ всея жизни, для
„единственнаго испытанія, можетъ ли что
„удовлетворить злобѣ человѣческой; но по
„разсмотрѣніи, искушеніи и испытаніи
„всего позналъ, что чѣмъ больше ѣмъ,
„тѣмъ больше алчу; что чѣмъ больше пью,
„тѣмъ больше жажду; чѣмъ больше веселюсь,
„тѣмъ больше сокрушаюсь; чѣмъ больше силъ,
„тѣмъ больше въ сонъ углубляюсь; чѣмъ
„больше имѣю, тѣмъ больше желаю; чѣмъ
„больше желаю, тѣмъ больше терзаюсь;
„чѣмъ больше ищу, тѣмъ меньше достигаю:
„наконецъ, никогда не пылалъ я желаніемъ

„ни-

,, никакой вещи, чтобы оную получа и насытясь, тотчасъ желаніемъ другой не воспламенился. Крайнее есть безуміе, помышлять смертному человѣку, что онъ, во плоти пребывая, плоти удовлетворитъ: ибо скоряе она насъ жизни лишить, нежели мы у нее необузданное вожделѣніе испоргнуть возможемъ.

,, Ежели бы съ богами человѣки собесѣдовали, или боги съ человѣками обращеніе имѣли; прежде всего объ одной вещи я ихъ спросилъ бы, для чего они бѣдственнымъ нашимъ днямъ число извѣстное положили, а злымъ вожделѣніямъ никакого не ограничили? Что сіе есть за вещь, не милосердные боги, которую вы или дѣлаете, или попускаете? Такъ ли должно быть, чтобъ мы ни одного дня жизни нашея въ радости и веселіи не провождали; но въ испытаніи и претерпѣніи той или другой участи жизнь иждивали? О несносная человѣческая жизнь! въ которой столько злодѣйствъ, коихъ остерегаться; столько опасностей, коихъ убѣгать, и столь многое число вещей въ насъ самихъ, кои разсматривать и разсуждать мы долженствуемъ такъ, что тогда ужѐ и оную и самихъ себя совершенно познаемъ, когда ужѐ послѣдній часъ, въ которой умереть должно, приближается.

,, Пусть научатся, кои не знаютъ, что свѣтъ, которому мы по безумію нашему не сопротивляемся, волю нашу плѣняетъ, и по-

„ луча надъ оною власть, принуждаетъ насъ
„ желать того, чего не желаемъ, такъ что
„ хотя къ добрымъ и честнымъ дѣламъ еже-
„ часто воля клонится; однако мы, поелику
„ власти свѣта себя подвергнули, къ онымъ
„ приступить не дерзаемъ. Употребляетъ
„ свѣтъ и сіе лукавство, что стараясь, дабы
„ мы не образумились, и его коварства не
„ узнали, подтверждаетъ приписуемую отъ
„ насъ похвалу прошедшему времени, съ тѣмъ
„ однакожъ условіемъ, чтобъ мы употребляли
„ настоящіе нравы. Прибавляетъ къ тому
„ свѣтъ и сіе, что лишъ толькобъ мы въ по-
„ рокахъ своихъ всѣ силы истощили, даетъ
„ намъ волю воспріимать благоразумнѣйшія
„ желанія добродѣтелей. Ахъ! ежелибъ уда-
„ лось мнѣ видѣть тотъ день, въ которой
„ бы толикое попеченіе, коликое свѣтъ въ
„ плѣненіи свѣтскихъ людей употребляетъ,
„ свѣтскіе люди въ убѣганіи свѣтскихъ поро-
„ ковъ прилагали! Клянусь, что боги бы мно-
„ множайшихъ почитателей, а свѣтъ и плоть
„ меньшее число плѣнниковъ имѣли.

ГЛАВА

ГЛАВА 23.

МаркЪ Аврелій продолжая рѣчь, многими доказательствами утверждаетЪ, что справедливость требуетЪ, дабы старые, поелику отЪ младыхЪ почитаемы быть желаютЪ, честности и добродѣтели храненіемЪ ихЪ превосходили.

„ Сіе говорить, вы, Клавдій и Клавдика, „ подали мнѣ причину; потому что, ежели „ вы имѣя по семидесяти лѣтЪ отЪ рожде- „ нія, изЪ темницы свѣта, гдѣ ужѐ изгнили „ ваши уды, выпти отрекаетесь; то чего „ отЪ младолѣтныхЪ, коимЪ чуть и двад- „ цать лѣтЪ исполнилось, надѣяться можно? „ Ежели твердо помню, то во время моего „ бытія тамо, ужѐ не токмо внуки ваши же- „ наты, и правнуки обручены; но и пра́- „ правнуки рождены были.

„ ЕстьлижЪ сіе такЪ есть: то по моему „ мнѣнію, когда выжмутЪ ягоды, скопу при- „ надлежатЪ ягодинЪ выжимки. Когда сор- „ вутЪ плоды, не имѣютЪ никакой важности „ листы; когда отнимутЪ рукоятку, худо „ будетЪ молоть жерновЪ. Для чегожЪ я „ сіе сказалЪ? Дабы показать, что много́- „ лѣтному человѣку непристойно толь долго „ жить вЪ свѣтѣ. Несогласны суть между „ собою сіи вещи, други мои, имѣть полной „ домЪ внуковЪ, говорить мало имѣете отЪ „ роду лѣтЪ. Ибо когда дерево обременено

„ пло-

„плодами, тотчасъ опадаютъ или увядa-
„ютъ цвѣты.

„Долго я самъ съ собою разсуждалъ, ка-
„кую вещь могли вы вздѣлать, чтобы звались
„молодыми, и умалили лѣтъ? Но ничего
„не нахожу, кромѣ сего, что Лабертину дочь
„за Друза, и пригожую внучку Софію за То-
„тидана въ замужство выдавши, поелику
„дѣвицы едва по пятнатцати, а юноши чуть
„и по двантцати имѣли лѣтъ отъ рожденія;
„чаятельно, вы ихъ дѣды будучи, лѣтами
„богаты, а деньгами скудны, каждый под-
„ваптцати лѣтъ престарѣлаго возраста имъ
„въ приданые отдали; изъ чего заключить
„можно; что вы денги внуковъ своихъ у себя
„удержали, а бремя собственныхъ лѣтъ съ себя
„сложили.

„Когда услышалъ я васъ младыхъ, да
„еще и очень младолѣтныхъ; то съ крайнею
„нетерпѣливостію желалъ собственными гла-
„зами видѣть старыхъ, да еще весьма пре-
„старѣлыхъ, не лѣтами, коими вы ужѐ дав-
„но изобилуете; но смысломъ, котораго не
„имѣете. Прилѣжно, Клавдій и Клавдика,
„то, что скажу, примѣтьте, и во внутрен-
„ности сердецъ вашихъ запечатлѣйте;
„сирѣчь, бодрость юности сохранить, ста-
„рость съ себя сложить, терпѣливно испо-
„койно жить, отъ трудовъ и печалей свобод-
„нымъ быть, лѣта жизни продолжать, и
„смерть отвратить; сіе, говорю, все не въ
„волѣ человѣковъ, того желающихъ но во
„власти боговъ, оное дарующихъ, заключает-

„ся,

„ся, которые по своему правосудію, а не по-
„нашему прихотѣнію жизнь вѣсомъ, а смерть
„безъ мѣры намъ даютъ. Дѣлаютъ нѣ-
„что старики, чѣмъ многіе оскорбляются:
„сирѣчь, въ совѣтахъ старшинство голосовъ
„себѣ присвояютъ; отъ младшихъ раболѣп-
„наго почтенія, на пиршествахъ предсѣда-
„нія, во всемъ, чтобы ни говорили, всегда-
„шняго вѣроятія себѣ требуютъ; во храмахъ
„вышшихъ предъ прочими сѣдалищъ, и въ
„самыхъ знатныхъ чиновъ произвожденіи
„домогаться, наконецъ въ подаваніи голосовъ
„ничьего возраженія не терпятъ. Словомъ,
„предпочтеніе старческое имѣть, и жизнь юно-
„шескую провождать желаютъ. Кои пре-
„имущества и привилегіи не токмо справедли-
„во, но и весьма достойно позволить тѣмъ
„старикамъ, которые лѣта свои чрезъ мно-
„гія ужѐ времена на службѣ общества иждди-
„ли; однакожъ я притомъ ихъ увѣщаваю и
„прошу, дабы они того преимущества, ко-
„торое заимствуютъ отъ сѣдинъ, злыми и
„беззаконными дѣлами не умаляли.

„Справедливо ли было бы, чтобъ юноша
„скромной и благочинной, отдавалъ почтеніе
„старику неукротимому, гордому и кичливо-
„му? добродушной и любезной, злобному и
„завистливому? благоразумной и терпѣли-
„вой своенравному и глупому? щедрой и
„милостивой сребролюбивому и скупому? тру-
„долюбной и рачительной нерадивому и лѣни-
„вому? воздержной и трезвой прожорливому
„и развращенному? Истинно, по моему раз-

„су-

„ сужденію, сіи качества не токмо не таковы „ суть, чтобъ за оныя стариковъ должно „ было почитать; но еще надлежалобъ нака- „ зывать и ругать: понеже старики больше „ подаваемымъ примѣромъ, нежели соверше- „ мымъ беззаконіемъ погрѣшаютъ. Не во- „ противорѣчишь, другъ Клавдій, что за „ тритцать три года предъ симъ, когда мы „ оба были на театрѣ для смотрѣнія игръ, „ ты опоздавши приходомъ, и не нашедши „ мѣста, мнѣ сидящему сказалъ: Встань „ сынъ маркъ, благоприпристойность тре- „ буетъ, чтобъ ты, будучи младолѣтный „ юноша передо мною старикомъ привсталъ, и „ мнѣ старшее мѣсто уступилъ. Ежелижъ ты „ за тритцать три года прежде сего, мѣ- „ ста, яко старой мужъ, на позорищахъ тре- „ бовалъ; то прошу и заклинаю тебя, скажи „ мнѣ, какимъ ты лѣкарствомъ мазался, „ или въ какомъ ключѣ водою мылся, что „ возобновилъ юность, и воспріялъ прежнюю „ бодрость? Ахъ, ежели бы ты, Клавдій, „ нашелъ лѣкарство или траву, которымибъ „ у мущинъ изъ головы сѣдины, и у женщинъ „ съ лица морщины вывелъ; повѣрь мнѣ, и „ безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣдай, что больше „ бы тебя посѣщали и почитали въ Римѣ, „ нежели Аполлоновъ храмъ въ Азіи.

„ Безъ сомнѣнія помнишь, Клавдій, ста- „ рика Аннія Приска, нашего сосѣда, а твоего „ родственника, который, когда я однимъ „ временемъ ему сказалъ, что слушаніемъ „ похвальнѣйшихъ его словъ, и зрѣніемъ стар-

„ че-

„ческихъ сѣдинъ насытиться не могу, отвѣт-
„ствовалъ: Довольно явственно есть, сынъ
„Маркъ, что ты ни когда старикомъ не
„былъ; и для того какъ младолѣтный юно-
„ша говоришь. Ибо сѣдина, какъ особѣ по-
„чтительна, такъ напротивъ того сердцу
„тягостна: по тому что чуть только мы
„оказываемся старыми, и чужіе насъ пре-
„зираютъ, и свои не любятъ.

„Потóмъ примолвилъ: Вѣдай, Маркъ, что
„я часто бесѣдую тайно съ моею женою,
„сколько намъ обоимъ отъ роду лѣтъ; и
„когда ей прилѣжнѣе смотрящей кажусь
„толь старъ: то клянусь, увѣряя, что я
„еще молодъ, и сѣдину воспріялъ по наслѣд-
„ству, а старость заимствую отъ болѣзни.

„Помню такожъ, что оной Анній Прискъ,
„когда по жребію въ нѣкоторомъ году буду-
„чи избранъ Сенаторомъ, жестоко соболѣзно-
„валъ, что казался старымъ, и съ крайнимъ
„тщаніемъ стараясь, дабы его почитали мла-
„долѣтнымъ, голову и бороду брилъ, что
„Ценсорамъ и Сенаторамъ Римскимъ вóвсе
„запрещено было; и когда вмѣстѣ съ прочи-
„ми Сенаторами нѣкоторымъ днемъ вошелъ
„въ Капитолію, гдѣ спросили его, кто онъ
„таковъ, чего желаетъ, для чего пришелъ,
„и какимъ образомъ, не будучи Сенаторомъ,
„въ Сенатъ войти отважился? А онъ на про-
„тивъ того сказалъ: Я старикъ Анній Прискъ;
„и какая тому причина, что меня ужѐ и не
„узнаете? То отвѣтствовано ему слѣдующее:
„Ежелибъ ты Анній Прискъ былъ; тобъ

„ такъ обритой не приходилъ. Ибо никому
„ въ семъ священномъ Сенатѣ для правленія
„ общества присутствовать недостойно; ежели
„ сверьхъ честности житія голова его не бу-
„ детъ украшена сѣдинами. И для того ны-
„ нѣ тебя лиша Сенаторской чести въ ссыл-
„ ку отправить повелѣваемъ: понеже стари-
„ ковъ, по обычаю юношескому живущихъ,
„ по подобію юношъ и наказывать должно.

„ Вы совершенно вѣдаете, что не вы-
„ думка Омирова, нижѐ баснь Овидіева вамъ
„ представляется; поелику сами собственны-
„ ми глазами то видѣли, и я ссылку его де-
„ нежнымъ вспоможеніемъ облегчилъ, во вре-
„ мя заточенія его въ Капуѣ; откуда онъ
„ опять, не знаю за какіе проступки, ночью
„ въ городѣ учиненные, сосланъ былъ въ дру-
„ гое мѣсто; чему я ни мало не удивляюсь:
„ понеже стариковъ, какъ самое искусство до-
„ казываетъ, во̀все порокамъ порабощенныхъ,
„ труднѣе, нежели малодушныхъ юношъ
„ исправить. О безщастные старики, кои
„ въ порокахъ заматорѣли! Ибо вреднѣе въ
„ ветхомъ, нежели новомъ домѣ пожаръ,
„ нижѐ столь вредительна свѣжая рана, какъ
„ гнилой Антоновъ огонь.

„ Хотяжъ бы старики наблюдать чест-
„ ность и добродѣтель для угожденія богамъ,
„ пользы общества, молвы народа, и примѣра
„ младолѣтныхъ не восхотѣли; то по край-
„ ней мѣрѣ для собственнаго спокойства то
„ дѣлать долженствовалобъ. Старикъ без-
„ зубой, какимъ образомъ будетъ прожорливъ?

„ Ли-

„ Лишенный теплоты, какимъ образомъ воз„можетъ употреблять пищу? Потерявшій „вкусъ, какимъ образомъ будетъ наслаждать„ся питіемъ? Неимѣющій чувствительныхъ „жилъ, какимъ образомъ будетъ обращать„ся въ вольныхъ домахъ? Болѣзнующій но„гами, какимъ образомъ будетъ прогуливать„ся? Пораженный параличемъ, какимъ обра„зомъ возможетъ говорить? Страждущій хи„рагрою, какимъ образомъ станетъ играть? „Напослѣдокъ, такіе человѣки свѣту и поро„камъ порабощенные, какъ въ юности всѣ „силы свои въ испытаніи оныхъ пороковъ на„прягали: такъ во время старости, всѣмъ „сердцемъ, что не могутъ ихъ исполнять, „соболѣзнуютъ.

„Всѣ преступленія въ старикахъ сіе, ка„жется мнѣ, превосходитъ; сирѣчь, хотя „извѣстно, что старикъ ни единаго въ свѣтѣ „не оставилъ или уголка, котораго бъ не вы„ползалъ; или рода нечистоты и мерзости, „котораго бъ не отвѣдалъ; или жребія, кото„раго бъ не понесъ; или добра, котораго бъ „не достигалъ; или зла, къ которому бъ не „прилѣплялся; или порока, котораго бъ не „испыталъ; въ сихъ, говорю, порокахъ хотя „несчастной старикъ толико времени иждилъ: „однако и тогда, когда ужѐ болѣзни и горести „ему свободы не даютъ, не столько на по„роки, коими изобилуетъ, чтобъ быть до„бродѣтельнымъ, сколько на силы, коихъ ли„шается, чтобъ быть беззаконнымъ, жа„луется. О когда бы мы или богами были,

„ или по крайней мѣрѣ отъ боговъ власть
„ воспріяли, помышленія стариковъ узнавать
„ такъ, какъ дѣйствія юношъ глазами ви-
„ димъ! жесточае, клянусь милостію Марса и
„ матери Верекинѳіи, и паки говорю, гораздо
„ жесточае за одни злыя къ беззаконствова-
„ нію вожделѣнія стариковъ, нежели за дѣй-
„ ствительныя злодѣйства и преступленія
„ юношъ наказывалибъ.

„ Или вы думаете, Клавдій и Клавдика,
„ что понеже ведете себя на подобіе юношъ,
„ для того ужѐ болѣе стариками казаться не
„ будете? Или не вѣдаете, что природа на-
„ ша есть изгнитіе тѣла, тѣло наше иско-
„ ренитель чувствъ, чувства наблюдатели ду-
„ ши, душа мать вожделѣній, вожделѣнія
„ мучители юношества, юношество стражъ
„ старости, старость испытаніе смерти, на-
„ конецъ смерть домъ, гдѣ жизнь обитаетъ;
„ откуда юность убѣгая, пѣшими ногами ухо-
„ дитъ, хотя отъ старости ни самыми прыт-
„ кими (какъ говорятъ) четвернями уйти не
„ можемъ,

„ Весьма желалъ бы я знать отъ васъ,
„ Клавдій и Клавдика, какую вы въ жизни
„ вещь находите, что имѣя отъ рожденія по
„ семидесяти лѣтъ, еще жить за наиպріят-
„ нѣйшее почитаете? Вы были въ семъ свѣ-
„ тѣ или добрые, или худые. Ежели добрые,
„ то должно нравиться вамъ, дабы къ благимъ
„ богамъ преселились; буде же злые, то весь-
„ ма справедливо умереть, дабы по крайней
„ мѣрѣ злыми быть перестали: чего естьли

„ вы

„ вы не желаете, по всякой справедливости „ можно васъ казнить смертію. Ибо тѣмъ, кои „ семдесятъ лѣтъ беззаконно жили, мало „ остается надежды, чтобъ себя исправили.

„ Когда Государь мой Адріанъ находился „ въ Кампанскомъ городѣ Іолѣ: то приведенъ „ къ нему внукъ изъ школы, въ которой онъ „ изрядные въ наукахъ успѣхи показалъ. Ибо „ кромѣ великаго искусства въ Греческомъ и „ Латинскомъ языкахъ, одаренъ былъ красо- „ тою и добронравіемъ. И какъ Адріанъ „ премного его любилъ, то молвилъ ему слѣ- „ дующее: Я не знаю, доброе ли, или худое „ качество въ тебѣ признавать. Потому что „ ежели ты злой, то худо жизнь свою бу- „ дешь провождать; естьли же доброй, то „ скоро должно тебѣ умереть. Ибо я, по- „ елику всѣхъ хуже, для того и живу всѣхъ „ долѣе. Которыми словами ясно показывалъ, „ что добродѣтельные скоро отъ смерти по- „ хищаются, а беззаконныхъ жизнь долго про- „ должается. Нѣкоторый Философъ въ семъ „ мнѣніи находился, что поелику толь скры- „ ты суть судьбы боговъ, и толь праведны „ дѣла́ ихъ: для того тѣмъ, кои наименьше „ обществу полезны, наидолѣе жизнь продол- „ жается; о чемъ, хотя бы онъ и никогда „ не говорилъ, мы изъ самаго опыта узнаемъ. „ Понеже добродѣтельнаго и общество любя- „ щаго мужа или боги отъемлютъ, или не- „ пріятели убиваютъ, или труды умерщвля- „ ютъ.

„Въ то время, когда между Помпеемъ „великимъ и Іуліемъ Цесаремъ тайныя вра„жды превратилися наконецъ въ жесточай„шую войну, которою они и красоту города „Рима обезобразили, и самихъ себя погубили, „повѣствуютъ тѣхъ временъ Лѣтописцы, что „западные Цари и народы Цесарю, а изъ „восточныхъ самые сильнѣйшіе Помпею по„слѣдовали. Понеже обоихъ оныхъ Государей „рѣдкіе любили, а многіе почитали и боя„лися.

„Между прочими же различными и чуд„ными народами, въ войско Помпеево отъ во„стока пришедшими, были нѣкоторые вар„вары, достойнѣйшіе сего названія, кото„рые, какъ повѣствуется, обитаютъ на бо„ку Рифейскихъ горъ, простирающемся къ „Индіи. Оные имѣли такое обыкновеніе, „что далѣе пятидесятаго года не хотѣли „жить; чего ради достигши того возраста, „устроивали себѣ великіе срубы, на кото„рыхъ сами себя сожигали, и богамъ въ жер„тву закалали. Естьли же кто сему уди„вляется: то пусть больше удивляется то„му, что мы скажемъ; сирѣчь, въ тотъ са„мой день, когда кто по исполненіи пяти„десяти лѣтъ живаго себя повергалъ въ срубъ, „родственники, дѣти и пріятели его тор„жествовали праздникъ, такъ что умершаго „полужареное тѣло ѣли, и пепелъ костей съ „виномъ или водою смѣшавши пили; и симъ „образомъ оставшихъ дѣтей утробы были „умершимъ родителямъ гробами. Все сіе

„вѣр-

„вѣрными Помпеевыми глазами видѣно, по-
„тому что нѣсколько человѣкъ изъ оныхъ
„варваровъ, во время пребыванія въ Римской
„арміи, пятидесятой годъ своего возраста
„исполнили. И понеже вещь была достойна
„удивленія: то послѣ часто въ Сенатѣ Пом-
„пей ее разсказывалъ.

„Пусть же въ семъ случаѣ всякъ, что
„хочетъ, думаетъ, и сколько угодно, оныхъ
„варваровъ поноситъ; я, какого о томъ мнѣ-
„нія, не утаю. О златой вѣкъ, которой
„такихъ мужей произвелъ! о счастливой и
„блаженной народъ, коего память въ буду-
„щія времена никогда не умретъ! Какое пре-
„зрѣніе свѣта, какое забвеніе себя, какое по-
„праніе фортуны, какое наказаніе плоти вящ-
„шее, какое оцѣненіе жизни, и какое уваже-
„ніе и устрашеніе смерти меньшее быть
„могло? Какое обузданіе беззаконнымъ, какое
„поощреніе добродѣтельнымъ, какое посмѣя-
„ніе жизнь любящимъ, и коль великой при-
„мѣръ неустрашенія смерти намъ оставили?
„О которыхъ мы должны думать, что еже-
„ли они самовольно жизнь презирали, ника-
„кимъ желаніемъ чужое похищать заражены
„не были. Ибо не для иной причины мы
„никакого конца вожделѣнію нашему не по-
„лагаемъ, какъ для той, что никогда о бу-
„дущемъ концѣ жизни нашея не помышляемъ.

„О славный (по моему мнѣнію) народъ!
„о стократно блаженные человѣки! Вы соб-
„ственныя чувства отметая, и врожденную
„въ жизни любовь побѣждая, тому, что предъ

„ глазами имѣли, не вѣруя; и того, чего ни-
„ когда не видали, уповая, судьбамъ сопроти-
„ влялись, противъ фортуны ополчались,
„ жизнь на землю попирали, тѣло смерти въ
„ плѣнъ отдавали, и паче всего честь и славу
„ отъ боговъ воспріяли; моля ихъ не о томъ,
„ чтобъ жизнь вамъ продолжили, но чтобъ и
„ то, сколько ея оставалось, у васъ отняли.
„ По истиннѣ, мало бы въ той землѣ Арха-
„ гатъ Римскій лѣкарь, Антоній Муза Авгу-
„ ста Цесаря Медикъ, и Ескулапій Медицины
„ начальникъ денегъ накопили. Кто бы у-
„ просилъ оныхъ варваровъ тогда сдѣлать то, что
„ нынѣ Римляне дѣлаютъ? Сирѣчь, поутру
„ пить капли, ввечеру глотать пилюли, про-
„ хлаждать на дворѣ сыворотку, употреблять
„ яшной декоктъ, прикладывать къ печонкѣ
„ густыя припарки, лечить селезеночные за-
„ поры, пускать кровь, принимать проносное,
„ питаться извѣстными трапезами, и воздер-
„ живаться отъ премногихъ пищей? Нѣтъ,
„ неправда, чтобъ тотъ, который смерти
„ даромъ ищетъ, для продолженія жизни тра-
„ тилъ деньги.

ГЛАВА

ГЛАВА 24.

МаркЪ Аврелій заключая письмо, показываетЪ, колико старикамЪ, по подобію юношЪ живущимЪ, настоитЪ опасности и бѣдствія, и во отвращеніе того, предписываетЪ имЪ полезныя и спасительныя правила.

„Но да приступлю кЪ вамЪ, Клавдій и „Клавдика; по моему мнѣнію такЪ кажется, „что ежели ва́рвары оные были пятидесяти-„лѣтные; а вы ужѐ пятидесятилѣтныхЪ „старѣе, самая справедливость требуетЪ, „дабы вы старѣе лѣтами будучи, купно и „мудростію имЪ равны были; и ежели слад-„кой смерти желать отрекаетесь, по край-„ней мѣрѣ хотя злую жизнь исправили. Не-„замного предЪ симЪ лѣтЪ, когда младолѣт-„ный Фабрицій, стараго Фабриція сынЪ, „вредное на меня сплеталЪ коварство; еже-„либЪ я по вашему совѣту не предпріялЪ „осторожности: великой чести ущербЪ пре-„терпѣлЪ бы; за которую мнѣ тогда оказан-„ную услугу я нынѣ равномѣрно воздать вамЪ „желалЪ бы. Ибо нѣтЪ вящшаго между дру-„гами благодѣянія, какЪ погрѣшающаго из-„бавлять отЪ заблужденія. И для того, „ежели не знаете сами, я васЪ увѣдомляю, „что глаза ваши впалые, ноздри возгреватыя, „волосы сѣдые, уши глухія, языки косноре-„чивые, зубы червоточиной изЪѣденные, ли-

„ ца морщиноватыя, ноги опухлыя, шеи сжа-
„ тыя и груди тесныя; словомъ, естьли бы
„ льзя было гробу говорить: то справедливо
„ могъ бы онъ васъ какъ жителей своихъ при-
„ глашать, чтобъ вы шли для обитанія въ
„ принадлежащемъ вамъ доме.

„ Весьма достойны сожаленія юноши, и
„ ихъ юношеское неведеніе, что глаза имъ
„ тогда открываются къ познанію бедствій
„ сего житія, когда по окончаніи жизни уже
„ во гробъ приглашаются. Божественный
„ Платонъ въ книге о обществе написалъ:
„ Напрасно глупымъ и легкомысленнымъ юно-
„ шамъ даютъ полезные советы: понеже воз-
„ растъ оный въ томъ, что знаетъ, ли-
„ шается искусства; то, что слышитъ, счи-
„ таетъ за сомнительное; тому, что гово-
„ рятъ, неверитъ, и своихъ советовъ не и-
„ мея, другихъ советы презираетъ. Ежелижъ
„ сіе такъ есть, какъ и въ самой есть вещи;
„ то гораздо меньше порицать должно юно-
„ шеское неведеніе о добре, нежели старче-
„ ское упорствованіе во зле. Ибо часто без-
„ смертные боги тысячу погрешеній, чрезъ не-
„ веденіе учиненныхъ безъ наказанія оста-
„ вляютъ; но чрезъ злобу соделаннаго без-
„ законія никогда не прощаютъ.

„ Поелику вы, Клавдій и Клавдика, чело-
„ веки; то я и не удивляюсь, что боговъ, отъ
„ которыхъ созданы; родителей, отъ кото-
„ рыхъ рождены; ближнихъ, отъ которыхъ на
„ достоинство возведены; и друговъ, отъ ко-
„ торыхъ почтеніемъ снабдены, забываете.

„ Но

,, Но весьма досадую, что забываете самихъ ,, себя; сирѣчь, не разсуждая никогда, чемъ ,, имѣете быть, доколѣ тѣмъ, чемъ не же- ,, лаете, напослѣдокъ будете, и никакого ужѐ ,, къ раскаянію не останется возврату. Про- ,, будитесь, поелику вы крѣпкимъ сномъ свя- ,, заны; откройте глаза, поелику вы глубо- ,, кимъ сномъ погружены; привыкните къ тру- ,, дамъ, поелику вы лѣнивы и несмысленны; ,, не пренебрегайте вашего званія, поелику вы ,, ужѐ лѣтами стары; за благовременно, го- ,, ворю, дѣлайте съ смертію расплату, пока ,, залога жизни судія не отъиметъ.

,, Ужѐ пятдесятъ второй годъ, какъ я ,, въ свѣтѣ семъ обращаюся; но никогда не ,, примѣтилъ толь обремененнаго лѣтами вои- ,, на, и никогда не видалъ толь разслаблен- ,, наго членами мужа, чтобы они недостат- ,, комъ силъ, естьлибъ только хотѣли, до- ,, бродѣтельными быть не могли; или по ,, той самой причинѣ злонравными быть упу- ,, стили. Вещь какъ зрѣнію удивительная, ,, такъ и къ примѣчанію достойная, что всѣ ,, въ человѣческомъ тѣлѣ старѣется, выклю- ,, чая внутри сердце, а съ наружи языкъ; ,, ибо сердце къ злымъ помышленіямъ всегда ,, бодрое, а языкъ ко лжамъ и клеветамъ всег- ,, да способенъ бываетъ. Истинно я вамъ ,, совѣтую, чтобъ вы, когда веселое лѣто про- ,, шло, къ жестокой зимѣ себя пріуготовля- ,, ли, и, ежели еще остается нѣсколько дня, ,, къ занятію на ночлѣгъ квартиры поспѣша- ,, ли; и когда день жизни съ трудомъ прове-

„ли, чтобЪ ночь смерти вЪ безопасномЪ и „спокойномЪ пристанищѣ васЪ нашла, ста„ралися.

„Оставте забавы, яко забавы, и при„митесь за важныя дѣла вЪ правду. Весь„ма же справедливо, и чести вашей крайне „нужно, чтобЪ, кои васЪ прежде глупыми „юношами видѣли, тѣ нынѣ скромными „стариками узрѣли: ибо нѣтЪ ничего дѣй„ствительнѣе кЪ заглажденію погрѣшеній „юности, какЪ особливая скромность и бла„гочиніе вЪ старости. Когда КавалерЪ вЪ на„значенномЪ кЪ гоньбѣ мѣстѣ бѣжитЪ, ни„кто не поставляетЪ вЪ порокЪ, что у коня „отЪ вѣтру растрепана бываетЪ грива; а „какЪ до положеннаго предмета добѣжалЪ, „то вЪ тѣ поры ужѐ лошадь снаряжать и „убирать приличествуетЪ. Что человѣку „срамнѣе, что обществу нашему укоритель„нѣе, какЪ сіе, что мы во ономЪ нынѣ ви„димЪ по улицамЪ бѣгающихЪ, кЪ театрамЪ „спѣшащихЪ, и на АмфитеатрахЪ сидящихЪ „стариковЪ, отЪ дряхлости едва непадаю„щихЪ, неиначе акибы они юношами были, „и вЪ первомЪ цвѣтѣ лѣтЪ находилися?

„Правда, срамно сказать, но неменьше „стыдно смотрѣть, что Римскіе старики по„вседневно сѣдые волосы вырываютЪ, дабы не „казались стариками; бороду сЪ великимЪ „тщаніемЪ убираютЪ, дабы казались юноша„ми; носятЪ сапоги кЪ ногамЪ весьма тѣ„сные, исподніе кафтаны широко открытые, „епанчи со всѣхЪ сторонЪ окладенныя, клей-

„ноды

„ноды Римскіе различными златошвействами „украшенные, золотыя цѣпи на шеяхъ по „обычаю Датчанъ, петлицы и пуговицы на „платьяхъ по обычаю Сабинцовъ, кисти на „шапкахъ по обычаю Грековъ, и бисеры на „перстахъ по обычаю Индійцовъ. Что еще „скажу? Они носятъ долгія и широкія оде- „жды какъ Тарентинцы, цвѣтомъ желтыя „какъ Вандальцы, и надѣваютъ новыя каж- „дой недѣли по обычаю комедіантовъ; и что „найхуждшее, забавляются амурами равно, „какъ бы въ самое то время, когда весьма „младолѣтны были.

„Что старики отъ юношескихъ похотѣній „или обуреваются, или и преодолѣваются, не „дивно: поелику равно отъ природы есть оное „скотское вожделѣніе, какъ и повсядневное пи- „щи употребленіе. Но, что старики въ тѣхъ „лѣтахъ явно развратнымъ образомъ живутъ, „по достоинству самымъ непристойнымъ и без- „образнымъ дѣломъ всѣмъ казаться должно. „Ибо невоздержные и беззаконные старики „дѣломъ боговъ раздражаютъ, а примѣромъ „городъ соблажняютъ. Я премногихъ зналъ „въ Римѣ стариковъ, кои въ юности особли- „вую честь себѣ пріобрѣтши, и послѣ симъ „легкомысліямъ предавшись, въ старости „оную погубили; и что наихуждшее, сами „честь и достоинство, родственники ми- „лость, а неповинные дѣти всѣ имѣніе по- „теряли. Ибо часто попущеніемъ боговъ, „за учиненное отъ родителей преступленіе „одни токмо чада наказаніе воспринимаютъ.

„Ганг-

„ Гангвинъ Катонъ знаменитѣйшій мужъ,
„ природою изъ древней фамиліи премудрыхъ
„ Катоновъ, былъ въ Римѣ пять лѣтъ Юпи-
„ терскимъ жрецомъ, трижды Преторомъ,
„ дважды Ценсоромъ, одиножды Диктаторомъ
„ и пять разъ Консуломъ. Сей въ семдесятъ
„ пятомъ году своего возраста, крайнимъ
„ стараніемъ и прислуживаніемъ склонять, и
„ наигорячнѣйше любить началъ Розану Кн.
„ Курція дочь, младолѣтненькую дѣвицу,
„ рѣдкой красоты, и отъ премногихъ искан-
„ ную и вожделѣнную. Впрочемъ, по време-
„ ни, какъ между тѣмъ Купидонъ отпра-
„ влялъ свое званіе, толикая въ сердцѣ бѣд-
„ наго старика возгорѣлась любовь, что чуть
„ было не лишился разума: поелику на при-
„ служиваніе ей иждивши имѣніе, весь день воз-
„ дыхалъ, и всю ночь отъ желанія видѣть дѣ-
„ вицу, какъ маленькой младенецъ плакалъ.
„ Когда же дѣвица въ трудную горячку
„ впала, съ которою сопряжено было всѣхъ
„ трапезъ отвращеніе, и сказала, что жела-
„ етъ ягодъ, а оныя въ разсужденіи времени
„ еще созрѣть въ Римѣ не могли; то довѣда-
„ вшись о томъ Катонъ, послалъ нарочныхъ
„ для привезенія ихъ отъ рѣки Рейна, за
„ столько тысячь верстъ. О чемъ когда по
„ Италіи разнесся слухъ, а потому и въ го-
„ родѣ всему народу извѣстно учинилось, и свѣ-
„ дѣніе о его легкомысліи дошло до Сената; то
„ Сенаторы Розану между Вестальскими дѣва-
„ ми заключить повелѣли, а старика вѣчною
„ ссылкою наказали, дабы и сами они на-

„ каза-

„казаніе воспріяли, и другимъ въ примѣръ
„были; которую вещь мнѣ по истин-
„нѣ не меньше тогда зрѣть было огорчи-
„тельно, какъ и нынѣ пересказывать непрі-
„ятно: потому что я собственными глазами
„отца съ величайшимъ безславіемъ умираю-
„ющаго, а дѣтей въ крайнемъ убожествѣ
„живущихъ видѣлъ.

„Хотя же легко вѣрю, что кто сіе ни
„услышитъ, или настоящее письмо читать
„будетъ, срамной и безчестной стараго лю-
„бителя поступокъ укорять, учиненный на
„него отъ Сената приговоръ хвалить ста-
„нетъ: однако я смѣло божусь, что ежели
„бы Катонъ столько имѣлъ юношъ соуча-
„стниками ссылки, сколько старыхъ любовни-
„ковъ будетъ имѣть подражателями своего
„дѣла; то ни столь многаго числа̀ въ Римѣ
„беззаконныхъ и непотребныхъ мущинъ, ни
„толикаго множества несчастные браки опла-
„кивающихъ женщинъ не былобъ всеконечно.

„Часто случается, что стариковъ, а наи-
„паче знатностію природы и достоинствомъ
„сіяющихъ, пріятели увѣщаваютъ, свойствен-
„ники обличаютъ, други просятъ, враги осу-
„ждаютъ, что они толь безчестную прово-
„ждаютъ жизнь, которымъ однакожъ отвѣт-
„ствуютъ, что они не въ правду, но шу-
„тя любятъ. Въ то время, когда я и воз-
„растомъ и разумомъ былъ весьма младъ,
„случайно нѣкоторою ночью встрѣтился со
„мною, подлѣ Капитоліи Фабрицій, мой
„пріятель, который по всякой справедливо-

„сти

„ сти могъ назвать меня своимъ внукомъ.
„ Онъ будучи отъ меня вопрошенъ: не ужъ
„ ли еще упражняется въ дѣлахъ любовныхъ?
„ Лѣта мои, сказалъ, какъ и самъ ты видишь,
„ Маркъ, въ дѣлахъ любовныхъ упражняться
„ не дозволяютъ; а ежели я то дѣлаю, то
„ дѣлаю для увеселенія. Которымъ отвѣ-
„ томъ по истиннѣ я не меньше оскорбленъ,
„ какъ и тѣмъ, что ночью мнѣ попался
„ встрѣчу, въ удивленіе приведенъ былъ.
„ Въ старикахъ обремененныхъ лѣтами, и по-
„ читаемыхъ достоинствомъ такія щегольства
„ и любвеискательства не сладкою любовію,
„ но горькою желчію; не увеселеніемъ, но
„ времени погубленіемъ; и не шутками, но
„ насмѣшками называть должно. Ибо изъ шу-
„ точныхъ амуровъ подлинное и истинное
„ раждается безславіе.

„ Скажите мнѣ, что за вещь иная вы,
„ старенькіе любители, Клавдій и Клавдика,
„ какъ точію соломяной кружокъ передъ по-
„ гребомъ вывѣшенный, гдѣ противу чаянія
„ всѣхъ помышляющихъ о продажѣ вина, одинъ
„ только уксусъ продается; яицы съ наружи
„ бѣлыя и свѣтлыя, которыя внутри гнилы
„ и смрадны обрѣтаются; рана кожею наве-
„ денная, подъ которою свищъ раждается;
„ пилюли вызолоченныя, которыя отвѣдываю-
„ щему суть весьма горьки; банки въ Апте-
„ кахъ разбитыя, новыми надписями укра-
„ шенныя; болота льдомъ замерзшія, чрезъ
„ которыя безъ опасности итти не можно; две-
„ ри новыя, за которыми внутренній домъ

„ весь

„ иное есть старый любитель, какъ въ шахматной игрѣ конь, который къ потерянію денегъ людей привлекаетъ, а отъ утраты никого избавить не можетъ. Со вниманіемъ примѣтьте, и на вѣки затвердите въ памяти сіе слово, что злонравной и распустной старикъ ничѣмъ не разнствуетъ отъ чесноку, у котораго волосы бѣлые, а листы зеленые.

„ Подлинно, мнѣ такъ кажется, да даруютъ боги, чтобъ и вамъ такъ же казалось, сирѣчь, неприлично, что вы перешибить крылья времени отлагали до тѣхъ поръ, когда ужѐ и перьевъ у него никакихъ нѣтъ. Не обманывайте себя, други и пріятели мои, сказывая, что еще довольно времени остается: ибо исправленіе въ волѣ вашей, которое вы предпринимать долженствуете, а время въ волѣ боговъ состоитъ, которое раздѣлять до ихъ касается власти. Ко уврачеванію же толикаго зла да представимъ средство. Путь, которой днемъ совершить можно, на ночь старости не отлагайте. Ибо худо рубитъ палашъ, когда высѣчется сталь; и съ трудностію отвращается по крайней мѣрѣ отъ грызенія костей привыкшій къ мясу человѣкъ.

„ Кромѣ того увѣщеваю; ежели домъ за гнилостію и ветхостію паденіемъ угрожаетъ, оной не столпами деревянными подпирать; но помышленіемъ крѣпчайшаго и совершеннѣйшаго отвѣта, которой мы бо-

„ гамъ о жизни, а человѣкамъ о славѣ воздать
„ имѣемъ, подкрѣплять должно. Къ тому,
„ ежели всѣхъ нашихъ добродѣтелей виноград-
„ ное собиранie окончилось: то по крайней мѣ-
„ рѣ остатки гроздiй исправленiя собирать;
„ и естьли нашего винограднаго собиранiя боч-
„ ки злыми и развратными дѣлами напоены,
„ то оныя вмѣсто того сладкимъ медомъ но-
„ выхъ и добрыхъ желанiй наполнять потщим-
„ ся. Столь легко богамъ удовлѣтворяется
„ служенiемъ, которое мы имъ за оказанныя
„ благодѣянiя долженствуемъ, что ежели по-
„ хвальными дѣлами ихъ удовлѣтворить не
„ можемъ, въ замѣну взятаго прiемлютъ до-
„ брыя желанiя. Напослѣдокъ, ежели вы,
„ Клавдiй и Клавдика, юноши (такъ сказать)
„ муку свѣту въ жертву принесли; то ужè
„ хотя старости отруби богамъ принесите.

„ Больше, нежели думалъ, пишу. Покло-
„ нитесь всѣмъ прiятелямъ, и наипаче вдовѣ
„ Друзiи Патроклѣ, добродѣтельнѣйшей жен-
„ щинѣ. Помню, что Корвина, ваша внучка,
„ въ день праздника матери Верекинѳiи была
„ особливымъ для меня увеселенiемъ; и для
„ того посылаю ей двѣ тысячи червонныхъ,
„ изъ которыхъ одну тысячу на приданое, а
„ другую на облегченiе вашего убожества упо-
„ требить можете. Фавстина не очень здо-
„ рова; чего ради тысячу червонныхъ дайте
„ Вестальскимъ дѣвамъ, дабы онѣ о здравiи
„ ея боговъ молили. Она Клавдикѣ сундукъ
„ въ подарокъ посылаетъ; а съ чѣмъ, кля-
„ нусь, не знаю. Впрочемъ молю боговъ, да-

„ бы

„бы они, поелику вы стары, даровали вамъ
„получить добрую смерть; а мнѣ и Фав-
„стинѣ провождать похвальную жизнь. Маркъ
„горы Целійской уроженецъ писалъ собствен-
„ною рукою.

ГЛАВА 25.

Авторъ совѣтуетъ великимъ Государямъ и Князьямъ, дабы они прилѣжно разсуждали, сколько вредностей спушествуетъ сребролюбію и скупости, и что сребролюбивой и скупой какъ Богу, такъ и свѣту ненавистенъ.

Великій Александръ Македонскій, и несчастный Дарій, Царь Персидскій, не токмо въ войнахъ и походахъ, кои предпринимали; но и въ умахъ и склонностяхъ, кои имѣли, весьма различны были. Ибо Александръ имѣлъ нравъ и охоту давать и иждивать; а Дарій собирать и прятать. Чего ради когда разошелся по всей вселенной о Александровомъ щедролюбіи, и чуждемъ отъ скупости сердцѣ, слухъ; подданные его премного любили, и иноземные народы служить ему желали. Напротивъ того Дарій, понеже великаго ради въ собираніи сребролюбія, и въ даяніи скупости, худая объ немъ носилась слава; и отъ своихъ непослушаніе, и отъ другихъ презрѣніе и ненависть претерпѣ-

валъ. Откуду легко заключить можно, что великіе Государи и Князи, давая обогащаются, а сохраняя обнищаваютъ.

Плутархъ въ Апоѳегматахъ повѣствуетъ, что, когда по умерщвленіи Дарія, и завоеваніи Александромъ цѣлаго востока, нѣкто изъ Ѳивянъ, на площади въ Аѳинахъ счастіе Александра, толь много пріобрѣтшаго, выхвалялъ, и безсчастность Дарія, толико утратившаго, оплакивалъ; громкимъ голосомъ нѣкоторый Философъ сказалъ: „ Жестоко погрѣшаешь Ѳивянинъ, думая, что сей Государь толь многія области потерялъ, а тотъ многія царства пріобрѣлъ. Ибо Александръ „ одни токмо камни и храмины городовъ пріобрѣлъ, потому что щедролюбіемъ своимъ „ ужè сердцà гражданъ себѣ пристяжалъ; напротивъ же того несчастный Дарій, кромѣ „ городскихъ камней и храминъ, ничего не потерялъ; поелику скупостію и сребролюбіемъ „ своимъ ужè сердцà всѣхъ Азіатскихъ народовъ утратилъ. Государи, продолжалъ онъ, „ кои счастіе свое возвысить, и державы „ свои распространить желаютъ, въ походахъ „ прежде сердцà великодушіемъ своимъ и щедролюбіемъ себѣ снискивать, и тогда ужè „ пославши войска, стѣны и городà доставать должны; а инако мало ихъ воспользуетъ пріобрѣсть камни, ежели противны „ суть сердцà. „ Изъ сего заключить можно, что полученное отъ Александра, щедролюбіемъ и великодушіемъ было пріобрѣтено; а потерянное отъ Дарія, сребролюбіемъ и скупостію

постію было утрачено; которая вещь намъ ни мало удивительною казаться не должна. Ибо великіе Государи и Князи, сребролюбіемъ и скупостію побѣжденные, не знаю, многихъ ли царствъ могутъ быть побѣдителями?

Толь гнусной, злой, ненавистной и опасной есть порокъ сребролюбія, что ежели бы все, какія онъ въ себѣ заключаетъ, вредности перо мое изобразить покусилось; было бы не иное, какъ естьли бы я воду изъ моря желалъ вычерпать. Ибо чьимъ сердцемъ сребролюбіе обладаетъ, того порокамъ служить, и идоламъ покланяться принуждаетъ. Ежели бы разумный человѣкъ въ сердцѣ своемъ досаду и безпокойство, которое изъ сего проклятаго порока стяжеваетъ, разсуждалъ: то не знаю, осмѣлилсяль бы кто быть ему подверженнымъ. Потому что хотя бы сребролюбивой и скупой никакой другой досады не получалъ, кромѣ съ опасностію всегда итти спать, и съ печалію съ постели вставать; то довольно кажется мнѣ и сей одной досады. Ибо который такъ ложится спать, боится, чтобъ на кровати его не умертвили, или у спящаго сундука не разламали; когда же встаетъ, то встаетъ со страхомъ потерянія пріобрѣтеннаго, и съ попеченіемъ пріумноженія малаго богатства.

Платонъ въ первой книгѣ о обществѣ написалъ: „Для того небогаты человѣки, „понеже никогда не училися себя обогащать. „Ибо кто непрерывно и истинно о богащаться желаетъ, прежде жадность укрощать,

 „не-

„ нежели въ собиранie богатства вступать „ долженъ; понеже тотъ человѣкъ, который „ никакъ желанiямъ своимъ границъ не по„ ставляетъ, хотя бы и всего свѣта облада„ нie получилъ, за малое считать будетъ.„ Приличное по истиннѣ толикому мужу мнѣнie. Весьма нравится мнѣ правило Стоиковъ, о которомъ упоминаетъ Аристотель въ Политическихъ книгахъ, говоря, „ что великiя бѣд„ ствiя всегда великiя богатства предваряли; „ и что никогда не было величайшаго убоже„ ства, кромѣ гдѣ было величайшее изобилiе„. Изъ чего заключается, что у державныхъ Монарховъ и Князей, кои много имѣютъ, многаго не достаетъ. Ибо у тѣхъ, кои всегда мало имѣли, не можетъ многаго, но развѣ малаго недоставать.

Коликократно мы осуждаемъ пороки беззаконныхъ, никогда занавѣсъ для прикрытiя своихъ пороковъ они не лишаются, кромѣ точiю въ одномъ порокѣ сребролюбiя и скупости, въ которыхъ вовсе никакого оправданiя не имѣютъ. А ежели бы одно маленькое нерезонное извиненie и принесли, то можно ко опроверженiю онаго шесть сотъ предложить возраженiй и доказательствъ. Когда же мы всѣхъ главныхъ пороковъ примѣры положимъ, то одинъ точiю скупости и сребролюбiя порокъ неизвинительнымъ и предосужденiя достойнымъ увидимъ.

1. Ежели кого изъ великихъ Государей, Князей и Вельможъ за спесь и гордость обвинятъ; скажетъ во отвѣтъ, что онъ справедли-

вую

вую къ тому имѣетъ причину: ибо такъ отъ природы устроенъ человѣческой нравъ, что лучше съ досадою повелѣвать, нежели съ покоемъ служить и повиноваться желаетъ. 2. Естьли мы кого обличаемъ за бѣшенство и вспыльчивость; отвѣтствовать будетъ, что мы тому удивляться не должны, когда не удивляемся и гордому: ибо невящшую власть недоброхотъ или сосѣдъ когонибудь раздражать, какъ и тотъ за обиду свою отмщать имѣетъ. 3. Ежели обвиняемъ кого за невоздержаніе и похотливость; представитъ во отвѣтъ, что онъ отъ того грѣха воздержаться не можетъ: понеже хотя бы кто и наипаче безстыдныхъ и срамныхъ дѣлъ избѣгнуть могъ; всегда однакожъ ему со злыми помышленіями ополчаться должно. 4. Ежели кого винимъ за лѣность и нерадѣніе, будетъ отвѣтствовать, что онъ порицанія и не заслуживаетъ. Ибо толь развратна природа наша, что естьли мы трудимся, тотчасъ изнемагаетъ; и естьли отъ труда облегчилися, тотчасъ невоздержаніемъ шумствуетъ. 5. Ежели кого обличаемъ за обжирство и неумѣренность, дастъ отвѣтъ, что безъ пищи и питія въ свѣтѣ жить не можетъ, и слово Божіе свидѣтельствуетъ, что не скверняmъ человѣка трапезы, кои во уста входятъ; но злыя помышленія, кои изъ сердца происходятъ.

Что мы о сихъ не многихъ порокахъ говоримъ, то самое во оправданіи и прочихъ всѣхъ сдѣлать могли. 6. Но сребролюбію ни какого справедливаго извиненія дать не можно: ибо

ибо собраннымъ сокровищемъ ни душа наслаждаться, ни тѣло увеселяться не можетъ. Воетій въ книгѣ о утѣшеніи говоритъ: „ Денги „ паче расточеніемъ, нежели собираніемъ блистаютъ; и тогда суть драгоцѣнны, когда „ будучи перенесены къ другимъ употребленіемъ даянія, престаютъ быть владѣемы:„ котораго Воетіева мнѣнія лучшаго сказать не можно. Ибо расточаемыя деньги, всякому желаемое доставляютъ; но удерживаемыя ни къ какой надобности и пользѣ не служатъ.

Естьли же сребролюбивые и скупые богачи представятъ въ резонъ, что сколько они ни собираютъ и сохраняютъ, единственно для будущей дороговизны и недостатка сіе дѣлаютъ, дабы въ то время родителямъ и пріятелямъ пособлять могли: то отвѣтствую, что они сокровища собираютъ не для того, дабы въ таковыхъ нуждахъ убогимъ помогать, но дабы въ большія общество ввергать. Ибо какъ они тогда дорого продаютъ, и много въ лихву даютъ; истинно клятвой подтвердятъ убогіе люди, что больше вреда и убытку имъ скупаго сребролюбца данными въ лихву деньгами, нежели отъ неплодородія года отнятыми пищами нанесено.

Не должны отвращаться отъ щедролюбія благородные и знаменитые мужи страхомъ голодныхъ лѣтъ. Понеже хотя бы и гораздо неплодоносной годъ пришелъ, одни точію расходы нѣсколько умѣреннѣе дѣлать принуждаетъ; и въ такомъ случаѣ счастливъ тотъ человѣкъ, который съ радостію и удоволь-

вольствіемъ будетъ жить воздержнѣе, для того чтобъ могъ вящшее оказывать щедролюбіе въ подаяніи милостины нищимъ. Пусть остерегаются скупые и жадные сребролюбцы, дабы стараясь о собраніи многаго богатства, не уменьшили, или, лучше сказать, не погубили пользы и спасенія души. Понеже легко сдѣлаться можетъ, что доколѣ дорогой годъ пріидетъ, ужѐ сребролюбецъ оный будетъ мертвымъ; и такимъ образомъ сребролюбивые прежде душу сатанѣ даромъ отдадутъ, нежели къ продажѣ за великую цѣну брашенъ время увидятъ. Ахъ коликое на знаменитыхъ мужей Богъ изливаетъ благодѣяніе, даруя имъ великодушныя сердца! и напротивъ того коликимъ зломъ объяты суть сребролюбивые и скупые, которые обыкновенно бываютъ сердцемъ малодушны! Понеже естьли бы сребролюбивые и скупые, отвѣдали и искусили, сколь сладко давать; ниже того, что самимъ для собственнаго употребленія нужно, удержать не могли бы.

Но однакожъ хотя гнусные скупцы и сребролюбцы не имѣютъ намѣренія и желанія давать другамъ, удѣлять родителямъ, помогать убогимъ, заимообразно снабдѣвать сосѣдей, и питать сиротъ; по крайней мѣрѣ на свои надобности употреблять смѣютъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ сіе. Ибо сыщешь такихъ людей, кои отъ собственнаго своего имѣнія въ толикомъ плѣнѣ и въ толикой неволѣ содержатся, что равно за погибшее считаютъ то, что для самихъ себя

иждиваютъ, какъ то, что другіе у нихъ воровски похищаютъ. Какъ одѣнетъ нагаго тотъ, которой отъ гнусной скупости и самому себѣ кафтана сшить не смѣетъ? Какъ голодному нищему подастъ пищу тотъ несчастный скупецъ, который самъ ѣстъ хлѣбъ изъ отрубей и ячменя, чтобъ продать пшеницу? Какъ угоститъ странныхъ тотъ, который за чрезвычайною скупостію ниже кровли въ домѣ не починиваетъ? Какъ посѣтитъ богадѣльны, или пособитъ болящимъ тотъ, который лучше подвергаетъ опасности здравіе и жизнь, нежели дастъ одинъ рубль лѣкарю, а другой аптекарю? Какъ бѣднымъ въ нуждахъ поможетъ тайно тотъ, котораго слуги и дѣти необутые и нагіе ходятъ явно? Какъ въ выдачѣ за мужъ дочерей убогимъ пособитъ тотъ, который собственнымъ дочерямъ въ домѣ своемъ состарѣться попускаетъ? Какъ на искупленіе плѣнныхъ употребитъ деньги тотъ, который и договоренной платы наемнымъ слугамъ своимъ отдавать не хочетъ? Какъ почтенныхъ родителей убогимъ дѣтямъ дастъ прокормленіе тотъ, который всегда плачетъ и вопитъ, что хлѣбъ ѣдятъ свои дѣти? Упевательно дастъ одѣяніе вдовѣ тотъ, который на покупку чепца женѣ въ деньгахъ отказываетъ? Какъ обяжетъ себя къ исполненію повседневно обыкновенныхъ дѣлъ милосердія тотъ, который въ воскресный день не ходитъ къ обѣднѣ для того, чтобъ не было нужды подать копѣйку? Какъ благопріятнымъ и ве-

се-

селымъ сердцемъ что нибудь дастъ сребролюбивой и скупой, который часто для того, чтобъ не издержать гроша, идетъ спать безъ ужина? Словомъ: никогда, повѣрь мнѣ, тотъ не дастъ изъ богатства своего, который непрестанно плачетъ и рыдаетъ для богатства чужаго.

ГЛАВА 26.

Авторъ продолжая намѣреніе, удивительнымъ образомъ изъясняетъ, сколь многія вещи сребролюбивой и скупой неблагопристойно дѣлаетъ.

Между тѣми вещьми, коими божественный промыслъ показываетъ, что образъ правленія его намъ неизвѣстенъ, есть и сія, которую мы видимъ, что отъ него дается человѣку разумъ къ познанію, трудолюбіе къ собиранію, мудрость къ сохраненію, крѣпость къ защищенію, и наконецъ время жизни къ обладанію богатствъ; но однакожъ съ сими дарованіями вмѣстѣ не дается власть ко употребленію оныхъ, такъ что попущеніемъ Божіимъ тотъ, который неправедно сдѣлался господиномъ чужаго, справедливо дѣлается невольникомъ собственнаго. Изъ чего разумѣется, сколь лучше есть честное убожество, нежели нечестивое сребролюбіе, когда Богъ скудному человѣку въ маломъ довольное сердце даруетъ; а у богатаго и въ многомъ великодушіе отъемлетъ, такъ что жадному сре-

сребролюбцу досады въ каждой часъ, а прибытки развѣ только въ каждую ярмонку прирастаютъ.

Сравнимъ мы богатаго сребролюбца съ убогимъ горшешникомъ, и посмотримъ, больше ли прибыли получаетъ горшешникъ изъ горшковъ, которые изъ глины дѣлаетъ; или сребролюбецъ изъ денегъ, которыя въ землю закапываетъ. Хотя же бы никто не отвѣтствовалъ, то отвѣтъ ужѐ явственъ, что лучше тотъ живетъ съ глиной, нежели сей съ златомъ. Ибо горшешникъ продавая горшки, жизнь пріобрѣтаетъ; а богачь сохраняя деньги, душу погубляетъ.

Того ради великихъ Государей молю, Князей прошу, прочихъ же знаменитыхъ Вельможъ, благородныхъ мужей и простолюдиновъ увѣщаваю, дабы они памятовали сіе слово, и запечатлѣли оное во внутренностяхъ сердечныхъ; сирѣчь, которое я говорю и утверждаю: Ежели кто деньги хранитъ и запираетъ, то оныя наипаче хранитъ и запираетъ отъ самаго себя. Ибо когда кто къ сундуку, вѣчными запорами укрѣпленному, два замкà для сбереженія прицѣпитъ; въ то самое время къ сердцу своему не токмо два, но и семь замковъ, для неупотребленія прицѣпляетъ. Пусть опасаются и остерегаются знаменитые и благородные мужи, чтобы деньги сохранять и собирать не привыкли. Ибо одинождыі сердца ихъ собиранію сскровищъ предавшись, для пощадѣнія и одной монеты въ тысячу гнусныхъ неблагопристойностей

ностей повседневно впадать никогда не престанутъ.

Естьлижъ бы сказали простолюдины, что, понеже они не весьма богаты, великихъ сокровищъ собрать имъ нельзя, когда больше ста, или по крайней мѣрѣ двухъ сотъ червонныхъ скопить не могутъ: то я въ разсужденіи чиновъ и состояній отвѣтствую, что столько же погрѣшаетъ тотъ, который десять червонныхъ, сколько и тотъ, который десять тысячь имперіаловъ въ кладъ полагаетъ. Ибо не въ сохраненіи и прятаніи многихъ или малыхъ денегъ порокъ заключается; но въ томъ, что мы сохраненія ради оныхъ многія пропускаемъ пользы. Мнѣ кажется совсѣмъ новая вещь, когда вижу, что больше силъ у сребролюбивыхъ имѣетъ спупость, нежели у другихъ совѣсть. Ибо сыщешь такихъ людей, кои пренебрегши совѣсть пользуются и наслаждаются имѣніями чужими; напротивъ чего сребролюбцы больше по принужденію скупости, нежели совѣсти, не пользуются и не наслаждаются имѣніями собственными.

Съ величайшимъ попеченіемъ и немалымъ прилѣжаніемъ скупые и сребролюбивые остерегаются, чтобъ наводненія не снесли мѣльницъ, чтобъ стада не потравили луговъ, чтобъ охотники не ловили звѣрей, чтобъ отъ ветхости не окисли или не высохли вина, чтобъ должники не ушли съ долгами, чтобъ мыши не поѣли брашенъ, и чтобъ воры чего нибудь не украли изъ дому; но при всемъ

томъ

томъ однакожъ ни предъ кѣмъ крѣпче, какъ предъ самими собою пожитковъ своихъ не заключаютъ. Ибо прочїе или скоро или поздо что нибудь украсть всегда случай находятъ; а сребролюбивой и скупой одинъ червонецъ на мѣлкія деньги размѣнять никогда намѣренія и желанія не имѣетъ.

Достоинъ сожалѣнія сребролюбивой и скупой, который изъ доброй воли, а не по нуждѣ носитъ епанчу истертую, башмаки безъ подбою, подвязки укороченныя, поясъ безъ пряжки, кафтанъ изодранной, шапку ветхую, сапоги распоротые, шляпу толстую, и рубаху безъ манжетъ, и ходитъ безъ перчатокъ; наконецъ многїе изъ сихъ несчастныхъ притворяются по нѣкоторомъ умершемъ плакать, хотя въ самой вещи справедливою причиною слезъ ихъ бываетъ то, чтобы нѣсколько лучшаго сукна купить принуждены не были. Чего не дѣлаетъ сребролюбивой и скупой, когда для того только, чтобъ изъ кошельковъ не вынуть двухъ копѣекъ, по два мѣсяца носитъ небритую бороду?

Хотя же сребролюбивые и скупые худо самихъ себя довольствуютъ, однако домы изрядно украшенныя имѣютъ. Нѣтъ не правда; но въ храминахъ сихъ увидишь покои наполненныя пауками, двери сорванныя съ крюковъ, окна щелеватыя, замки изломанныя, посуду разбитую, полы скоробленные, кровли дыравыя, стулья разшатанныя, сѣни засоренныя, краваты гнилыя, печки разсыпанныя, такъ что родственника или друга намѣре-

мѣревая угостить, къ сосѣду, чтобъ онъ его принялъ, итти, или того, что надобно для употребленія въ заемъ просить принуждены бываютъ.

Но минуя одежду, которую употребляетъ, и домъ, въ которомъ живетъ, посмотримъ, сколь великолѣпнымъ столомъ наслаждается скупой и сребролюбивой. Здѣсь уже извѣстно, что онъ изъ садовъ своихъ ѣстъ только яблоки падающія, изъ виноградовъ ягоды гнилыя, изъ стадъ мясо болѣзнію зараженное; изъ пшеницы то, что замочено; изъ вина то, что испорчено или окисло; изъ сыру то, что мышами изгрызено; изъ молока то, что за снятіемъ сливокъ или сметаны осталось: напослѣдокъ какое счастіе въ яденіи прожорливые погалаютъ, такое въ храненіи скупые посрамляютъ. О безсчастные прожоры! о несчастные сребролюбцы! ибо оныхъ пріятность въ томъ, что чрезъ гортань въ желудокъ опущаютъ; а сихъ счастіе въ томъ, что въ сундукъ замыкаютъ, заключается.

Хотя же сребролюбивые и скупые худо одѣваются, скудно питаются, и невыгодно живутъ; однако наблюдаютъ свою честь и славу. Нѣтъ. Но естьли бы сіи несчастные человѣки столь прилѣжныя къ слушанію уши имѣли, сколь жадныя къ собиранію и храненію сердца имѣютъ; всякую минуту слышали бы, что ихъ называютъ лоскутниками, лихоимцами, барышниками, сребролюбцами, скупягами, бѣдными, голодными, ростовщиками,

ками, немилосердными, непамятующими добродѣтели, неблагодарными, вѣроломными, клятвопреступниками, беззаконными и недоброжелательными. Къ чему много говорить? Словомъ: толь суть ненавистны гражданамъ, что оные съ большею охотою и горячностїю тѣла ихъ руками, нежели честь и славу языками терзали бы.

Великое есть несчастїе сребролюбиваго и скупаго, что ежели сильнаго прїобрѣлъ врага, ни единаго не сыскиваетъ друга, который бы пришелъ къ нему въ домъ посѣщенїя ради; и сыскиваетъ сто воровъ, кои богатство его похищаютъ. Ежели кто непрїятелю своему, который скупъ и сребролюбивъ, отмстить намѣреваетъ; то ничего хуждшаго ему желать не можетъ, какъ долговременной жизни. Ибо скупой и сребролюбивой гораздо горестнѣйшею дѣлаетъ себѣ жизнь чрезъ скупость и сребролюбїе, нежели мы чрезъ возложенное на насъ тягостное и жестокое за грѣхи удовлѣтворенїе.

Ежелижъ бы сказали богатые, что они отъ собственнаго и добраго произволенїя не имѣютъ великолѣпныхъ домовъ, которые имѣть могли бы; не носятъ дорогихъ одеждъ, коихъ множественнымъ числомъ изобиловали бы; и не вкушаютъ смачныхъ трапезъ, которыми питаться имъ льзя было бы; и дѣлаютъ они сїе не для того, понеже скупые, но понеже Христїане суть: то справедливо перо мое возражать ихъ удержалось бы. Но увы! когда они касающїяся до чести вещи за

мало ставятъ; принадлежащія до совѣсти гораздо за меньше почитаютъ. Ежели сребролюбивой и скупой скажетъ, что онъ для того богатство сохраняетъ, чтобъ было изъ чего давать милостыни; я не хочу вѣрить. Ибо мы повседневно видимъ, что скупые убогимъ, просящимъ милостыни, тотчасъ съ сими словами: Богъ дастъ, поди съ Богомъ, отходить повелѣваютъ такъ, какъ будто бы ни единой копѣйки или полушки въ карманѣ у себя не имѣли.

Скупые какъ будто указное повелѣніе наблюдаютъ; сирѣчь, не иную въ домѣ своемъ давать милостыню, какъ только мясо жирное, щи вчерашнія, ветчину гнилую и червивую, сыръ мышами изъѣденной, хлѣбъ черствой, одежды ветхія, и полушки ломаныя, такъ, что кажется, паче очищаютъ домъ, нежели подаютъ милостыню.

Естьлижъ скупые и сребролюбивые скажутъ, что они для того прилѣжнѣе къ домостроительству, чтобъ оставленныя имъ отъ предковъ тягости снесть могли: то и сіе оправданіе есть нерезонное: понеже видимъ мы, что они не токмо дѣдовскихъ, но и родительскихъ завѣщаній еще не исполнили, и исполнять старанія не предпріяли; ибо съ самаго того времени, какъ родителей во гробъ положили, ни единой тамо свѣчи не зажгли. Тотъ, который за чрезвычайною скупостію и сребролюбіемъ отъ голоду и стужи умираетъ, станетъ ли умершаго отца изъ ала свобождать чрезъ милостыни или другія бла-

гопворенія? Естьли скажетъ сребролюбивой и скупой, что собираемое имъ въ сохраненіе полагается для построенія великолѣпнаго храма, и оставленія тамо благочестной памяти; то, ежели онъ таковую вещь изъ собственнаго труда сдѣлаетъ, и все неправедно пріобрѣтенное стяжаніе обиженнымъ возвратитъ, зданіе оное Богу пріятно и благоугодно, и отъ всѣхъ похваляемо будетъ. Но естьли сребролюбивой и скупой желаетъ, чтобъ въ величайшей нищетѣ многіе жили, для того единственно, дабы онъ богатой гробъ себѣ устроилъ; то сего ни Богъ не повелѣваетъ, ни церковь не дозволяетъ. Ибо изъ чужаго вопля и поту жертвы не суть пріятны Богу.

Ежели сребролюбивые и скупые скажутъ, что собираемое отъ нихъ для того полагается въ сокровище, дабы когда они умрутъ, наслѣдники за ихъ и прочихъ всѣхъ усопшихъ души по церквамъ нанимали и отправляли молебны и понахиды: то я намѣреніе похваляю, ежели только въ немъ нѣтъ ничего противнаго. Но увы! скупой и сребролюбивой всѣ тягости съ себя сложить уповаетъ, естьли одну (какъ говорятъ) притцатилѣтнюю понахиду велитъ отпѣть за мертвыхъ; хотя стараніемъ своимъ обнаженныхъ и въ богадѣльни приведенныхъ оставляетъ двѣ тысячи человѣкъ живыхъ. И такъ по моему мнѣнію, кажется лучше, естьли бы великіе Государи, Князи и Вельможи деньги свои иждивали на снабдѣніе приданымъ осиротѣлыхъ дѣвицъ въ жизни, нежели на пѣніе многихъ

тихъ понахидъ по смерти. Ибо часто оставшіеся наслѣдники весьма рѣдкіе пѣть молебны повелѣваютъ; а осиротѣлыя дѣвицы весьма многія погибаютъ. Сирѣчь, тотъ по сущей справедливости называется искупляющимъ души изъ ада, коего щедролюбіе предохраняетъ, чтобъ бѣдныя дѣвицы въ свѣтскіе пороки не впадали.

Временемъ жадный сребролюбецъ для пріобрѣтенія богатства, въ Августбургъ Гишпанскій, въ Ліонъ Французской, въ Олисипонъ Португальской, въ Лондонъ Британской, въ Анторфъ Фландрской, въ Медіоланъ Инсубрской, въ Флоренцію Етруской, въ Панорму Сицилійской, въ Вѣну Австрійской, въ Прагу Богемской, и въ Буду Венгерской города ѣздитъ; словомъ, всю Европу глазами пересматриваетъ, и чрезъ купеческой торгъ всю Азію знаетъ. Положимъ же мы, что онъ въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ нѣсколько прибыли получилъ; однако пріобрѣтеніе оное стяжалъ не безъ ущербу и повреждения совѣсти; но по различію коммерціи торговъ различные его грѣхи были. Естьли же бы сей сребролюбецъ въ смертный часъ, когда при послѣднемъ своемъ издыханіи дѣтямъ раздѣляетъ деньги, равнымъ образомъ раздѣлялъ и грѣхи, чтобъ лишась владѣнія богатствъ, купно свободенъ былъ и отъ содѣланныхъ прегрѣшеній: то по крайней мѣрѣ было бы сносно; но увы! дѣти деньгами съ радостію и веселіемъ наслаждаются; а несчастный отецъ съ грѣхами во адъ вселяется.

ГЛАВА 27.

Письмо Марка Аврелія Императора къ другу Цинциннату, производящему купеческой торгъ въ Капуѣ, хотя оной прежде былъ Кавалеромъ въ Римѣ; раздѣлено отъ Автора на три главы.

„Маркъ Аврелій Императоръ Римскій,
„Аннія Веруса брата въ Имперіи и Ценсурѣ
„сотоварищъ, Цинциннату Капуанскому здра-
„вія и мужественнаго сердца противу злой
„фортуны желаетъ.

„Къ немалому моему соболѣзнованію я
„даже со времени торжественнаго праздника
„матери Верекинѳіи ни слуги изъ твоего до-
„му не видалъ, ни писемъ отъ тебя не по-
„лучалъ: которая вещь принуждаетъ меня
„подозрѣвать, что ты или здоровьемъ осла-
„бѣлъ, или дружбу нашу ужѐ забылъ. По-
„неже дружба, чѣмъ тѣснѣе бываетъ, тѣмъ
„частѣйшаго сообщенія или посѣщенія тре-
„буетъ. Я не желалъ бы впредь толикаго
„твоего объ насъ нерадѣнія и забвенія; си-
„рѣчь, чтобъ ты посѣщенія ради къ намъ
„не пріѣзжалъ, или по крайней мѣрѣ часто
„писемъ не писалъ. Ибо искреннихъ дру-
„говъ писанія хотя желаніе присутствія не
„вовсе отъемлютъ; однако всегда надежду
„питаютъ, что они нѣкогда между собою
„увидятся.

„Я

„Я знаю, что у тебя готовъ на сіе отвѣтъ; сирѣчь, ты толь многими въ Капуанскомъ обществѣ дѣлами занятъ, что ни мало не остается къ писанію времени. „Но я напротивъ того отвѣтствую, что никакое дѣло тебѣ толикихъ недосуговъ приключить не можетъ, чтобъ законное было препятствіе, съ другомъ чрезъ письма не продолжать собесѣдованія. Ибо по справедливости сказать можно, что мы то только время живемъ, которое на служеніе богамъ, и обращеніе съ другами употребляемъ. Прочееже сверьхъ того время, иждиваемое отъ насъ на разговоры, на отправленіе дѣлъ и должностей, на труды, на сонъ, на вкушеніе пищи, и на отдыхновеніе, не въ реэстръ жизни, но въ книгу смерти записывать должно. Ибо такими дѣлами хотя тѣло увеселяется; однако духъ не подкрѣпляется. Повѣрь клятвѣ моей, другъ; статься не возможно, чтобъ кто нибудь въ оной вещи успокоился, когда духъ его не спокоенъ. Ибо не въ мертвыхъ костяхъ и жилахъ тѣла; но въ живыхъ силахъ души наше состоитъ утѣшеніе.

„Много ужè тому времени, какъ я тебя, и ты меня знаешь; много ужè тому времени, какъ я тебя, и ты меня любишь: Когда же мы толь древніе други, то справедливость требуетъ, дабы мы взаимными услугами возобновили дружбу. Ибо ложно тѣ употребляютъ имя друговъ, между которыми не большее, какъ между чужими,

 „обра-

„ обращеніе происходитъ. Тотъ, который со „ мною не бесѣдуетъ, ничего ко мнѣ не пи„ шетъ, меня не видитъ, нижѐ посѣщаетъ, „ ничего мнѣ не даетъ, и ничего отъ меня „ не принимаетъ, хотя не желаю, чтобъ былъ „ мнѣ врагомъ; однакожъ мало мнѣ нужды, „ чтобъ хвалился и величался моимъ другомъ. „ Ибо ни въ чемъ больше не состоитъ особли„ вая дружба, какъ въ томъ, чтобъ други „ внутренніе (такъ сказать) чертоги сердецъ „ своихъ взаимно себѣ открывали, и пріят„ ное между собою обращеніе имѣли.

„ Можетъ быть ты, Цинциннатъ, воз„ ложишь причину прохлажденія нашей дру„ жбы на разстояніе мѣстъ, которымъ ты „ отъ Рима отдаленъ; но я отвѣтствую: Нѣ„ жныя сердца какъ того, что имъ любезно, „ присутствіемъ распаляются, такъ и того, „ что имъ вожделѣнно, отсутствіемъ терза„ ются. Слабыя ви́на, чѣмъ далѣе отъ при„ роднаго своего мѣста везутся, тѣмъ крѣ„ пче дѣлаются: равнымъ образомъ и истин„ ные други въ семъ познаются, когда чѣмъ „ далѣе между собою тѣлами отстоятъ, тѣмъ „ крѣпче сердцами сопрягаются. Естьли же „ ты меня всегда вѣрнаго, и ко всему гото„ ваго имѣлъ; то для чего худое мнѣніе о „ моей вѣрности предпріялъ? Какъ зеленые „ съ наружи листы доказываютъ, что де„ рево внутри не сухое: такъ и добрыя „ дѣла̀ извнѣ, какова душа внутри, сви„ дѣтельствуютъ. Ежели истиннымъ дру„ гомъ, Цинциннатъ, называться желаешь;

„ то

„ то содержи сіе правило дружбы, что гдѣ
„ нѣтъ совершенной любви, тамъ всегда че-
„ го нибудь въ услугахъ недостаетъ; напро-
„ тивъ же того, кто совершенно любитъ,
„ тотъ совершенно и постоянно служитъ.
„ Истинно я твой и былъ, и есмь, и буду:
„ несправедливъ ты, ежели не весь мой. Бо-
„ лѣе не стану говорить.

ГЛАВА 28.

М. Аврелій продолжая намѣреніе, показываетъ знаменитымъ и благороднымъ мужамъ нѣкоторыя похвальныя дѣла, кои исполнять; и предосудительныя, коихъ убѣгать имъ должно.

„ Прежде сего, когда я былъ младолѣ-
„ тенъ, а ты старъ, я тебѣ деньгами, а
„ ты мнѣ добрыми совѣтами помогалъ. Ны-
„ нѣшній же возрастъ требуетъ другихъ о-
„ быкновеній. Ибо естьли сѣдина тебя объ-
„ являетъ старымъ, а дѣла обличаютъ мла-
„ долѣтнымъ: то нужно примѣтить и об-
„ разъ прежняго нрава; сирѣчь, чтобъ я те-
„ бѣ добрыми совѣтами пособлялъ, хотя ты
„ мнѣ ничего изъ своихъ денегъ давать не ста-
„ нешь. Ты такъ погрузился въ сребролюбіи
„ и скупости, что ниже за одинъ грошъ всѣхъ
„ совѣтовъ и совѣтниковъ Римскихъ не купилъ
„ бы. Однакожъ я по крайней моей къ тебѣ
„ любви, и по праву нашей дружбы наставлю

„ нынѣ тебя полезнымъ совѣтомъ, изъ ко-
„ тораго усмотришь, что доброму мужу на-
„ длежитъ дѣлать, дабы и богамъ благоуго-
„ денъ, и отъ человѣкъ любимъ и почитаемъ
„ былъ. И такъ ежели ты, Цинциннатъ,
„ между человѣками спокойную жизнь провож-
„ дать желаешь, всегда въ памяти содержи
„ предписанныя тебѣ мною сіи правила:

„ Первое, оказанныя тебѣ благодѣянія
„ помнить, и учиненныя обиды забывать
„ старайся.

„ Второе, малое, что твое есть, за ве-
„ ликое; и многое, что другихъ есть, за
„ малое почитай.

„ Третіе, къ добрымъ всегда присовоку-
„ пляйся, и отъ сообщенія беззаконныхъ у-
„ бѣгай.

„ Четвертое, противъ большихъ важнымъ,
„ а противу меньшихъ ласковымъ себя оказывай,

„ Пятое, присутствующимъ старайся всег-
„ да добро дѣлать, и объ отсутствующихъ
„ всегда хорошо говорить.

„ Шестое, утрату имѣнія и самую ве-
„ личайшую за малую; а чести и самую ма-
„ лѣйшую за великую поставляй.

„ Седьмое, ни для полученія единой вещи
„ многихъ, ни для достиженія многихъ не-
„ извѣстныхъ, одну извѣстную вещь въ опа-
„ сность потерянія не ввергай.

„ Напослѣкокъ прошу тебя и увѣщаваю;
„ старайся, дабы ты не болѣе, какъ единаго
„ друга имѣлъ, и остерегайся, чтобы какого
„ нибудь врага не пріобрѣлъ.

„ Я

„Я не сомнѣваюсь, что ты усмотря сіи
„правила, особливое изъ нихъ удовольствіе
„почерпнешь; но гораздо вящшее я почер-
„пнулъ бы, естьли бы усердное отъ тебя и-
„сполненіе оныхъ увидѣлъ. Ибо полезныя
„наставленія давать и предписывать очень
„удобно; но дѣломъ оныя исполнять весьма
„трудно.

„Истинно я по принужденію дружбы и
„союза, и по усмотренію въ тебѣ способно-
„сти, всегда старался тебя къ самымъ по-
„чтеннѣйшимъ должностямъ опредѣлять.
„Ибо ты чрезъ мое ходатайство и началь-
„никомъ отъ строеній, и Трибуномъ, и
„великимъ казначеемъ, и Генераломъ отъ
„Кавалери произведенъ: которыя званія такъ
„разумно тобою отправляемы были, что и
„Сенатъ мнѣ за исходатайствованіе тебѣ
„оныхъ благодарилъ, и самъ ты вѣчную
„память себѣ пріобрѣлъ. Нынѣ же я о тебѣ
„нѣкоторую вещь спознalъ, о чемъ ни себѣ
„извѣстія имѣть, ни тебѣ дѣлать не желалъ
„бы; сирѣчь, что ты должность Министра
„важныхъ дѣлъ оставя, вступилъ въ купече-
„ской промыслъ моремъ и землею, и бывши
„недавно Римскимъ Кавалеромъ, содѣлался
„нынѣ Капуанскимъ купцомъ.

„Когда пишучи дошелъ до сего мѣста,
„то пріостановясь, нѣсколько времени сомнѣ-
„вался, помышляя сирѣчь, прежде ли пори-
„цать тебя за оставленіе толь почтеннаго
„званія, или за подлость и презрѣнность,
„которой ты себя подвергнулъ. Ежели ты

 „са-

„самаго себя забылъ: то долженствовалъ по-
„мнить предковъ, кои для оставленія въ
„честь дѣтямъ и внукамъ Кавалерскихъ ор-
„деновъ, жизнь въ трудахъ и подвигахъ по-
„ложили; напротивъ чего ты нынѣ достоин-
„ство, которое они пролитіемъ въ поляхъ
„крови пріобрѣли, жадностію денегъ погу-
„бляешь.

„Я не обманываюсь, или лучше сказать,
„знаю, что предки ежели бы изъ мертвыхъ
„встали, въ разсужденіи того любочестія,
„какое они къ чинамъ имѣли, не долго жиз-
„нію тебѣ наслаждаться попустили бы. Ибо
„они дѣтей, кои родителей лишаютъ чести,
„по всякой справедливости жизни лишить
„могли бы. За́мки, се́ла, деревни, домы,
„горы, пруды, рощи, стада слуги, бисеры
„и денги, оставленныя отъ предковъ, на-
„послѣдокъ долготою времени погибаютъ; и
„нѣтъ ни одной изъ нихъ вещи, чѣмъ бы
„мы владѣли вѣчно, кромѣ славной памяти
„житія, которую они намъ оставили. Есть-
„лижъ сіе такъ есть, то безчестно укоритель-
„но родственникамъ попускать, чтобъ сынъ,
„въ которомъ слава предковъ угаснетъ, дол-
„говременою жизнію наслаждался.

„Когда премудрый Цицеронъ находясь въ
„самомъ цвѣтущемъ состояніи, все общество
„совѣтами своими управлялъ, и нѣкоторымъ
„мудрость и власть его весьма досаждала, и
„по случаю нѣкто упрекнулъ его подлостію
„рода: то сказалъ онъ во отвѣтъ: Благодарю
„безсмертныхъ боговъ, что знатность твоего

„рода

„ рода вЪ тебѣ окончается; а я такЪ живу, „ что потомкамЪ моимЪ знатность фамиліи, „ и примѣрЪ добродѣтели во мнѣ начинается. „ Мы не безЪ крайняго огорченія и соболѣзнованія видимЪ, что на мѣсто толикаго числа „ знамѣнитѣйшихЪ и добродѣтельнѣйшихЪ „ мужей вЪ какой нибудь фамиліи умершихЪ, „ толь злонравные и беззаконные дѣти вступаютЪ, что равно память потомковЪ чрезЪ „ безславіе, какЪ и предковЪ чрезЪ славу рас- „ пространяется.

„ Не могу довольно надивиться, Цинцин- „ натЪ, для чего ты сЪ непріятелями, по „ обычаю Римскаго Кавалера, ополчаться пере- „ сталЪ, и купцомЪ какЪ нѣкто изЪ подлой „ черни сдѣлался? Ты хочешь, оставя и „ ноземныхЪ, вредить своихЪ согражданЪ? „ Ты хочешь отнимать жизнь у того, „ который намЪ жизнь даетЪ; и отЪ смер- „ ти избавить того, который насЪ жизни „ лишаетЪ? Ты хочешь мятежникамЪ давать „ покой, и миролюбивыхЪ лишать тишины? „ Ты хочешь одарять тѣхЪ, кои собственное „ наше похищаютЪ, и похищать у тѣхЪ, кои „ собственнымЪ своимЪ насЪ одаряютЪ? Ты „ хочешь свобождать осужденныхЪ, и осуж- „ дать неповинныхЪ? Ты желаешь быть тиранномЪ своего общества, а незащитникомЪ „ отечества? Повѣрь мнѣ, тотЪ ко всѣмЪ „ симЪ дѣйствіямЪ обязывается, кто отложа оружіе вЪ купечество предается. При- „ лѣжно я самЪ сЪ собою разсуждалЪ, что

„ тебя

„ тебя побудило Кавалерской чинъ, отъ ко-
„ тораго ты всю славу заимствовалъ, оставить,
„ и безчестной для тебя родъ жизни пред-
„ пріять; тебѣ, говорю, сирѣчь военному че-
„ ловѣку безчестной. Поелику сей образъ жизни
„ токмо тѣмъ, кои въ немъ родилися, есть че-
„ стенъ въ обществѣ.

Вѣдай, Цинциннатъ, что я не хулю ку-
„ печескихъ торговъ и промысловъ; но ругаю
„ покупающихъ и продающихъ условія: ибо
„ какъ безъ Кавалеровъ не можетъ отправляе-
„ ма быть съ добрымъ успѣхомъ война, такъ
„ и безъ купцовъ не можетъ въ цѣлости
„ стоять общество. Однако не иную нахожу
„ причину оставленія военныхъ подвиговъ, и
„ предпріятія купеческихъ промысловъ, какъ
„ сію, чтобъ праздно сидя въ рынкѣ похи-
„ щать, понеже за старостію не можешь въ
„ въ лѣсахъ разбойничать. Покупай же, бѣд-
„ нѣйшій Цинциннатъ, дешево, и продавай
„ дорого; обѣщай много, и исполняй мало;
„ употребляй въ пріемѣ и отпускѣ разную
„ мѣру, чтобы никто тебя не обманулъ;
„ бодрствуй, или и совсѣмъ не спи, какъ въ
„ таковыхъ дѣлахъ обыкновенно поступаютъ
„ тѣ, кои въ купечествѣ упражняются: а я
„ клятвой подтверждаю, что та, которую
„ станутъ размѣрять твою жизнь, будетъ
„ справедливѣйшая мѣра, нежели лавки твоей
„ аршинъ.

„ Ты за такую должность принялся,
„ чтобъ одному тебѣ все, товарищамъ твоимъ
„ во многіе дни украденное, за одинъ часъ чрезъ

„ об-

„обманъ похитить; но будетъ время, въ „которое ты не праведно пріобрѣтеннаго не „въ часъ, что было бы долго, но въ единую, „что короче, минуту мишишся. Хотя мы „много и здравствуемъ, и имѣемъ, и можемъ, „и живемъ; однако отъ божественнаго право„судія и за злыя дѣла наказанія, и за доб„рыя воздаянія ожидать должно. И для то„го часто попущеніемъ боговъ, одинъ многихъ „мучителемъ бываетъ, и напослѣдокъ дол„гое время всѣхъ наказуетъ.

ГЛАВА 29.

М. Аврелій Императоръ, заключая письмо, совѣтуетъ Цинцинату другу, тлѣнныя и непостоянныя богатства сего міра презирать, показывая притомъ, что человѣку, сколькобъ онъ премудръ ни былъ, всегда нуженъ чужой совѣтъ.

„Ежели бы свѣту и его суетамъ мудрость „твоя конецъ полагала, которой тебѣ и „твоимъ днямъ, свѣтъ, по очевидному сви„дѣтельству сихъ сѣдинъ, полагаетъ: то и „я отъ труда тебя увѣщавать, и ты отъ „досады увѣщанія мои слушать свободенъ „былъ бы. Но когда толикое за дверьми „обнимаетъ нерадѣніе; то не обходимо нуж„но толкать въ нихъ млатомъ увѣщанія. „Хотя свѣтла блескомъ бритва, однако часто „ее полировать надобно. Хотя проницателенъ

„кто

„ кто разумомъ, однако часто требуетъ совѣ-
„ та. Часто погрѣшаютъ разумные люди не
„ нарочно; но поелику толь суть твердыя
„ дѣла, что они мудростію своею умягчить
„ и сварить ихъ не могутъ: почему имъ во-
„ лю, какъ будто притупленную поощрять,
„ разумъ очищать, мнѣніе собственное разрѣ-
„ шать, понеже и паче всего голоса и мнѣ-
„ нія чужаго, какъ будто оселку, употреблять
„ нужно.

„ Желающіе выстроить огромныя, вели-
„ колѣпныя, пространныя и красивыя пала-
„ ты, въ положеніи основаній крайнее прила-
„ гаютъ смотреніе: ибо, ежели основанія
„ суть не крѣпки, бываютъ и самыя зданія
„ опасны. Башни свѣта, сирѣчь счастливыя
„ состоянія, на которыхъ мы сыны суеты
„ превозносимся, устроены суть на непосто-
„ янномъ пескѣ, такъ что, сколько бы онѣ
„ крѣпкія и огромныя ни были, отъ малѣйша-
„ го вѣтру колеблются, отъ жару счастія
„ разсѣдаются, отъ бурной тучи несчастій
„ испровергаются, и въ самое то время, ко-
„ гда ниже думаемъ, отъ смерти до основа-
„ нія съ землею уравняются.

„ Видя же человѣки, что имъ не дано вѣ-
„ чности, покушаются оную себѣ пріобрѣсть,
„ затѣвая гордыя зданія, и оставляя дѣтямъ
„ богатѣйшія состоянія; въ чемъ они не мень-
„ ше, какъ и въ прочихъ дѣлахъ, суть глу-
„ пы. Понеже хотя бы заступы золотые, ло-
„ паты и телѣжки серебреныя, строители
„ Цари, каменьщики и плотники знатные ма-

„ стера

„ стера были; и сверьхъ того въ копаніи даже „ до внутренней утробы земли тысячу лѣтъ „ иждили, покуда бы до самой преисподней „ бездны дошли; безъ всякако однакожъ и са- „ маго малѣйшаго сомнѣнія извѣстно, что ни- „ гдѣ не сыщутъ толь каменистаго и тверда- „ го мѣста, и толь непоколебимаго камня, „ на которомъ бы безопасно домъ устроили, „ и память свою безсмертною сдѣлали.

„ Все безсмертные боги смертнымъ че- „ ловѣкамъ сообщили, кромѣ единаго безсмер- „ тія; и для того они токмо безсмертными „ нарицаются, понеже никогда не умираютъ: „ а мы смертными, понеже каждаго дня и „ минуты умираемъ. Естьли же человѣки ко- „ нецъ имѣютъ; то думаешь Цинциннатъ, „ что богатства конца имѣть не будутъ? Или „ зеленое, или зрѣлое, или гнилое, или сши- „ бенное яблоко сея жизни отъ древа бѣдной „ плоти, необходимо наконецъ отторгнуться „ должно; чего ты, Цинциннатъ, за маловаж- „ ное не почитай. Ибо хотя умереть есть вещь „ естественная; часто однакожъ насъ въ са- „ михъ листахъ или цвѣтахъ юности, иней „ болѣзни, или градъ бѣдствія подавляетъ, „ такъ что, когда живые востать съ постели „ думаемъ, въ вѣчную ночь глаза наши за- „ ключаемъ. Трудное, коштовное, къ распу- „ танію неудобное и долгое есть тканіемъ „ полотно; но оное какъ во многіе дни от- „ дѣлывается, такъ напротивъ того въ одну „ минуту времени отрѣзывается. Печальнѣй- „ шая есть зрѣнію вещь, что человѣкъ съ

„ то

„ толикимъ трудомъ воспитывается, и съ „ толикимъ иждивеніемъ почтеннаго состоянія достигаетъ; и въ самое то время, когда ниже мало не думаемъ, такъ исчезаетъ, что никакой по обоихъ памяти не „ остается.

„ Чрезъ взаимную между нами любовь „ тебя, Цинцциннатъ, прошу, и именемъ безсмертныхъ боговъ заклинаю, чтобъ ты не вѣрилъ свѣту, которому свойственно есть „ сіе. Онъ подъ тончайшимъ золотомъ многую ржавчину скрываетъ; онъ подъ прикрасою правды многими обманами насъ обременяетъ; онъ къ краткому увеселенію тьму „ печалей примѣшиваетъ; онъ тѣхъ, коимъ „ оказываетъ величайшую благосклонность, „ скорѣе обольщаетъ; онъ чѣмъ больше благихъ своихъ даетъ, тѣмъ вящшія зловредности наноситъ; онъ тѣхъ, кои шутя ему „ служатъ, въ правду награждаетъ, и тѣхъ, „ кои вправду его любятъ, шутя непостоянными благими надѣляетъ; наконецъ, онъ „ съ безопаснѣйшаго сна съ величайшимъ бѣдствіемъ разбужаетъ. Ты свѣтъ и его коварства знаешь, или не знаешь. Ежели не знаешь, „ то для чего ему служишь? Естьли же знаешь, „ то для чего ему послѣдуешь? Скажи пожалуй мнѣ, не безумнымъ ли бы почелъ ты вора, который бы купилъ веревку, чтобъ оною „ его удавили; или человѣкоубійцу, который бы „ сковалъ мечь, чтобъ онымъ ему голову отсѣкли; „ или разбойника, которой бы показалъ колодезь, „ чтобъ во ономъ его утопили; или измѣнника,

„ка, который бы вышелъ на площадь, чтобъ „на оной его четвертовали; или бунтовщика, „который бы самъ указалъ себя, чтобъ каменіемъ его побили? Но по истиннѣ, гораздо глупѣе ты, ежели зная свѣтъ, свѣту „служишь, и за свѣтомъ гоняешся.

„Скажу я тебѣ нѣкоторую вещь, толь изрядную и примѣчанія достойную, что ты „никогда ее забывать не долженъ; сирѣчь, „вящшее намъ вѣроятіе потребно, чтобъ мы „не вѣрили суетамъ суетнѣйшимъ, которыя „глазами видимъ; нежели чтобъ вѣрили чудесамъ удивительнымъ, которыя ушами „слышимъ. Не пропускай безъ вниманія; но „повтори и уважъ сказанное мною: понеже „оно имѣетъ свою глубину. Или ты думаешь, Цинциннатъ, что богатые, и на высокомъ мѣстѣ посажденные мужи, понеже „много имѣютъ богатства, мало имѣютъ „печалей? Повѣрь мнѣ, другъ, благія сего „міра такого суть свойства, что прежде, нежели какой нибудь безсчастной человѣкъ десять тысячь червонныхъ въ сундукѣ запираетъ, духъ его сто тысячь печалей и „досадъ терзаютъ.

„Видѣли древніе, видимъ мы нынѣшніе, „увидятъ тоже самое и потомки, что богатства, которыя пріобрѣтаемъ, суть числомъ „ограничены; а попеченіе и ссоры, которыя „онѣ съ собой влекутъ, безконечны. Рѣдкія „фамиліи знаменитыя гербами, и сіяющія „достоинствами въ Римѣ видимъ, которыя „бы чрезъ краткое теченіе времени не понесли жестокихъ въ сердцахъ печалей, лю-

„ тѣйшихъ съ сосѣдьми враждъ, великой отъ „ наслѣдниковъ ненависти, неумѣренныхъ „ отъ друговъ требованій, опасной враговъ „ злобы, паче же тяжебныхъ въ Сенатѣ спо- „ ровъ. Они временемъ, чтобъ одну скважи- „ ну имѣній заплатить, четырьмя славу и „ честь свою пронзили. Съ коликимъ числомъ „ гражданъ я сей случай видѣлъ, что собран- „ нымъ отъ нихъ для оставленія любимѣй- „ шему сыну богатствомъ, другой наслѣд- „ никъ, о которомъ они нижѐ думали, съ „ великимъ спокойствіемъ и безопасностію на- „ слаждался! Ибо нѣтъ ничего справедливѣе, „ какъ сіе, чтобъ тѣ, кои другихъ лукав- „ ствомъ обольстили въ жизни, сами тщетно- „ стію своихъ помышленій обольщенными се- „ бя познали въ смерти.

„ Весьмабъ несправедливы были праведные боги, естьли бы злымъ людямъ дава- „ ли время и мѣсто, совершать всякое зло- „ дѣйство, какоебъ только они ни вздумали. „ Но толь суть осторожны, прозорливы и пре- „ мудры боги, что кажется, будто бы въ „ предпріятіяхъ беззаконнымъ потакаютъ, и „ имъ въ нихъ нѣсколько соглашаются и по- „ могаютъ: но однакожъ въ самое то время, „ когда оныя наипаче по намѣренію и жела- „ нію текутъ, потолику съ вящшимъ собо- „ лѣзнованіемъ и печалію злодѣевъ пресѣка- „ ютъ. Немилосердны былибъ, и недостой- „ ное оказывалибъ терпѣніе боги, ежели бы „ злымъ человѣкамъ собранными отъ нихъ съ „ ущербомъ и вредомъ премногихъ, богат- „ ствами спокойно и долговременно наслаждать-

„ ся

„ся попускали. Величайшей глупости знакъ, „мнѣ кажется; сирѣчь, хотя мы знаемъ, „что раждаемся съ плачемъ, и видимъ, что „должно намъ умереть съ воздыханіемъ; од- „накожъ не смотря на то, желаемъ жить „съ веселіемъ и смѣхомъ. Желалъ бы я свѣ- „та, и его любителей спросить: Когда мы „въ свѣтъ со слезами входимъ, и изъ онаго съ „стенаніями исходимъ; то для чего они хо- „тятъ въ немъ жить съ радостнымъ смѣ- „хомъ? Поелику та линѣйка, которою мы мѣ- „ряемъ, со всѣхъ сторонъ прямая быть должна.

„Кто тебя такъ обольстилъ, Цинцин- „натъ, что для одной чаши воды, которой „ты изъ океана свѣта желаешь, руки измозо- „ливать, и какъ будто кожу съ нихъ верев- „кою попеченій сдирать, тѣло въ толикой „брани трудовъ сокрушать, и паче всего для „единой кружки чужей воды, честь и славу „свою въ опасность ввергать повелѣваетъ? „Повѣрь клятвѣ моей, что хотя ты много „имѣешь богатства, равно однакожъ жаж- „дою утомляемъ будешь, пьючи изъ оной „пучины, какъ и въ самое то время, когда „ни единой капли воды не имѣлъ въ воин- „скихъ обозахъ.

„Ежели бы ты, разсудя нынѣшнія свои „лѣта, употребилъ меня въ совѣтъ: то про- „силъ бы отъ боговъ смерти, чтобъ какъ „благоразумной старикъ успокоился, нежели „богатства, чтобъ по подобію глупаго юно- „ши беззаконно жилъ. Многими и изобиль- „ными я въ Римѣ оплакивалъ слезами, видя, „что оные отходятъ изъ свѣта; а о тебѣ,

„ Цинциннатъ, пролилъ, и нынѣ проливаю „ тучи кровавыхъ слезъ, зря, что ты въ „ свѣтъ паки возвращаешся. И преимущество „ твое въ Сенатѣ, и кровь предковъ, и моя „ дружба, и твое достоинство, и честь род- „ ственниковъ, и соблазнъ города, толикую въ „ тебѣ жадность корыстостяжательства обу- „ здать долженствовали. Подумай, безсча- „ стный Цинциннатъ, что почтенная сѣдина, „ которая опадаетъ, честными и благопри- „ стойными должна быть занята упражненія- „ ми. Понеже ты кровію знатенъ, заслуга- „ ми важенъ, лѣтами старъ, и гражданамъ „ любезенъ былъ; то долженствовалъ разсу- „ ждать, что большей цѣны стоитъ разумъ, „ который тѣсною стезею ведетъ добродѣ- „ тельныхъ, нежели простаго и несмыслен- „ наго народа мнѣніе, которое есть весьма „ широкой и пространной путь беззаконныхъ. „ Ибо хотя единая изъ нихъ къ шествованію „ тѣсна; однакожъ не такъ, какъ другая, „ къ ослѣпленію очей пыльна.

„ Я тебѣ подамъ совѣтъ, которой еже- „ ли причинитъ вредъ, болѣе не почитай ме- „ ня за друга. Спрашиваешь, какой? Опа- „ сайся непостоянныхъ богатствъ, какъ буд- „ то клееватымъ саломъ себя обременять, „ когда столь тонкую имѣешь свѣтильну жи- „ зни. Ибо мы видимъ, что равные съ то- „ бой лѣтами паче расплываются, нежели „ освѣщаютъ. Къ сему совѣту присоединяю „ увѣщаніе, чтобъ ты никогда настоящему „ благополучію не вѣрилъ: понеже оное всегда „ бываетъ несчастнаго жребія предвѣщаніемъ.

„ Ко-

„Когда ты на крутой и стремнинной холмъ „взошелъ какъ глупой; то я совѣтую тебѣ: „Снисходи со онаго, какъ разумной, и та- „кимъ образомъ всѣ скажутъ, что ты паче „сошелъ, нежели низпалъ. Теперь оканчиваю „письмо; заключеніе же есть сіе, которое „прилѣжно внуши; сирѣчь, достоинъ прокля- „тія ты и родъ жизни, которой возлюбя, вы „купцы живете убогими для того, чтобъ „умереть богатыми. Паки повторяю, и по- „вторять буду, что вы весьма достойны „проклятія: понеже единаго беззаконнаго „жадность и корыстолюбіе съ ущербомъ и „вредомъ многихъ добродѣтельныхъ испол- „няться необходимо должны.

„Кланяется тебѣ моя Фавстина, кото- „рая не малую почувствовала печаль, когда „увѣдомилась, что ты вступя въ купеческой „промыслъ, открылъ лавку въ Капуѣ. Я съ „моей стороны посылаю тебѣ для поѣздокъ „лошадь, и Триполитанскую трость великой „цѣны, которую можешь употреблять вмѣ- „сто Сципіона, сверьхъ того драгоцѣнное „кольцо, и Александрійской къ саблѣ ефесъ, „которыя вещи посылаю не для того, что „будто ты ихъ требуешь; но чтобъ я упо- „требляемаго мною похвальнаго обыкновенія „дарить не пропустилъ. Памфилія, твоя тет- „ка, а моя сосѣдка скончалась, о которой я „имѣю подтвердить, что и нынѣ сія жен- „щина ужѣ чрезъ многія лѣта не умерла, „которая такую о себѣ оставила славу; си- „рѣчь, что враговъ примиряла, бѣднымъ и „убогимъ пособляла, странныхъ и въ тем-

„ницахъ заключенныхъ посѣщала, враговъ
„не имѣла, всѣхъ другами имѣла, и нако-
„нецъ одна она, какъ говорятъ, всѣ храмы
„украшала. Присцилла, твоя двоюродная се-
„стра, совершенно здорова, хотя по причинѣ
„смерти матери въ великомъ плачѣ и сѣто-
„ванiи находится: да и въ самомъ дѣлѣ не
„напрасно. Понеже, естьли бы мы только
„одни болѣзни, которыя въ родахъ матери
„претерпѣваютъ, кровавыми оплакивали сле-
„зами, достойной цѣны и въ то время за-
„платить имъ не могли бы. Да сохранятъ
„тебя боги, и какъ отъ тебя, такъ рав-
„нымъ образомъ отъ меня и отъ Фавстины,
„моей супруги, да отвратятъ злую судьбину.
„Маркъ, горы Цилiйской уроженецъ, писалъ
„собственною рукою.

ГЛАВА 30.

Авторъ совѣтуетъ Великимъ Государямъ, Князьямъ и Вельможамъ, убѣгать гнусной скупости, показывая, что щедролюбiе весьма прилично есть Царской особѣ.

Пизистратъ, славный Аѳинскiй тираннъ, отъ друговъ, толикаго безчеловѣчiя, въ коликомъ онъ упражнялся, снесть немогущихъ, былъ оставленъ, отшествiемъ каждаго изъ нихъ въ свои домы; по усмотренiи чего тираннъ и одежды и деньги всѣ сложа въ связку, на плечахъ своихъ понесъ къ другамъ, и съ пролитiемъ предъ ними многихъ слезъ, говорилъ слѣдующее: „Вотъ я принесъ одеж-

„ды

„ды и деньги; естьли вы в дружбу мою „возвратитеся, то пойдем все опять в „дом мой; естьли же вам со мной дружбу „иметь не угодно, то я определил жить „в вашем доме. Понеже, естьли вы гну-„шаетесь со мной обращаться, я напротив „того вам служить усерднейше желаю: ибо „ведаете вы, что не должно тех называть „истинными другами, кои взаимно один „одному не помогают.

Плутарх в Апофегматах повествует, что Пизистрат был чрезмерно богат, и крайне скуп, так что сколько ни приходило в его руки сребра и злата, все вечному предавал заключенію: понеже, естьли что надлежало купить, от тех, кои добровольно не давали, по повеленію его, насильно было отъемлемо. А как приближился к смерти. или лучше сказать, умер тиранн, то разсудилось Афинянам испытать вес Пизистрата, и сокровища его; по исполненіи чего, ко удивленію найдено, что в шесть раз сребро и злато умершаго труп превосходило весом.

Когда же спросили находившагося тогда в Афинах Философа Лида, что с сокровищем и трупом умершаго делать? то ответствовал он им следующее: „Ежели кто „из живущих вспомнит о чем нибудь, „от тиранна у него отнятом; то по моему „мненію оное ему немедленно возвратить „должно. И пусть никто не удивляется, что „я сокровища в казну общественную внесть „не советую: понеже боги не грабежами ти-

„ ранновъ, но потомъ гражданъ обществамъ „ обогащаться повелѣваютъ. Естьли же еще „ останутся багатства, и тѣ, у коихъ бы- „ ло отнято, не явятся; то по моему раз- „ сужденiю оное надлежитъ раздѣлить ни- „ щимъ. Ибо весьма праведно есть, чтобъ „ мы тѣми самими богатствами, коими ти- „ раннъ многихъ въ нищету привелъ, по край- „ ней мѣрѣ не многихъ обогатили. Что ка- „ сается до погребенiя, трупъ на снѣденiе „ птицамъ, и растерзанiе псамъ повергнуть „ совѣтую: коего осужденiя вы не почитайте „ безчеловѣчнымъ; потому что мы не обязаны „ для него больше сдѣлать въ смерти, неже- „ ли сколько онъ самъ для себя сдѣлалъ въ „ жизни, который будучи побѣжденъ сребро- „ любiемъ и скупостiю, не похотѣлъ купить „ и сажени земли на устроенiе гроба. Вѣдай- „ те же, коликiя нынѣ боги благодѣянiя и „ щедроты излили на Грецiю, жизнь у ти- „ ранна отъемля, изъ коихъ первое есть, что „ многiя богатства возвращаются въ свободу; „ второе, что многiе отъ труда избавляют- „ ся языки. Ибо самаго тиранна сокровища „ великой въ городѣ недостатокъ дѣлали; а „ наши языки въ худыхъ объ немъ рѣчахъ наи- „ большую часть времени провождали „.

Здѣсь, кажется мнѣ, сей Философъ двѣ вредности изобразилъ, кои въ обществѣ сребролюливой и скупой причиняетъ; сирѣчь, первая, что чрезъ прятанiе имъ великаго множества сребра и злата, купеческiе промыслы и торги, коими народъ питается, пребываютъ безъ движенiя, вторая, что будучи

чи всѣмъ ненавистенъ, премного въ сердцахъ гражданъ негодованія и досады возбуждаетъ, и такимъ образомъ богатымъ къ роптанію, а убогимъ къ проклинанію подаетъ причину.

Между Лонгобардскими законами былъ и сей какъ знанія, такъ и подражанія достойнѣйшій; сирѣчь, чтобъ, кои сребро, злато, деньги, шелковыя матеріи, и Аттальскія одежды у себя имѣли, тѣ повсягодно оныя вещи для свидѣтельства и записыванія въ Магистратъ приносили; и сіе дѣлано на такой конецъ, чтобъ никому не попустить прятать деньги, но чтобъ оныя куплею, продажею и торговлею между гражданами разсѣваемы были: по чему у того, который денегъ къ пользѣ своего дому иждивать не хотѣлъ, отнимая, въ общественную пользу употребляли. Естьли бы тоже нынѣ дѣлали Христіяне, что въ древнія времена Лонгобарды; то ни толикаго множества денегъ въ землю закапываемо, ни толикаго числа въ каждомъ городѣ сребролюбивыхъ и скупыхъ не былобъ конечно: ибо нѣтъ ничего неправеднѣе, какъ единому богатому въ кладъ полагать деньги, коими тысяча бѣдныхъ и убогихъ жить могли бы.

Хотя же никто спорить не можетъ, что скупость есть проклята и ненавистна, и что безмѣрная жадность корыстолюбія всѣмъ званіямъ пагубна, и молямъ подобна, кои самыя наилучшія одежды изгрызаютъ: однако, справедливо и свободно сказать, ничего больше она не очерняетъ и не обезображаетъ, какъ высокихъ фамилій и знаменитыхъ мужей. Ибо

 вред-

вреднѣе есть одна песчинка, падшая вѣ глазѣ, нежели рожа, приключившаяся на ногѣ. Агезилай славнѣйшій Лакедемонскій Царь, будучи отѣ нѣкотораго Ѳивянина вопрошенѣ: Которое слово Царю наипаче укорительно, и которое наибольше почтительно? Отвѣтствовалѣ: Государю ни на что вящше досадовать не должно, какѣ ежели назовутѣ его богатымѣ; и ни чемѣ вящше веселиться и утѣшаться не прилично, какѣ тѣмѣ, естьли называютѣ его убогимѣ: понеже добраго Государя слава не вѣ деньгахѣ, кои вѣ сокровищѣ полагаетѣ; но вѣ великихѣ благодѣяніяхѣ и щедротахѣ, кои изливаетѣ, заключается. О мнѣніе по истиннѣ Царское, и достойное кѣ водруженію вѣ незабвенной памяти Государямѣ!

Александрѣ, Пиррѣ, Никанорѣ, Птоломей, Помпей, Іулій Цесарь, Сципіонѣ, Аннибалѣ, М. Порцій, Августѣ, Титѣ, Траянѣ, Ѳеодосій, и М. Аврелій, были великодушные мужественные и пресильные Государи: при всемѣ однакожѣ томѣ Авторы, кои отправленныя ими вѣ жизни преславныя дѣла предали вѣ книгахѣ потомкамѣ, убожество, вѣ которомѣ смерть ихѣ постигла, описали; для того что не меньшую славу имѣ полезно расточенныя богатства, такѣ и храбро отправленныя дѣла приносили.

Хотя же какѣ подлаго званія человѣки и простолюдины, такѣ Великіе Государи, Князи и знатные Вельможи, бываютѣ сребролюбивы и скупы, и оба сіи рода суть порицанія достойны; однако порокѣ обоихѣ ихѣ совсѣмѣ неравенѣ. Потому, что убогой, ежели

чего жалѣетъ, отъ страха скудости; а знаменитый мужъ, естьли что сохраняетъ, отъ жадности изобилія сіе дѣлаетъ. И для того я проклятія достойною называю ту знаменитую особу, которая о собраніи богатства, чтобъ оное потомъ ее низвергнувъ, по землѣ волочило, старается; о пріобрѣтеніи славы, чтобъ оная хотя на двѣ пяди (такъ сказать) отъ земли въ верьхъ ее возвысила, ни мало не радитъ.

Когда высокіе Государи, Князи и Вельможи стараются украшены быть похвалою великодушія и щедролюбія, то желалъ бы я отъ нихъ знать, какую они имѣютъ причину скупости? Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ и сберегаютъ, дѣлаютъ сіе для того, чтобъ довольно было на пропитаніе: то по моему мнѣнію нѣтъ ничего непристойнѣе. Понеже хотя весьма скудно питается богатый, многіе лучше стола его остатковъ, нежели всѣхъ, сколько въ храмины свои вносятъ, собственныхъ трапезъ желалибы.

Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ, для одѣянія и украшенія своего сохраняютъ; то и сіе по моему разсужденію есть непристойно. Ибо знаменитыхъ особъ преимущество не въ томъ состоитъ, чтобъ самимъ въ богатыхъ одеждахъ ходить; но промышлять, чтобъ слуги въ лоскутьяхъ не ходили.

Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ, для того сохраняютъ, чтобъ сундучки уборами наполненные, и черными коврами и обоями украшенные имѣли; то и

сіе извиненіе ни малѣйшей важности не заключаетъ. Ибо всякъ, входящій въ Государскіе чертоги, больше на тѣхъ, кои во внутренности оныхъ обрѣтаются, добродѣтельныль, нежели на ковры и обои, кои въ чертогахъ имѣются, драгоцѣнныль суть, взираетъ.

Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ, то для того сохраняютъ, чтобъ города и за́мки своихъ областей стѣнами ограждать, или границы защитники укрѣплять могли; то, по моему мнѣнію, и сей отвѣтъ, равно какъ и прочіе, во оправданіе не служитъ. Ибо Государи ни о чемъ больше стараться не должны, какъ о томъ, чтобъ подданнымъ любезны были: потому что, ежели они своимъ любезны, не могутъ имѣть крѣпчайшихъ стѣнъ, какъ сердца̀ подданныхъ.

Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ, для того сохраняютъ, чтобъ сыновей на невѣстахъ обручить, а дочерей въ супружество выдать могли, то; по моему разсужденію, и сіе не прилично: потому что, какъ высокіе Государи и Князи пространнѣйшія области, и знаменитые Вельможи пребогатыя владѣнія имѣютъ; многія деньги имъ въ сокровище полагать совсѣмъ не нужно. Понеже естьли суть добродѣтельны, воспріятое наслѣдство распространятъ и умножатъ: естьли же по несчастію будутъ злонравны, то все оставленное имъ погубятъ.

Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ, для военныхъ случаевъ сохраняютъ: то, по моему мнѣнію и сіе извиненіе есть не праведно: понеже, естьли война несправедлива,

ва,

ва, оной ни Государямъ всчинать, ни подданнымъ совѣтовать не должно: естьли же справедлива, то не самому Государю, но гражданамъ иждивенiе дѣлать надлежитъ: ибо на праведныхъ и законныхъ войнахъ мало Государю отдать всѣ богатства, ежели каждый гражданинъ не посвятитъ себя на усердное воспрiятiе смерти.

Буде скажутъ, что ежели они деньги сохраняютъ для того сохраняютъ, чтобъ передъ смертью было чемъ награждать и надѣлять своихъ Министровъ и бѣдныхъ подданныхъ; но сiе толь далече отъ разума отстоитъ, что крайнему безумiю паче, нежели мудрости свойственно. Ибо въ часъ смертный лучше Государямъ утѣшаться и веселиться тѣмъ, что дали; нежели другимъ хвалиться и величаться пространствомъ, широтою наслѣдства, и многимъ изобилiемъ богатства, которое получили.

Сколь безразсудно дѣлаютъ, и сколь худо съ собою поступаютъ высокiе Государи и Князи, и прочiе знаменитые Вельможи, кои безславнаго названiя гнусныхъ скупцовъ, и ненасытныхъ сребролюбцовъ на себя воспрiимать не отрекаются; для того только, чтобъ маленькое число проклятаго сребра и злата положить въ сокровищахъ! Ибо, какъ искусство увѣряетъ, никто скупымъ на иждивенiе денегъ быть не можетъ, чтобъ на расточенiе славы и чести своей щедръ не былъ.

Плутархъ о счастiи Александровомъ повѣствуя, говоритъ, что между Вельможами Великаго Александра былъ Пердиккъ, который

видя Александра, все великимъ иждивеніемъ и трудомъ пріобрѣтаемое, съ величайшею удобностію раздающаго, спросилъ: „ Скажите мнѣ, „ Пресвѣтлѣйшій Государь, ежели вы все, что „ ни имѣете, отдадите другимъ; то что для „ самихъ себя оставляете „? Напротивъ чего Александръ отвѣтствовалъ: „ Мнѣ остается сла„ва того, что я далъ и пріобрѣлъ, и надежда „ того, что дать и пріобрѣсть имѣю. Повѣрь „ мнѣ, Пердиккъ, продолжалъ онъ, ежели бы я „ помышлялъ, что будутъ думать люди, что „ все, мною полученное, жадностію или сребро„любіемъ разжегшись похитилъ; клянусь Мар„сомъ, ни единаго въ коямъ либо городѣ зубца „ со стѣнъ не испровергнулъ бы, и нижѐ еди„наго военнаго ополченія не предпріялъ бы, „ хотя бы цѣлаго свѣта господствованіе полу„чить могъ. Но намѣреній моихъ сей есть „ конецъ, чтобъ себѣ славу пріобрѣсть, а дру„гимъ богатства раздѣлить „. Рѣчь по истинѣ приличная величайшему Государю.

Ежели то, что я въ книгахъ читалъ, или собственными глазами видалъ, меня не обольщаетъ; то человѣкамъ еще и для того надлежитъ быть щедролюбивыми, чтобъ были богатыми. Ибо высокіе Государи и Князи, и знаменитые Вельможи, кои нравомъ въ даяніи великодушны, въ имѣніи всегда бываютъ счастливы; что подтверждаетъ обыкновенная Галльская пословица: Ежели дашь декаріи, то декаріи обратно и придутъ; естьли же червонцы, то червонцы вспять возвратятся. Часто случается, что того, который мало даетъ, щедрымъ; и того, который много

даетъ,

даетЪ, скупымЪ считаютЪ; вредности же сей единственною причиною есть незнаніе, что скупость и тороватость не вЪ многомЪ или маломЪ даяніи, но вЪ искусствѣ благоразумнаго даянія заключаются. Ибо щедроты безразсудно и неблаговременно оказанныя, ни пріемлющему полезны, ни дающему почтительны не бываютЪ.

Скупой больше даетЪ одиножды, нежели иной щедрой вЪ двагцать разЪ, откуду произошла пословица: Ежели бы скупой столько же, сколько щедрой, давалЪ: то отЪ всего порока себя очистилЪ бы. Но между щедростію единаго, и скупостію другаго сіе есть различіе, что щедролюбивой и великодушный, что ни даетЪ, многимЪ даетЪ; а скупой что ни даетЪ, единому даетЪ: которой вредности Государи прилѣжно остерегаться должны. Ибо ежели вЪ семЪ случаѣ единаго пріобрящутЪ хвалителя щедролюбія, десять тысячь напротивЪ того будутЪ имѣть хулителей скупости.

Часто случается, что высокіе Государи, Князи и Вельможи самимЪ дѣломЪ вЪ даяніи награжденій щедры; но однакожЪ вЪ разсужденіи тѣхЪ, коимЪ оныя даютЪ, бываютЪ несчастливы, чему причиною есть сіе: поелику они думая, что даютЪ мужамЪ добродѣтельнымЪ и благонравнымЪ, чувствуютЪ потомЪ, что на людей неблагодарныхЪ и благодѣянія непамятующихЪ попали, и такимЪ образомЪ ни доброжелательство себѣ даяніемЪ не снискиваютЪ, и отЪ другихЪ состояніемЪ ненависть и роптаніе стяжеваютЪ.

Ниже довольно высокимЪ ГосударямЪ, державнымЪ КнязьямЪ и знаменитымЪ Вельмо-

жамЪ

жамъ быть къ даянію великодушнымъ; но сверьхъ того надлежитъ имъ знать, когда, какъ, гдѣ и кому давать должно; а инако давая, поношеніе, равно какъ и сокровища собирая, предосужденіе заслужитъ. Когда человѣки то, что имѣли, играми, прелюбодѣйствами, пиршествами, и другими тому подобными пороками погубили; весьма справедливо таковыхъ для примѣты содержать въ памяти: естьли же свое, яко щедролюбивые и великодушные мужи иждили; то нѣтъ причины на нихъ досадовать. Ибо не о томъ, что теряется, но о томъ, что теряется худо, сожалѣть должно; равно какъ и о томъ, что даетъ, ежели не хорошо отдаетъ, разумному мужу веселиться не прилично.

Діонъ Греческій повѣствуетъ, что Северъ Императоръ, когда въ день праздника Янусова пребогатыя, какъ своимъ, такъ и чужестраннымъ Министрамъ и народамъ пожаловалъ награжденія, и за то премного отъ всѣхъ гражданъ былъ похваляемъ, слѣдующія сказалъ слова: „ Хотя вы, граждане, думаете, „ что я премного о дарахъ, кои пожаловалъ, „ веселюсь, и похвалами, кои отъ васъ получилъ, величаюсь; но, клянусь любовію Марса, „ и благополучнаго года дарованіемъ отъ милосерднаго Януса, меньшую я изъ того, что „ далъ, радость; нежели изъ того, чего дать „ не могу, прискорбность почерпаю „.

КОНЕЦЪ ПЯТЫЯ ЧАСТИ.

,
-
-
-
:
-
а
е-
о-
о
о-

Ъ
о-
е-
о-
мЪ
ія
е,
ь,
у-
са,
ни-
то
ть

